

КЛАССИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

16+

СЕРГЕЙ
SKOLORUSSOV

Сергей Skolorussov

Superстар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67077468

SelfPub; 2022

Аннотация

Убийца-садовник. Убийца-садовник. Убийца-садовник.
Убийца-садовник. Убийца-садовник. Убийца-садовник. Убийца-
садовник. Убийца-садовник. Или всё-таки не он?

Содержание

Глава первая	6
22 июля	6
Глава вторая	8
25 августа	8
Глава третья	20
26 августа	20
Глава четвёртая	29
27 августа	29
Глава пятая	50
28 августа, суббота	50
Глава шестая	77
30 августа, понедельник	77
Глава седьмая	83
1 сентября	83
Глава восьмая	100
2 сентября	100
Глава девятая	110
3 сентября пятница	110
Глава десятая	123
4 сентября, суббота	123
Глава одиннадцатая	137
5 сентября, воскресенье	137
Глава двенадцатая	146

6 сентября	146
Глава тринадцатая	155
Тот же день. Чуть позже	155
Глава четырнадцатая	196
Последняя	196

Сергей Skolorussov

Суперстар

– Вы кто, дедушка?

– Я следователь.

– Такой старый?

– Но кто-то должен в силу своего опыта противостоять очевидной глупости.

Глава первая

22 июля

Тишину разрывал нетленный страдальческий хит Оскара Бентона. Он рыдал: *«Эти бумаги на твоём столе – все они врут. Это иллюзия, что ты вечно по уши занят. Но на самом деле это не так. Ты сходишь с ума. Твоё сердце рвётся на части, слушая Бенсонхарст-блюз. Boo-boo-boo, boo-booу, boo-booу. Boo-boo-boo, boo-booу, boo-booу...»*

Алина не находила себе места. Андрей так и не появился, а на звонки не отвечал. «Что-то случилось, – нервно думала она. – Всё! Больше ждать нет смысла. Уже два часа ночи. Здесь, на даче, он уже точно не появится. Надо ехать домой. Если его и там нет – придётся бить в набат. Что-то случилось».

Она собрала вещи. Посмотрела на цветы, дорогое шампанское и фрукты. Забирать? Нет. Таскаться с бутылкой за тридевять земель просто глупо.

Плохо. Оставалась надежда, что Андрей зачем-то вернулся домой и не поехал на дачу. Но почему он не звонит? Алина вызвала такси...

...По приезде в город, таксист терпеливо ждал, когда она

найдёт деньги расплатиться. На карточке не хватало пяти сотен. В сумочке нашлось ещё двести рублей наличными. Водитель недовольно качнул головой. Ему пришлось подняться на пятый этаж вместе с пассажиркой.

Когда Алина зашла в квартиру, солнце уже вовсю веселилось, проникая сквозь занавески в кухню и далее, падая мощным пучком на пол прихожей. Отсюда, от входных дверей, хорошо были видны: обеденный стол, стулья и ноги человека, лежащего на полу. Это был Андрей. Алина сделала несколько быстрых шагов вперёд и резко остановилась в дверном проёме. «Андрей...» – прошептала она и тихо сползла по косяку на пол. Уже на полу она ещё раз прошептала: «Андрюша...» И тут же потеряла сознание, повалившись навзничь.

Водитель бросился к ней на помощь. В метре от женщины на полу лежал человек. Его остекленевший взгляд упирался в потолок. Вокруг головы подсыхала огромная лужа крови.

Глава вторая

25 августа

Старичок был в отличном настроении и по привычке бубнил себе под нос одну из любимых мелодий. Сегодня это была музыка из фильма «Приключения принца Флоризеля»: «Пурум-пум-пум, пуруру-рум, пурум-пум-пум-пуруу-ру. Пурум-пум-пум, пуруру-рум, пурум-пум-пум-пуууу-у...»

Весельчак восседал за старинным секретером, заваленным записными книжками, распечатанными на принтере текстами, словарями и энциклопедиями. На экране монитора виднелась карта Латвии. Пенсионеру было явно под восемьдесят. Об этом говорила пигментация кожи, глубокие морщины, поредевшая седая шевелюра и всклоченные брови. Очки с толстыми линзами были задвинуты на лоб, а карандаш торчал за ухом. Старик непрерывно двигал завалы макулатуры и хлопал по ним ладонью. «Чёрт, куда я его опять засунул? – пробурчал он себе под нос. – Максик, ты не брал?» Максик, услышав своё имя, ловко запрыгнул на стол, тихо мявкнул и потянул свою мордочку к лицу деда. «Не брал? А куда он тогда делся? А, вот он», – карандаш чудесным образом наконец был обнаружен. Старичок потёр

руками по впалой груди, одетой в выдавшую жизнь толстовку, и взял карандаш в руки. «Раз не брал, чего тогда припёрся?» – рука тут же бесцеремонно скинула кота со стола. Дедуля вновь забубнил любимый мотивчик, пододвинул к себе замызганную принтерную рукопись, написанную на непонятном языке, произнёс «такс-такс» и вознамерился внести ремарку в текст. Но ему это сделать не дали. Раздался дверной звонок. Дед недовольно засопел и снова засунул карандаш за ухо, сняв при этом очки. «Кто там ещё?» – проворчал он, развернувшись в выжидательной позе к входной двери. Дождавшись двукратного повторения звонка – это очевидно в его понимании означало, что кто-то беспокоит его не по пустякам, дедушка вздохнул. Шаркая тапочками и, хромая на обе ноги сразу, он двинулся открывать дверь.

На пороге стояла пара. Пожилая пара. Одеты с лоском, причёсаны стильно. Ясно – это не рекламщики, не прохиндеи, не соседи снизу и не соцслужба. Старику стало очевидно, что на пороге его дома супруги с долготлетним стажем. По крайней мере, об этом говорил возраст за шестьдесят, а также тот факт, что женщина непроизвольно прижалась к плечу своего спутника. Хозяин квартиры вопросительно помолчал и, не дождавшись инициативы со стороны гостей, спросил:

– Чего изволите?

Мужчина громко продавил комок в горле:

– Александр Яковлевич Смильтон здесь проживает?

Дедуля сделал шаг назад и отклонил голову, чтобы гости попали в фокус его дальнорядного зрения:

– Это я..., а вы по какому..., – он не договорил формальную фразу, явно узнав гостей. – Слава! Юлечка! – Смильтон приветливо пожал руку мужчины и активно покивал женщине, слегка дотронувшись старческой рукой до рукава её дорожного жакета. – Я вас сразу и не узнал. Долго жить будете.

– И вы, – изобразила улыбку гостя.

– Проходите. Да не разувайтесь. Не надо было. У меня есть гостевые тапочки. Ну, не хотите, как хотите, – засуетился хозяин квартиры. – Проходите на кухню. Я там гостей принимаю.

Он слегка подтолкнул мужчину в нужную сторону и заспешил к себе в комнату, но тут же выглянул из-за угла:

– Я сейчас. Устраивайтесь. Будем чай пить. Только надену что-нибудь приличествующее случаю. Я быстро. Садитесь, садитесь.

Он вернулся назад уже не в тёплых клетчатых штанах и в домашней толстовке, а в отутюженных серых брюках и в однотонной голубой рубашке.

Гости сидели за столом и выжидательно смотрели на хозяйина. Слава, он же Ярослав Андреевич Тумашов, напряженно потёр висок, на котором заканчивались аккуратно выбритые баки. Хозяин суетливо включил чайник, расставил чашки-ложки, блюдца-сахарницу-конфеты и большую жестяную банку, украшенную иероглифами:

– Нет, это не китайский чай. Это мой собственный сбор. Чрезвычайно полезный! Им и спасаюсь от всего списочка медицинской энциклопедии. От всех хворей. В основе: иван-чай, тимьян, мята, котовник, чага. И многое другое. Я вас заболтал? Нет? Ну, пока чай вскипает, а вы готовитесь к рассказу... Я же понимаю, вы неспроста меня навестили. Давно вас не видел. Я не обижаюсь – вы не обязаны. Я рад. Просто рад. Что мне ещё старику надо? Про чай закончу. Мало кто знает, что Россия издавна была главным поставщиком чая в Европу. Правда-правда, сушая правда. Только это был не тот чай, который все пьют сейчас: индийский, цейлонский или китайский. Российский готовили путём ферментации листа кипрея, известного ещё, как иван-чай. Из него получали очень вкусный и ароматный напиток. Вы сейчас сами убедитесь. Да к тому же чрезвычайно полезный. Он был народным лекарственным средством и от язвы, и от гастрита, и от рака. Да-да, так и есть. Производили его вагонами и стоил он три копейки за пуд. Царских три копейки, не сегодняшних. Хотя всё равно – даром. Русский чай охотно покупали. Деньги в казну лились рекой. Но как издревле повелось у нас, чужому мы слепо поклоняемся, а своё гнобим. Нет пророков в своём отечестве. Нет. Англичане и голландцы в 19 веке наладили торговлю чаем с Китаем, и это приносило им баснословные прибыли. Но под ногами путался конкурент – копорский чай. Назван он был так по местности в Ленинградской области. Копорье, вы же знаете. Там больше все-

го заготавливали кипрея. Из-за созвучия «копорье-кипрей» я подозреваю, что эти заготовки производились ещё в совершенно седые времена. Не сумев потеснить копорский чай в честной конкуренции, европейцы обратились к царю. Наши цари-батюшки послушали цивилизованное западное слово и запретили заготовку и употребление русского чая. Совсем запретили. Даже для себя. Явно, что убытки при этом были грандиозными. Но мы же только и радеем, как угодить западным соседям. Повод придумали, мол, чтобы искоренить фальсификацию настоящего чая. По правде сказать, мошенники часто под видом китайского продавали копорский. Или смешивали их. Для этого даже чайные коробочки с иероглифами производили в то время в России в огромном количестве. По мне так, запрет – это очередная «рассейская» глупость, из перечня которых можно издать многотомную энциклопедию. Несусветная глупость. Убыточная глупость. Безмозглая глупость. Это не может быть поводом, чтобы запрещать чудесный напиток, который, к слову, совсем ничем не хуже заграничного. Водку тоже часто фальсифицируют. И что? Давай, запретим? Или таблетки. Даже бренды одежды подделывают. Не ходить же из-за этого всем голым? Может, лучше жуликов запретить?

Он высказался вволю и довольный этим энергично заглянул в лицо каждого из гостей:

– Болтливость – это возрастное. Не обижайтесь.

Во время рассказа Александр Яковлевич заварил свой

сбор в медном чайничке. Взбодрил его переливом в чашку и обратно и теперь с удовольствием разлил настой гостям:

– Не побрезгуйте. Не понравится – не пейте. Всё аккуратно собрано вот этими пальчиками. Листок к листочку, ветка к веточке.

Закончив церемонию, он аккуратно отхлебнул, зазывно закатив глаза, и наконец предложил начать разговор о деле:

– Ну, говорите, что вас ко мне привело? В толк не возьму, но чувствую, что дело серьёзное.

Супруги переглянулись и настроились на разговор. Наконец Ярослав Андреевич произнёс:

– Сын наш погиб, Андрюша. Нам нужна ваша помощь, Александр Яковлевич.

Смильтон сразу погрузнел:

– Так я и думал, что свершилось что-то страшное. Андрюша... Помню-помню. Буруз такой активный.

Женщина вздохнула, слегка поджав губы:

– Давно он был бурузом. Сорок ему исполнилось за месяц до дня смерти.

Смильтон качнул головой:

– Сорок?! Как время бежит. Давно уже нет Андрея, бабки вашего. А теперь, стало быть, и его молодое воплощение загубили. Да, беда. Был я у старшего Андрюши на могиле недавно..., – он замолчал, явно почувствовав, что лишние слова сейчас ни к чему.

Гости не совсем поняли его «остановку», переглянулись

и выжидательно уставились на хозяина дома. Старик сообразил:

– Нет, я не к тому. Просто так, к слову. Хорошо про вас подумал тогда. Всё чисто, прибрано, клумба красивая, цветы. К делу, к делу!

Юля закусила нижнюю губу и выразительно взглянула на мужа. Во взгляде явно прослеживался посыл: я ведь говорила, всё зря – посмотри, какой он болтливый, старый и немощный. Но супруг как будто и не уловил этого взгляда:

– Я считаю... Мы с Юлей считаем, что его убили. Я чувствую, что это вовсе не несчастный случай, как утверждает кое-кто в полиции. Просто всё ловко подстроено. Прошло уже больше месяца. А воз, как говорится, и ныне там. Полиция отделяется сказками, да отписками. По ним, по этим отпискам, все, абсолютно все денно и ночью занимаются исключительно нашим сыном, – Тумашов накрыл ладонью руку супруги и слегка сжал её. – Отписки, отписки, сплошные отписки. Я подозреваю... Мы подозреваем, что либо кто-то заинтересован, чтобы дело спустить на тормозах, либо в полиции теперь работают исключительно рвачи и бездари.

Ярослав замолчал, но вспомнив, добавил:

– Не думаю, что кому-то просто лень заниматься нашим делом. Я добился того, чтобы с самого верха пришла указилка провести тщательное расследование.

– Но время уходит, – добавила практически загробным голосом Тумашова. – И с каждым днём шансы найти винов-

ного тают.

– Мы хотим, чтобы его смерть не осталась безнаказанной. Неправильно это, несправедливо. Поэтому я к тебе... мы к тебе и пришли, Александр Яковлевич.

– Помогите нам, если сможете, – в унисон мужу добавила его половинка.

«Кхе-кхе», – старик прочистил ком в глотке:

– Чем же я вам могу помочь? Я уже не молод. Давно на пенсии. Знакомых в милиции, э-э-э... в полиции, в прокуратуре или в других ведомствах не осталось. Совсем никого. Какой из меня помощник? Сами видите, сижу в засаленных штанах, да занимаюсь всякими стариковскими пустяками. Хобби называется.

Тумашов потряс пальчиком и возразил:

– Отец всегда восхищался вашей прозорливостью, умом и способностью распутывать самые запутанные дела.

– Надо же. Приятно слышать. Мне он никогда этого не говорил.

– Субординация.

– Да, начальничек... Двадцать пять лет вместе служили. И двадцать из них он был моим непосредственным командиром. Давно это было. Давно... – старик уныло покачал головой. – Беда. Андрея нет. Внука убили. Неправедливость... – он потупил взгляд, отведя его в сторону, затем вновь взглянул на супругов: – Боюсь, что всё зря. Только опозорюсь. Не представляю, как и чем я могу помочь, – Смильтон вновь

прочистил горло. – Кхе-кхе. У меня нет ни помощников, ни лаборатории, ни транспорта. И главное – у меня нет никаких прав вести расследование. Нет полномочий. Кто мне что расскажет, и кто меня будет слушать? Я – никто. Давно спи-санная по профнепригодности ищейка. Служебный пёс, по-терявший зрение, нюх и сноровку. Допрос в таком деле дол-жен проводить официальный следователь, а не дед с пасеки.

Но Тумашова трудно было переубедить. Он хоть и вздох-нул глубоко, но продолжил гнуть свою линию:

– Александр Яковлевич, главное, чтобы вы согласились. Остальные вопросы я решу. Помните Лиходеева? Он теперь большая шишка в Следственном комитете, генерал.

– Лиходеев? Лёшка? Генерал? Неисповедимы пути гос-подни.

– Он многим обязан моему отцу. Своим карьерным ро-стом, в частности. И вас хорошо помнит. Обещал помогать во всём.

– Ты уже с ним говорил обо мне?

– Говорил. Он, хоть и не сразу, но согласился. У вас всё будет. Всё, что вы пожелаете. Мне почему-то кажется, что вы, Александр Яковлевич, именно вы найдёте убийцу.

– Да-да, да-да. Неожиданно это всё...

– Александр Яковлевич, поймите, что в таком трудном де-ле только вы способны мне... нам помочь. Помогите! Чего ты молчишь? – обратился гость к своей супруге.

– Александр Яковлевич! Ради всего святого, – на глазах

женщины появились слёзы, и она полезла в сумочку за платочком.

Старик задумался, теребя сухими пальцами отвисшую от старости мочку уха:

– Да-да, несправедливо. Сначала Андрей скоропостижно. Теперь Андрюша в сорок лет. Беда. Неправедливо. А убийца видит, что этот мир несправедлив. Потому и пошёл на это. Не боясь, пошёл. Не опасаясь за свою шкуру. Зло, кругом безнаказанное зло.

– Оно должно быть наказано, – вытерла слёзы Юля.

– Согласен, – вздохнул дед. – Только я вас должен предупредить: мне семьдесят девять. Альцгеймера, слава богу, нет. Деменции тоже. Хотя больной не всегда знает, что он болен, но, судя по всему, я прав. Дураком меня пока никто не называл.

– Александр Яковлевич..., – демонстративно прижал руку к груди Ярослав Андреевич.

– Да я это к тому, чтобы вы не держали затем на меня обиду, если дело не выгорит.

– Само собой, – шмыгнула носом Тумашова.

– Ай, беда! Ай, беда! – Смильтон в досаде хлопнул ладонью по столу. – Я же завтра улетаю. Билеты куплены. Человек ждёт.

– Что за человек? Родственник?

– Да нет. Я с ним списался.

– А что за дело?

– Родословную я составляю. Чего так смотришь? Не для себя стараюсь, для детей, внуков, правнуков. Смысл? Не хочу, чтобы нас считали Иванами, непомнящими своего родства.

– А Рига при чём?

– Нет, я не оттуда. Мои предки со времён Петра в Питере обитали. Но приехали они сюда из города Смилтене. С мужчиной одним я списался. У него есть копия церковной книги. В ней записаны все, кто жил в этом местечке со времён царя Гороха.

– Александр Яковлевич, сдавайте билеты, – женщина произнесла это вполне уверенно. – Мы всё оплатим.

– Оплатите, оплатите... Эх, не люблю необязательность. А мужик время долго подбирал, чтобы я смог к нему приехать. Работает он пока.

– Дядя Саша...

– Ладно-ладно. Я понимаю. Это дело потерпит. Не прокиснет. Не смертельно. Ваше важнее. Несравненно важнее. Я понимаю.

Старик задумался. Тумашов переспросил:

– Так ты согласен нам помочь?

– Так-так-так, сказал бедняк... Я-то может быть и согласен. Но всё же подумать надо не только мне. Знаешь, Слава, ты... Нет, вернее, я... Я завтра буду ждать твоего звонка. Если ты не позвонишь, значит, передумал. Я не обижусь.

Гость нахмурил брови:

– Ничего не понял. Зачем мне ещё звонить?

– Знаешь, Слава, просто, когда ты ко мне шёл – ты жил в прошлом. А настоящее оно уже совсем другое. Боюсь, что, встретившись со мной сегодня, завтра вы можете пожалеть о своём решении. Стой-стой-стой! Ничего не говори. Если не передумаешь – звони. Позвони до трёх часов дня. Если не позвонишь, я полечу в Ригу.

Глава третья

26 августа

Смильтон сидел в кабинете следователя СКР и листал дело Андрея Ярославовича Тумашова. Папка была толстой, но стоящей информации в ней было крайне мало. Тем не менее, прочитав документы один раз, Смильтон стал внимательно перечитывать их заново. В руках у него была записная книжечка и карандаш. По ходу чтения он иногда что-то записывал, произнося при этом: «Такс-такс-такс». За соседним столом сидела миловидная брюнетка. Она занималась каторжной для любого следователя рутинной: набивала в компьютере письма, повестки, постановления. На высокой спинке кожаного кресла висел её мундир с погонями капитана юстиции. Дверь резко отворилась, и в комнату с улыбкой на губах ввалился высокого роста полковник:

– Николь..., – увидев старика, он тут же осекся и изменился в лице. – Николь Викторовна, почему в кабинете посторонний?

Она улыбнулась в ответ:

– Юрий Аркадьевич, познакомься, это Александр Яковлевич Смильтон.

Полковник критически оглядел гостя и ухмыльнулся:

– Понял. Теперь мы точно всех переловим. «Криминальная столица» навсегда останется в прошлом. На улицах Питера отныне будет тихо, спокойно и культурно.

Старик выдержал наглый взгляд распоясавшегося полковника, хлебнул чайку и, обнаружив, что чашка пустая, плеснул в неё из потёртого временем термоса новую порцию:

– Не бойся полковник, статистику я вам не испорчу. Вашу статистику невозможно испортить.

Полковника это задело. Никто уже давно не позволял себе так изощрённо ему хамить. Разве что вышестоящее начальство. Он подошёл вплотную к Смильтону и, чуть наклонившись, сделал вид, что внимательно изучает материалы дела:

– Ну что, Алексей Яковлевич, уже раскрыл? Достаточно одного прочтения?

– Нет, Георгий Аркадьевич, скоро сказка сказывается, да не скоро дело раскрывается.

– Запомни, дед, меня зовут Юрий Вагин, а не Георгий Жуков.

– И ты запомни, – спокойным голосом возразил старичок. – Меня зовут Александр Яковлевич, а не Алексей Яковлевич.

Полковник, опёршись своими ручищами на стол, вылутился на Смильтона, стараясь задавить его невообразимо суровым взглядом. Но тот невозмутимо почесал за ухом и, отхлебнув из чашки, предложил:

– Чем понтами бренчать, сгонял бы лучше за кипяточком

для старика.

Вагин даже оторопел, выпучил глаза, а потом захохотал:

– Ну, дед, ты мне нравишься. Выдержка у тебя, как у космонавта. Ладно, сейчас звякну, принесут тебе кипяток.

Полковник подошёл к столу Николь Викторовны и нажал кнопку селектора:

– Вагин говорит. Слушай, будь другом, принеси чашку чая в кабинет Перескок.

– Кипятка! Заварка у меня своя, – вставил пояснение Смильтон.

В это время раздался телефонный звонок. Старичок почесал двумя руками голову, потянулся, пошевелил плечами, расправив лопатки, и неторопливо вытащил из кармана брюк старенький облезлый сотовый:

– Смотри-ка, не жулики. А то мне каждый день прощелыги разные называют. Откуда в стране безработица? Столько народу на телефонах сидит и ежедневно интересуется: есть у меня лишние деньги и мозги или нет? – всю эту тираду он проворчал негромко, скорее для себя: – Алё! Смильтон моя фамилия. А, Слава, здравствуй, дорогой! Чем занимаюсь? Этим и занимаюсь. В следственном комитете сижу. Какие перспективы? Хорошие перспективы. Хорошие для следствия, естественно. Да, да, да. Зацепок много. Даже чересчур. Почему бездари? Нет, и не лентяи. Хорошо поработали. Папка тяжёлая. Боюсь надорваться. Нет, сегодня я буду здесь. Ты хотел мне машину дать. Завтра она понадобится.

Пусть к девяти утра к моей парадной подъедет. Не трудись, номер я всё равно не запомню. Но у нас во дворе представительских машин не пруд пруди. Найду.

Он отключил телефон и улыбнулся смотрящей на него Николь:

– Не думал, что в преклонном возрасте буду рассекать по городу на чёрном мерседесе.

Вагин снова подошёл вплотную к старику, с ухмылкой поинтересовался:

– Это каких-таких зацепок в деле много?

– Разных.

– Пример.

– Женщина, которая в шляпе, одета очень броско. Найти её по этой одежке нетрудно. Её найдём – многое прояснится.

– Больше месяца уже прошло. Как ты её найдёшь?

– Найду, не твоя забота. А то, что столько времени потеряли – это одно из многочисленных ваших упущений. Я не стал об этом отцу покойника говорить, чтобы вас не позорить.

Полковник даже оторопел, чуть отпрянув назад. Затем захохотал, оглядываясь по сторонам и как бы ища поддержку:

– Во даёт, Пинкертон! Только зашёл – уже дело раскрыл.

Дед, ты не много на себя берёшь?

– В самый раз беру. Ни больше, ни меньше.

Старик раскрыл термосок и заглянул внутрь. Затем вытащил из кармана тряпичный туесок и стал сыпать в сосуд сбор

трав. Вагин не унимался. Его бесила наглость простоватого на вид дедка:

– Какие нахрен упущения? Давай, мудрейший, выкладывай!

– Ты этого точно хочешь? – не отрывая взгляда от сыпавшейся в термос струйки, переспросил Смильтон.

– Говори.

– Хреново вы работаете, бездарно. Где анализ крови покойника?

– Зачем он нужен? Смерть наступила от удара головой о пол.

– Так это несчастный случай?

– Да.

– Не получается. Убили его. Убили твёрдым тупым предметом. Это не я придумал. Это в экспертизе так написано.

– Написано-то, оно написано. Но написать каждый может. Пол тоже твёрдый и тупой.

– Но рана от удара о пол не может быть такой, как в нашем случае. Эксперт сразу заметил, что при ударе о пол, рана была бы шире и пришлась бы на наиболее выпуклую часть затылка. А здесь рана немного смещена в сторону и более локальна. Эксперт, по характеру краёв раны даже предположил, что удар мог нанести левша.

– Это тонкости, которые не решают дела. В жизни и не такие чудеса случаются. Где отпечатки пальцев? Нет их. Где орудие убийства? Нет его. Не мог неизвестный «твёрдый ту-

пой предмет» из закрытой на замок двери сам собой исчезнуть. Каким образом вероятный преступник попал в квартиру?

– Обычным – она открыла дверь ключом. Таким же образом до этого вошла в подъезд. Это же хорошо видно по записи с камеры наблюдения.

– Ничего там не видно. Женщина закрывает терминал домофона своим телом.

– Видно, всё там видно.

– Вы считаете, что это она его убила? – вставила свой вопрос Перескок.

– Да. Больше некому.

– Но свидетель, живущий двумя этажами выше, показывает, что «шляпа» позвонила ему в дверь и спросила Крашенинникова, – высыпал доводы Вагин. – Это случайная женщина. Просто – женщина. Через пять минут она вышла из подъезда. Что-то больно сноровистая для убийцы. Ты не находишь? Только матёрый волк за такое короткое время способен убить, стереть отпечатки пальцев, забрать оружие убийства, да ещё успеть сбегать на верхний этаж, чтобы пустить следствие по ложному следу. У нас таких киллеров не зарегистрировано. И не только у нас. Таких преступников не бывает. Совсем не бывает. И не может быть.

– Чтобы обознаться квартирой, случайному человеку незачем проникать в подъезд. Для этого есть домофон.

– Может, она цвет двери только помнила – поэтому и под-

нялась наверх. Вообще, глупый разговор. Пустой! Никчёмный. Не найдёшь ты преступника. Нет его. Это несчастный случай.

– Если бы! Убийца – женщина. И я её найду.

– Дед, забьёмся? Ставлю пятачок, что ничего у тебя не выйдет.

– Лады.

Вагин критически оглядел прикид старика, скривил ухмылку:

– Да, доверие к следственному комитету после того, как ты засветишься на публике, будет подорвано. Где такой пиджачок урвал? – полковник дотронулся до плеча своего визави. – В сельпо?

Смильтон уже вернулся к изучению дела, равнодушно парировал:

– Приятно иметь дело с грамотным человеком. Слова-то какие знаешь! Не беспокойся так уж – через неделю я на твои деньги себе обновку куплю.

– Ну-ну! Дерзай...

Когда любитель пари удалился, старик обратился к девушке:

– Как тебя дедушка зовёт?

– Какой из двух?

– Без разницы.

– Один Коля, другой Ника.

– Тогда я тебя Колей буду звать. Не бойся – не на людях.

– Александр Яковлевич, так вы, правда, работали следователем?

– Не работал.

– Нет?

– Нет. Служил.

– Какая разница?

– Большая, – он сделал значительную паузу, после чего пояснил: – Сейчас многие работают: кто проституткой, кто киллером. Но я никогда не слышал, чтобы кто-то из них служил. Так вот: я служил. Можешь возразить, что многие государственные чиновники тоже служат. Может быть. Может. Но в основном они работают на должностях, которые, якобы, заслужили. Заслужили? Чем интересно?

– Что-то как-то слишком сложно.

– Нет, наоборот – просто, как дважды два. Работают люди руками, а служат сердцем. Если берут взятки – значит, работают. Если нет – значит, служат.

– Странная формула.

– Зато правильная.

– Занятный вы человек.

– Не «занятный» – интересный.

В помещение вошёл лейтенант с дымящимся чайником. Старик сразу засуетился со своей посудой:

– Так-так-так, сказал бедняк. Денег нет, хоть чаю выпью, – наполнив термос, повернулся к девушке: – Ну что, Коля, для начала встретимся с супругой покойника?

– Вызовем повесткой?

– Зачем? Сами наведаемся. Дорога для следователя – хорошее место собраться с мыслями, проанализировать накопленный материал. В дороге всегда приходят стоящие идеи. Если не хочешь – не ходи. Я сам. Корочку мне дали. Такс-такс-такс, что тут в ней? Нормально: внештатный сотрудник, майор в отставке. Правильно написали. Как я сказал – так и написали. А то всё «запаса», «запаса» ... Какой из меня запасник? Курам на смех.

Глава четвёртая

27 августа

– Зря ты Николь Викторовна со мной увязалась. Поди на работе дел невпроворот.

Они ехали на заднем сидении автомобиля, любезно предоставленного Тумашовым.

– Генерал приказал всегда быть рядом с вами. И во всём оказывать содействие.

– Ну, если генерал приказал... Тогда, конечно.

Старик уставился в стекло, за которым просматривались пейзажи летнего Питера.

– Но мне и самой интересно, – доверительно констатировала девушка.

– «Интересно»? Гм... Это хорошо, когда интересно, – попутчик вновь повернул к ней голову и улыбнулся.

Николь улыбнулась в ответ, но тут же стала серьёзной:

– Александр Яковлевич, только не спрашивайте Алину Борисовну про то, как она добралась до дачи. Мы проверили её алиби. В семнадцать пятнадцать она приехала к себе на дачу в Бабино на такси. Таксиста мы нашли – он подтвердил. Соседи видели, как она приехала. И даже разговаривали с ней. Покинула она дачу на такси полчетвёртого ночи.

Смерть Андрея наступила примерно в десять часов вечера. Как видите, алиби стопроцентное.

– Я читал материалы дела. Но спасибо, что ты мне напомнила. Боишься, что я беспросветный склерозник?

Николь смутилась:

– Не боюсь. Просто расставила акценты.

– Во сколько видели её соседи?

– У-у-у, – девушка недоумённо пожала плечами, – сразу после приезда.

– А потом?

– А что «потом»? Потом у неё свет горел, и она никуда не выходила.

– «Свет горел», – старик улыбнулся. – Это меняет дело. Не может же человек скрытно уехать в город, не выключив при этом электричество.

Девушка поджала губы, поняв, что Смилтон ёрничает.

Они ехали в ресторан, в котором их ждала Алина – решили совместить полезное с приятным. С утра же Александр Яковлевич и Николь побывали возле дома, в котором было совершено преступление. Старик деловито обошёл все окрестности, выясняя какие камеры наблюдения не были проверены следственной группой. Оказалось, что таких камер нет. Смилтон при этом облазил все кусты. Что он там искал, Николь узнала чуть позже. Участковый, вызванный капитаном, был ещё совсем мальчишкой. По крайней мере выглядел он именно так. Александр Яковлевич дал ему за-

дание переговорить с хозяевами машин, в которых установлены регистраторы.

– Дима, не ленись, поспрашивай всех. И не только тех, кто паркует машины здесь, но и у других домов по периметру. Нам надо обязательно выяснить, каким образом эта дама в шляпе сюда добралась.

– Возможно, она на такси прямо к подъезду подъехала, – возразил лейтенант и указал на дверь парадной: – В таком случае она попала в объектив только этой камеры, видео с которой мы имеем.

Перескок возразила:

– Вот таксистов мы как раз всех опросили. Во все транспортные фирмы был отправлен запрос с фото этой женщины. Нет, такси её не привозило. Это точно. Слишком приметно она одета.

– Значит, на частной машине: своей или чужой, – выложил варианты участковый.

Смильтон пожал плечами:

– Чего зря огород рядить? Ты выясни у владельцев автотранспорта – есть она у них на регистраторах или нет.

– Боюсь, много времени прошло..., – начал заунывную песню участковый.

– «Боюсь...» А ты не бойся, – оборвал его скулёж старик. – Если ничего не делать, а только затылок чесать – абы, да кабы, – перспектив не будет. Ищи, родной! Ищи, – он повернулся к следователю. – А ты, Николь Викторовна, состыкуй-

ся с метро. Надо и там поискать, если, конечно, у них записи сразу не затирают. Но мне кажется, что по закону они должны все видео долго хранить.

– Месяц – это точно. Я знаю.

– Всё равно подсуетись. Вдруг повезёт?

В это время старик увидел дворника и поспешил к нему.

Участковый и следователь потянулись за ним.

– Здравствуй, уважаемый! – поприветствовал Смильтон гастарбайтера.

– И вам, здарсьте, – дворник остановился, выставив в сторону худосочную метлу.

– Мы следственная группа... – Александр Яковлевич при этих словах полез в задний карман брюк за удостоверением.

Но таджик просчитал его намерения и перебил:

– Не надо, не показывай. С вами наш участковый. Что-то спросить хотел?

– В этой парадной человека убили.

– Опять?

– Нет, нет – месяц назад.

– А-а-а! Я испугался. Совсем, думаю, плохо, – улыбнулся южанин, неплохо говоривший по-русски.

– Я знаю, что сейчас многие жилищные компании заставляют своих сотрудников перебирать и утрамбовывать мусор. У вас есть такое?

– Ай, есть! Раньше хорошо было. Теперь работа-забота такая... Ай, жадные, хотят за один раз много мусора вывез-

ти, – стал жаловаться дворник. – А мы всё разгребай, пластик-мастик отдельно, картон-мартон отдельно, всё остальное – трамбууй. Совсем нас замучили. Никакой жизни не стало. А люди плохие. Окна-двери поменяли, мебель-шмебель поменяли – всё сюда, – указал он на мусорные баки.

– Ты же помнишь, когда здесь в квартире человека убили?

– Да, помню. Нам зарплату в тот день дали. Это месяц назад было. Завтра опять обещают дать.

– Я на всякий случай спрашиваю: не попадались ли в тот день или на следующий при переборке мусора странные предметы?

– Знаешь, дорогой, каждый день странные предметы попадают. Вчера телевизор выбросили. Большой такой. Включили, а он, шайтан, работает. Всё выбрасывают. Богатый дом, богатый город. У нас коней не выбрасывают.

– «Коней»? – переспросила Николь.

– Ага, коня в прошлом году выбросили. Большой такой, – он выставил ладонь на уровне своей груди.

– Пони, что ли? – снова поинтересовалась девушка.

– Зачем «пони»? Конь. Тяжёлый такой. Три нас его только смогли поднять, – он показал на пальцах количество участников подъёма лошади. – Из железа сделан. Но не из железа.

– Как это? – Николь так и не могла вникнуть в смысл его рассказа.

Дворник постарался объяснить:

– Из железа, но не из такого, из которого всё делают. Цвет

другой. Не чёрный.

– Медный? – спросил участковый.

– Нет, другое слово.

– Бронзовый? – догадался Смильтон.

– Да! – обрадовался гастарбайтер. – Бронзовый. Мы его на металл отвезли. Нам много денег дали.

– Хорошо, хорошо, – решил вернуться к руслу расследования старик. – А вот камень в мусоре тебе случайно не попался?

– «Камень»? Какой-такой камень?

– Булыжник. Ты в горах жил? Вот по берегам у вас там камней много.

– А-а-а, понял. Нет. Погоди, однако, был камень. Точно был. Помню. Я пакет потянул – он пустой, но тяжёлый. Думаю, странно, что такое? Смотрю в нём маленький пакет, а в пакете камень. Красный.

– Красного цвета? – поинтересовался Александр Яковлевич.

– Нет, кровь на нём.

– Куда дел?

– Не знаю, выбросил. А куда его?

Старик развернулся к Перескок:

– Да, вот вам и несчастный случай. Угу. Так-так-так... Так они и жили: спали врозь, а дети были...

...Александр Яковлевич давно не был в ресторанах. Он

существовал на пенсию. И этим всё сказано. Антураж ему очень понравился. Всё сияло и светилось. Официанты шустирили. Сервировка была на высшем уровне. Алина сказала, что это ресторан друга семьи, поэтому с неё и её друзей здесь денег не возьмут. Но Смильтону такой расклад не очень понравился. Старик заказал скромно: борщ и котлету по-киевски. Всё то, что великолепно готовила его покойная супруга. Трапеза не впечатлила. Его Люся готовила несравненно вкуснее. Шестнадцать лет одиночества – жизнь постоянного сравнения «до» и «после».

Когда обед подходил к концу, Алина перешла к разговору:

– Тесть мне позвонил и обнадёжил на ваш счёт. Не будем тянуть. Что вас интересует?

– Хотелось бы для полноты картины непосредственно из ваших уст услышать, каким при жизни был Андрей.

Старик потягивал зелёный чай из широкой фарфоровой чашки и морщился при этом. Он от него давно отвык.

– «Каким»? – Тумашова взяла в руки салфетку и упёрлась взглядом в расфокусированную неопределённость. – Хм, даже не знаю с чего начать.

– Начните со знакомства.

– О, как вы глубоко своё любопытство погрузили.

– И всё-таки.

Алина была в деловом костюме, достаточно ярком и стильном. Стиль этот больше подходил для молодых бизнесвумен. Но Тумашову в безвкусице и в излишней смелости

было трудно упрекнуть. Она не выглядела «женщиной под сорок». Скорее – чуть за тридцать. Стройная, подтянутая, энергичная, ухоженная. И в остальном – изящна и красива. Единственное, что выдавало в ней опытную, взрослую женщину – это взгляд. Проницательный, холодный, взвешенный. Она вытерла руки, отложила салфетку и слегка откинулась на спинку стула:

– Нашему сыну восемнадцать. Он второй год живёт в Лос-Анджелесе. Учится там. В январе следующего года мы с Андреем должны были отпраздновать двадцатилетие совместной жизни. Но кроме дня бракосочетания, мы всегда отмечали и день нашей любви. День его смерти совпал по трагической случайности с этим памятным днём. Эта дата всегда была для нас праздничной. Возможно, даже самой праздничной. Да... Двадцать лет назад 22 июля мы провели незабываемую ночь в одном старинном, шикарном отеле. Это была наша первая брачная ночь. Ночь любви. Тогда мы обручились навеки. Да... Судьба играет в совпадения. У-у-у... – она горестно вздохнула, но собралась с силами и продолжила: – Всякое бывало, но жили мы с ним хорошо. Просто замечательно. Он был настоящим мужчиной, человеком, отцом, супругом. Познакомились в университете. Я только поступила, а он перешёл на третий курс. У нас два года разница.

– Извините за нескромный вопрос, но я обязан его задать. Вы любили друг друга?

– Это вы меня извините. Вопрос немного глупый. Вы,

умудрённый жизнью человек, должны понимать, о чём спрашиваете. Конечно, мы любили друг друга. Как иначе?

– Я это спрашиваю потому, что некоторые давно готовы разбежаться и живут вместе, пока дети не выпорхнут из гнезда. Так бывает.

– Но не в нашем случае. Я понимаю, о чём вы спрашиваете. Вы проверяете версию ревности и раздела имущества при вероятном разводе. Сразу скажу: я ревнивая. Но Андрей повода не давал. Раздел же имущества не мог меня сильно волновать. Я зарабатываю достаточно много. И даже больше, чем просто «много». Я никогда не была нахлебницей и приносила в семейный бюджет не меньше, а чаще даже больше, чем Андрей. Я человек самостоятельный. Самостоятельного человека не очень интересует раздел. В нашем случае это тоже никак не может быть поводом для мотива. Я же понимаю, вы меня проверяете на мотив преступления. Можете не отвечать. Так вот, у нас не было брачного договора, поэтому всё наше имущество делилось бы поровну. В любом случае, квартира, дача, машина, дом в Черногории и квартира в Москве записаны на моё имя. Бизнес? Да, Андрей был владельцем трёх фитнес-центров. Доход довольно большой. Стабильно большой. Но в случае продажи – выручка пустяковая. Тем более, что есть вероятность вообще понести убытки. Сколько ещё продлится коронавирус? Так вот, все помещения наших фитнес-центров – это аренда. В плюсах только оборудование, вымуштрованный коллектив и реноме

престижного заведения, которое Андрей зарабатывал годами своими талантами и старанием. Теперь, всё что осталось после него, я запишу на сына. А бизнесом будет руководить управляющий, назначенный мной. Это заместитель Андрея, который трудится с ним... трудился... Который работает в фирме уже десять лет.

– Понятно, – старик сделал запись в книжечке. – Другими словами у Андрея была только семья, ну и работа.

– Можно сказать и так.

– Вы не обижайтесь, я нащупываю ниточки, потянув за которые, можно размотать весь этот путанный клубок. Хорошо. А хобби у него было?

– «Хобби»? Что вы имеете в виду?

– Уж точно – не коллекционирование или увлечения типа рисования. Уходил ли он из дома без вас для встречи с друзьями и партнёрами?

– Никогда.

– На рыбалку, в сауну.

– Ничего подобного.

– Так-так-так, сказал бедняк, – вздохнул старый опер. – В последнее время он себя вёл, как всегда?

– Да. Ничего необычного. Мы планировали путешествовать по Америке. Оформляли визы, покупали билеты, бронировали отели. Сын ждал нашего приезда первого августа.

– На работе было спокойно?

– Всё, как обычно.

– Конкуренты. Кто-нибудь хотел отжать у него бизнес? Говорите всё, не взвешивая серьёзности событий. Любая информация, которая кажется вам пустяковой, может стать зацепкой.

– Нет. Я точно знаю, что в этом направлении у него не было угроз.

– Кто-нибудь звонил вам после смерти мужа, предлагал выкупить бизнес?

– Нет.

– Точно?

– Влад, это друг Андрея, обмолвился, что он был бы не против выкупить у меня фитнес. Но дела у него идут сейчас совсем плохо. Кредит ему никто не даст.

– Так-так-так-с. С этого места поподробней.

– Да нет там никаких особых подробностей. Андрей и Влад крепко дружили в университете. Затем вместе стартовали в бизнесе. Поднялись здорово. Затем разбежались. Так часто бывает, что бывшие совладельцы крупного бизнеса разбегаются. И не всегда по-доброму. Но не в нашем случае. Они без проблем разделили всё пополам. Без обид. Андрею достался фитнес, а Владу рестораны. Но с ресторанами в нашем городе стало совсем плохо. Конкуренция, коронавирус, надзорные органы и другие проблемы. Поэтому со временем Влад сильно просел в материальном плане. Сейчас у него уже ничего нет. Месяц назад он закрыл свой последний ресторан. Говорит, что с этой пандемией скоро так-

совать пойдёт. Но обвинить Влада хоть в чём-то я не могу. Для этого нет ни малейшего повода. Первые 10-12 лет, пока он не развёлся с Лерой, мы вообще постоянно встречались и каждый год вместе в отпуск ездили. Хорошие были времена. Безмятежные.

– Он сейчас один живёт?

– Нет. Но я на эту тему не хочу говорить.

– Почему?

– Не хочу и всё. Это не имеет отношения к тому, что произошло с Андреем.

– Ну хорошо-хорошо. Не хотите, как хотите. А с Валерией вы общаетесь?

– Нет. Я готова была поддерживать с ней контакты. Но она после развода замкнулась в своей ракушке. И совсем не реагирует на приглашения. Её можно понять. Влад ей изменил и вообще повёл себя не по-мужски, – она покачала головой и резюмировала: – Да, всё-таки я наболтала на тему, которую обсуждать не хотела. Не спрашивайте меня о Григорчуке. Ни о самом Владе, ни о его жёнах. Грустно и к случившемуся это не имеет отношения.

Алина раздражённо покрутила рукой, словно отмахиваясь от назойливой мухи. Очевидно, тема для неё и на самом деле была неприятной. Старик выждал паузу, дав успокоиться Тумашовой, и продолжил:

– Та-а-ак, а с Владом, значит, после его развода вы продолжили общение.

– Нет, полностью наоборот. Мы с Андрюшкой на него обиделись. Обиделись за то, что он так поступил с Лерочкой. И долгое время не общались. Даже не так. С момента его развода и до июня этого года мы вообще с ним не контактировали. Это была идея Андрея возобновить отношения. Я была против, но не стала особо возражать. Сорокалетие. Это его праздник. Пусть кого хочет, того и приглашает.

– День рождения у него в конце июня был?

– Двадцатого.

– Как я понял, и Влад там был с новой подружкой.

– Да. С женой, с Александрой, – она это произнесла обыденно, безэмоционально.

– Извините за любопытство, много народу было и где?

– Андрей решил отметить этот день рождения с размахом... Как будто чувствовал, что он последний. Пригласил всех родственников, друзей. Некоторых я никогда не видела и даже не подозревала об их существовании. Зафрахтовал теплоход. Большой, трёхпалубный, с каютами. И мы три дня на нём веселились. Побывали на Валааме, в Шлиссельбурге, купались на пляже возле Осиновецкого маяка. Замечательный день рождения.

– Никаких эксцессов на празднике не было?

– Нет. Абсолютно. Весело было. Гости концерт приготовили. Коллеги по фитнесу своё отделение, однокурсники по универу – своё. Мы, родственники, тоже поучаствовали. И, вообще, все в детство впали: безудержно пели, плясали,

участвовали в играх и аттракционах. В общем, балдели, – она улыбнулась, отдавшись воспоминаниям.

– Я бы хотел иметь на руках весь список приглашённых. Это возможно?

– Вы всех будете допрашивать?

– Нет, конечно. Но выборочно – обязательно.

– Список у меня есть. Я его вам пришлю.

На этом вопросы Смилтона закончились. Направляясь в кафе, он не планировал касаться дня смерти Андрея. В любом расследовании, по его мнению, должен быть период погружения в тему, в канву. А уже затем можно совершать и более резкие движения. Но на этот раз старик изменил своим принципам. То, что он сказал, подводя итог встречи, удивило. Можно даже сказать – возмутило. Александр Яковлевич неожиданно стал предельно серьёзным и нахмурил брови:

– Так-так-так, сказал бедняк. Кругом болваны, а я сижу без денег. Так-так-так. Некоторые считают, что их ум позволит избежать наказание. Но это не так. Преступлений без наказания не бывает. Возмездие обязательно наступит. Если не по букве закона, так по закону человеческой справедливости. Преступника постигнет кара. Или он станет совсем другим созданием – не человеком, или его замучает совесть. И то и другое – хуже, чем казённый дом с решёткой на окне.

– К чему вы это?

– Если есть грех, лучше сразу покаяться, пока ещё не поздно. И наказание будет не таким суровым. Я не про тюрь-

му говорю.

Николь с ужасом ожидала, что будет дальше: взрыв, негодование, крик, обещание пожаловаться. Но поведение Алины её удивило не меньше выходки старика. Даже озадачило. Женщина потупила взгляд и неожиданно заплакала. Слёзы обильно побежали по щекам. Она сжала веки и с трудом говорила:

– Я день и ночь каюсь. Спать не могу.

– А ты расскажи, сразу легче станет.

Рассказ обескуражил старика:

– Это я его убила...

Николь подсуетилась, достала из сумочки диктофон и включила на запись.

– Да, убила... Накануне я приготовила себе бокал со снотворным... Но передумала пить... А он, забежав домой переодеться, видимо, подумал, что это вода... И выпил... А затем упал и разбил голову...

– А стакан куда подевался? В протоколе его нет.

– Да, да... Его и не могло быть. Пустой стакан стоял рядом с мойкой. Я ничего не соображала, когда Андрея увидела. Мне плохо стало. Таксист меня отпаивал из этого стакана. Я уже через неделю вспомнила про снотворное. Когда Вагин сказал, что это несчастный случай, я стала размышлять, как он мог упасть. Андрей никогда ничем не болел, и сердце у него было крепким. Ночью мне стакан со снотворным и приснился.

Она встала из-за стола, не попрощалась, и словно зомби двинулась к выходу из ресторана.

Николь тут же высказала всё, что думала:

– Александр Яковлевич, так нельзя! Возможно, в ваше время можно было даже пытки применять. Но сейчас – это гнусно. Вы понимаете, что она жалобу может настрочить? И вообще, почему вы ни с того, ни с сего на неё набросились?

– Эх, Коля, Коля! Версию виновности супруги никуда не денешь. Она всегда первая в подобных случаях. Но вы за целый месяц ни разу к ней не прикоснулись. Вот и пришлось мне раскрыться. Хотел проверить, как она отреагирует.

– И какие результаты этого вашего эксперимента? – едко поинтересовалась Перескок.

– Хорошие. Умная женщина, волевая. С характером. Поэтому я её и заподозрил.

– А мотив?

– Не знаю, девочка, не знаю. Пока не знаю. Иначе бы я такими экспериментами не занимался. Надо изучать, думать, вести расследование дальше.

Официант отказался брать плату за обед, но не погнушался чаевыми...

...День был насыщенным. После обеда Александр Яковлевич встретился с таксистом, возившим Алину в ту роковую ночь. Он рассказал всё в подробностях. Забыть подробности ему не позволил предыдущий допрос, проведённый по

свежим следам. Рассказ таксиста подтвердил алиби Алины.

– Она волновалась?

– Да. Сильно переживала. Я поглядывал иногда в зеркало.

На ней лица не было.

– Ничего подозрительного не запомнил?

Шофёр пожал плечами:

– Нет, ничего.

– Она открыла домофон своим ключом?

– У-у-у, да. Она же домой шла.

– Всё, родной, спасибо.

Когда таксист ушёл, Николь спросила:

– Почему всё-таки, вы подозреваете жену? У неё же али-

би.

– Алиби есть. Согласен. Но не стопроцентное.

– Как так?

– В момент смерти она находилась в одиночестве, хотя и далеко от дома. А это не стопроцентное алиби.

– И всё?

– Не будем забывать, что убийство совершила женщина.

– У вас есть основание так утверждать?

– Да. И дело не только в даме со шляпой. Сама канва преступления сугубо женская. Мужик никогда бы не стал подсовывать снотворное. А этот булыжник?

– Что «булыжник»?

– Он был в двух пакетах. Если бы в одном, тогда я бы не стал утверждать, что каменюкой Андрея ударила женщина.

Мужик не стал бы заранее заворачивать камень в пакет – слишком много заморочек. Только женщина могла так сделать. Ей неприятно и непривычно держать в ухоженной руке обычный уличный булыжник. Да и сумочку он может вымазать. Отсюда – пакет.

– Вы думаете, что преступник камень с собой принёс?

– Коля, думай, что говоришь? Конечно, с собой. Причём заранее его приготовил. Приготовила, – Смильтон сделал ударение на последнем слове.

– Всё, что вы говорите, вилами на воде писано.

– Угу, как скажешь. То, что она камень рядом с домом выбросила – это прокол, которым мы не воспользовались. И уже не воспользуемся, – старик поскрёб затылок. – Так. Так-так-так сказал бедняк, – он почесался совсем уж нервно и быстро. – Но что-то совсем не так. Что-то не сходится. Преступление не спонтанное. Оно продумано заранее. Почему она орудие убийства здесь выбросила? Это же глупо. Очевидная глупость. Так иррационально могла поступить стандартная среднестатистическая женщина, но только не Алина. Ладно, Коля, готовь документы для эксгумации.

Перескок отпрянула и удивлённо затрясла головой:

– Какие сложные маршруты вы выбираете для следствия.

Что написать в качестве причины?

– Напиши: следствие предполагает, что в момент нанесения смертельного удара, а теперь мы знаем, что его убили каменюкой, как какого-то неандертальца, жертва находилась в

бессознательном состоянии. Требуется выяснить, что у него было в крови – снотворное, наркотик, транквилизатор или что-то другое.

– Хорошо. Ещё что?

– Счета. Мне нужны выписки со всех счетов Андрея и Алины. Пока хватит, так как списка подозреваемых у нас нет.

Прощаясь в этот день с Николь, старик пошутил:

– Жаль, что мне не двадцать пять. Всю жизнь бы так работал следователем. Одно-единственное дело, никаких дополнительных висяков, катаешься на мерседесе, обедаешь в дорогом ресторане, да ещё напарник – восхитительная девушка, в которую нельзя не влюбиться...

...Домой старик вернулся совсем поздно. Было темно. Лето заканчивалось. Окна его квартиры призывно сияли. Странно, у меня гости. Кто? Расследование здесь ни при чём. Это ясно. На такой стадии никто, ни один фигурант не дойдёт до взлома и проникновения в квартиру следователя и не станет пугать или шантажировать его. Да и не будут взломщики устраивать такую иллюминацию. Есть одна догадка. Сейчас мы её проверим.

На площадке, упёршись в дверь его квартиры, страстно целовалась молодая парочка. Влюблённые не обращали никакого внимания на всё, что происходит за пределами их жаркого общения. Казалось, от столь увлекательного заня-

тия их не сможет отвлечь даже взрыв водородной бомбы.

Смильтон не мог попасть домой при всём своём желании, не отодвинув в сторону молодёжь. Он аккуратно дотронулся до плеча парня. Ноль реакции. Чуть пошлёпал. Без результата. Хлопнул больно. Наконец сплетение рук и губ распалось. Парень, почти мальчишка, уставился на Смильтона:

– Дед, ты чего?

– Ничего, – проворчал Александр Яковлевич. – Домой хочу, устал.

– Хочешь, так иди, – фыркнул парень.

– Я бы пошёл, да вы мешаєте.

– Мы?

– Не тупи, паря. Отойди от двери, – старик обозначил намерение зайти в квартиру.

Парочка, удивлённо вылупившись на Смильтона, медленно освободила проход.

В квартире был полный шалман. В большой комнате – пляски, на кухне звенели бутылки, мимо туда-сюда шныряли молодые возбуждённые лица. Играла непонятная музыка, в которой трудно было определить хоть какую-то мелодию. Кругом витал странный сладкий дым. Смильтон шагнул в свою комнату. На диване ещё одна парочка увлечённо занималась изучением строения тел. Из-за спины старика выскочил высокий стройный парень, который подскочил к паре и бесцеремонно их потормошил:

– Быстро, быстро!

Он решительно покрутил рукой, выгоняя влюблённых из помещения. Парочка не заставила себя уговаривать и ловко прошмыгнула мимо хозяина квартиры. Парень нахмурил брови и изобразил извинительную улыбку:

– Дедуля, не сердись. Мы всё приберём.

– Я и не сержусь. С чего ты взял?

– Ага, видел бы ты своё лицо.

– Плохой из тебя физиономист. То, что ты видишь – это зависть. Ладно, Виталя, раз уж я пришёл, приберитесь и по домам.

Глава пятая

28 августа, суббота

Александр Яковлевич пил кофе, когда в проёме кухни показался сонный Виталька. Он был в трусах и босиком. Потянувшись, кряхтя произнёс:

– Доброе, дед.

– Доброе, доброе. Что так рано? Совесть спать не даёт?

Внучок присел на стул рядом с дедом:

– У меня есть железобетонное оправдание.

– Так-с, даже интересно. Какое?

– Я думал, ты в Ригу умотал.

Смильтон улыбнулся:

– Мотив понятен. А чего тебе дома не сиделось?

– В Иркутске жара страшная, друзья куда-то все рассосались, а дома родичи и комп. Скукота...

– А здесь весело.

– Угу, – Виталик залез в холодильник в поисках съедобного.

– Зря время не терял.

– Угу, – он вытащил колбасу, сыр и кетчуп.

– Кого это ты привёл?

– Дед, посуди сам. Мы только что поступили. Поверхност-

но на экзаменах познакомились. Сейчас учёба начнётся, а мы друг друга не знаем. Надо же было влиться в коллектив. Сплочённый коллектив – гарантия активной учёбы. Вот мы и устроили вписку.

– Куда устроили?

– Ни «куда», а «что». Вписка – от слова «вписаться».

– Так-так-так-с, понятно. Так они и жили: губы красили, а задницу не мыли.

– Дед, твои прибаутки меня развратят.

– «Развратят». А не боишься, что твоё «сплочение коллектива» меня быстрее развратит. Видел я ваше сплочение. Некоторые так сплотились, что боюсь, вскоре могут стать родителями.

– Не преувеличивай.

– Ладно, это я просто подтруниваю над вами.

– Можно подумать, что вы были не такими.

– Не знаю. Не помню.

– Врёшь ты всё. У тебя отличная память. Всем на зависть.

Сам, кстати, чего в Ригу не поехал?

– Дела здесь появились.

Когда правнук узнал, что дед ведёт расследование, он взмолился:

– Возьми меня с собой. Ну чего ты? Хочешь, чтобы я здесь болтался, как бычок в унитазах? Пропаду. Морально разлажусь. Я же на юрфак поступил. Почему бы мне сразу с практики не начать? Ты бы так не хотел?

Дед задумался, но затем махнул рукой:

– Ладно! Но при одном условии. Ты везде будешь сидеть и молчать. И главное – не встречать!

– Издевательство форменное. Разве это педагогично? Я же не надутая кукла, чтобы тупо сидеть и ничего не делать.

– Такс-такс-такс... Хорошо, ты не будешь сидеть и ничего не делать. У меня к тебе будет небольшое, но ответственное поручение.

Виталий недоверчиво фыркнул:

– Какое, интересно?

– Будешь составлять досье.

– «Досье»? На кого?

– На всех. На всех фигурантов этого дела.

– Понятно. А что в нём должно быть?

– Ну-у-у... вспомни старые фильмы.

– Понял! Характер нордический, примерный семьянин, порочащих связей не имел...

– Э-э-э, ну практически так...

...Стоило Вагину зайти в кабинет Николь, как он тут же набросился на старика:

– Ты чего себе позволяешь? Твоя напарница доложила, что ты вчера вытворял. Это хорошо, что Тумашова жалобу не накатала.

– Юрий Аркадьевич, мне приходится прибегать к нетрадиционным методам, так как ваша контора своими непро-

фессиональными действиями завела следствие в тупик.

– Какими?

– Такими. Куда ни ткнишь сплошные недоработки. Сплошные затыки.

– Ты о чём?

– О том. Вот ты прискакал и сразу давай орать. А должен извиняться. Ай, ай, ай! Важная персона напишет телегу. А то, что вы орудие преступления профукали – это как?

– Это ты про камень? Смешно! Видел в мусоре какой-то таджик камешек. И что? А, может, и не видел вовсе. Если бы он до этого ещё больше пыхнул какого-нибудь зелья, то ему и пулемёт мог померещиться. Где камень?

– Это я тебя должен спрашивать – где.

– Самоубийство это...

– «Самоубийство»?

– Тьфу-ты – несчастный случай.

– Так-то оно так. В мёртвом лесу и дятел соловей.

– Ты это к чему, дед? – нахмурил брови полковник.

– Чего тебе ещё остаётся? Несчастный случай – и точка.

Так проще. Выдвинули одну версию и держитесь её. Красота! Другие же разрабатывать надо. А это хлопотно. Думать надо, бегать, работать. Убийство это. И я буду продолжать расследование. Хочешь запретить? Запрещай. Но учти, я доведу дело до конца с вашей помощью или без. Запрещай! Но как бы потом тебе бледно не выглядеть. В твоих, Жора, интересах мне помогать. Я частное лицо. Меня здесь нет, не

было и не может быть. Мне награды не положены. У меня уже давно грудь впалая, чтобы на неё ордена вешать. Все заслуги на твоё имя запишутся. Должен понимать, если не дурак. Это как в футболе: позорная вымученная игра забудется, а победный счёт останется. Думай, когда принимаешь решения, – старик с улыбкой на губах панибратски похлопал по богатырской груди Вагина.

Лицо полковника злобно дёрнулось, но он тут же взял себя в руки:

– Хорошо, дед, работай.

Вагин двинулся к двери, но на пороге остановился, кивнув в сторону Виталика:

– Ты всю свою семейку сюда притащишь?

– Парень первокурсник юрфака. Ему полезно окунуться в атмосферу работы лучших сыщиков Питера, – миролюбиво парировал Смильтон.

– Хм. Но согласовывать надо.

– Я согласовал. Лиходеев одобрил.

– Что-то он мне не сообщил, – недоверчиво буркнул Вагин.

– Так иди и спроси его.

Когда полковник ушёл, дед встал и приказал:

– Виталий, заткни уши, – он подошёл к столу, за которым сидела Николь: – Коля, я начальник следственной группы, в которую тыходишь.

– С чего это? Вагин мой начальник.

– Не перебивай старших по возрасту и по званию. Если ты работаешь со мной, ты должна делать то, что я тебе говорю. И ничего другого. Всё, что должны услышать другие уши на данном этапе согласовывается со мной. Если ты против, я буду вести расследование самостоятельно. У меня для этого есть все полномочия. Решай: ты со мной или я без тебя.

Перескок недовольно выдохнула воздух:

– С вами. Но такая постановка вопроса мне очень не нравится.

– Что тебе не нравится?

– Ваши методы. Зачем вы набросились на жену убитого? Ей и без того тяжело.

– Проверить хотел. А другого способа пока нет.

– Проверили?

– Да.

– И что?

– Пока ничего. Или она не имеет отношения к убийству. Или это очень умная, волевая и изощрённая женщина...

...Родители погибшего Андрея сидели в саду. Они обсуждали, что ещё можно предпринять. Эта тема давно и основательно отодвинула на второй план все другие. К ним подошла экономка:

– Ярослав Андреевич, к вам майор из следственного комитета.

– «Майор»?

– Смельтон, какой-то.

– Смильтон. Проси.

Старик появился в паре с правнуком:

– Здравствуйте, ребята. Ехал мимо, дай думаю, заскочу.

– Мимо? По Киевскому шоссе? – удивился Тумашов-старший. – Куда, в Ригу?

– Это я шучу так. Вы же говорили – в любое время.

Хозяин встал с места, поздоровался и пригласил:

– Присаживайтесь. Есть новости?

Смильтон кивнул:

– Есть. Но я их пока не намерен раскрывать. Рановато. Я по другому поводу приехал. По более прозаичному, возможно, даже неприятному для вас.

Супруги напряглись. Глава спросил:

– По какому?

– Необходима эксгумация, – родители погибшего промолчали, поэтому Александр Яковлевич продолжил: – Понимаете, не взяли у Андрея анализ крови. А теперь он нужен, как воздух.

– Зачем?

– Предполагаю я, что сына вашего убили, когда он был в бессознательном состоянии. Выяснить это крайне необходимо.

– Ты как считаешь, родная? – обратился Тумашов к супруге.

Та только вздохнула в ответ:

– Раз надо – значит, надо.

– Хорошо, мы даём согласие. Что-то ещё?

– Вопросыки накопились.

Старик достал свою затёртую записную книжонку:

– Так-так-так-с, хм, – он с трудом нашёл чистый лист. –

Для начала спрошу: как они жили с Алиной?

Ярослав пожал плечами:

– Нормально жили. Ничего такого, что выходило бы за рамки обычной супружеской жизни я не припомню. Так, Юля?

Женщина, не меняя каменного выражения лица, кивнула:

– Так. Мне сначала не нравилась Алина. Она сразу стала во главе семьи. Все инициативы, все решения всегда явно исходили от неё. Но потом я смирилась и даже обрадовалась. Андрей начал быстро меняться в лучшую сторону. Стал подтянутым, целеустремлённым. В прошлое ушли все издержки молодости. А Елисея они оба очень любили. Души не чаяли.

– А второго не хотели?

– Да. Знаете, сейчас у этого поколения другие приоритеты.

– То есть вы никогда не видели и не слышали, чтобы они ругались из-за денег или связей на стороне.

– Никогда, – ответил глава семьи.

– Вы тоже были на корабле?

– Нет. Что нам там делать среди молодёжи? Не стали портить им праздник своим увядающим видом.

– С кем ребята больше всего дружили?

– О, это вопрос не ко мне. Юленька больше меня знает.

– В последнее время они уже ни с кем не поддерживали слишком тесных отношений. Да, Сусаровы, Шаерманы, Бушуевы, Скобцовы и Андрониковы – все они часто у них бывали и приглашали к себе в гости. Но в последнее время это «часто» – не чаще 3-4 раз в год. И встречи эти достаточно однообразными были, насколько я знаю. Так, больше для проформы. Собственно, их ничто уже крепко не связывало. разве что потребность кому-то рассказать о своих достижениях, похвастаться новой машиной, квартирой, поездкой на модный курорт.

– А кто эти люди?

– Володя Сусаров одноклассник Андрея. Талантливый парень. Сейчас преподаёт в СПбГУ. Боря Шаерман не знаю, откуда взялся. Они где-то познакомились, когда Алина с Андреем уже расписались. Но сейчас сын Бори и наш внук Елисей учатся в одном колледже в Лос-Анджелесе. Поэтому, пожалуй, с Шаерманами они в последнее время чаще всего встречались. Боря и его жена Рита – очень приятные люди. Замечательная пара. Кого я ещё назвала? А, Даня Скобцов. Его супруга Даша подруга детства Алины. Возможно, она вам расскажет что-то в подробностях. Девочки довольно живо общаются. Андрониковы – Вася и Полина познакомились на свадьбе наших ребят. Причём, Вася был свидетелем, а Полина свидетельницей.

– На счёт свидетеля – не понял. Мне казалось, что самым близким другом Андрея в то время был Владислав.

– Влада с Лерой не было на свадьбе. Алина такое условие поставила.

– Почему?

– Давняя история. Даже не вижу смысла её тормозить. Двадцать лет прошло.

– И всё же?

– Ну, хорошо. Всё дело в том, что Алина влюбилась в Андриюшу с первого взгляда. Но он не обращал на неё никакого внимания и ещё целый год ухаживал за Валерией. В конце концов Лера выбрала Влада. А через год поженились Андрей и Алина. Но Алина продолжала ревновать Андрея.

– А когда Влад развёлся со своей супругой?

– Лет семь назад.

– Что так?

– Эта девица, Саша, устроилась у него администратором в одном из ресторанов. Ну и начала интриговать. Подлегла под него. Ой, не хочу сплетничать. В общем, отбила Влада у Леруси. Валерочка хорошая девочка, только несчастная. Возможно, из-за этого они и расстались.

– Из-за чего?

– Они рано поженились – после третьего курса. Лера забеременела, но молодой супруг уговорил её сделать аборт. Мол, рано ещё, для себя сначала надо пожить. Она повелась. С тех пор так и не может стать матерью. Врачи у нас знаете

какие?

– Не знаю, слава богу. И лучше не знать. Что-то я ещё хотел спросить, – старик уставился в книжечку. – У, мелочь, пустяки. Можете сказать, сын мыл за собой посуду?

– Посуду?

– Стакан, ложку, плошку.

– Никогда. Это меня всегда раздражало. Вроде чистоплюй тот ещё – никогда из дома не выйдет непричёсанным или в грязной обуви. Но посуду – попил и тут же стакан оставит.

– Это в детстве?

– Всегда. Уже не переделать его было.

– Он чем-нибудь болел? Я про хронические заболевания спрашиваю.

Мать кивнула:

– У него случались приступы подагры. Редкость для такого возраста.

– Лечился?

– Ограничивал себя в мясных блюдах и в красном вине. Да, и Алина какие-то настои ему спаивала.

– Когда вы его видели в последний раз?

– Накануне. Сам к нам приехал, – наконец получил право голоса Ярослав Тумашов.

Но супруга тут же добавила:

– Какой-то хмурый был, задумчивый. Как будто чувствовал что-то...

– А кем Алина работает?

– Она ведущий специалист в фирме, которая оказывает юридические услуги. Знает шесть языков, с отличием закончила юрфак СПбГУ, а затем получила высшее экономическое образование...

...Когда и стар и млад вернулись в кабинет Перескок, та с ходу доложила:

– Хороших новостей нет. Плохие – да. В метро архива видео за этот день уже нет. Стёрли.

– Та-а-ак, интересно, когда в бане тесно. Жаль. Что ещё?

– Ничего.

– Николь Викторовна, оформляйте документы на эксгумацию. Родители дали согласие, – старик передал документы следователю.

– Хорошо.

Ознакомившись с ними, Николь встала и подкатила кресло к столу, за которым сидели старик с Виталькой. Она уселась, демонстративно скрестив руки:

– Что-то мне не нравится, с позволения сказать, такое расследование. Мы ведём дело бесцельно, бессистемно.

– Объяснись.

– Как мне кажется, сначала надо было выдвинуть все возможные версии, а уже затем бегать по свидетелям.

Старик вновь полез за термосом. Вытащив его, открыл, неторопливо наслаждался ароматом и аккуратно наполнил чашку. И только после этого обратил свой взгляд на девушку:

– Версии надо было выдвигать месяц назад. В деле я нашёл только одну версию – несчастный случай. Но что-то мне в неё не верится. А вам, Николь Викторовна?

– Хорошо, – поджала губы следователь. – Раз не несчастный случай – значит, другая версия. Какая?

– Пока только одна, но железобетонная. Преднамеренное убийство.

– Ну, это ещё не факт. Я тоже считаю, что эта женщина в шляпе была в квартире вместе с Андреем. Но это не исключает версии несчастного случая.

– Как это? – поинтересовался студент юрфака.

– Обычно, – она пожала плечами. – Поссорились, или стал приставать – толкнула. Упал, ударился головой. Таких случаев сколько угодно.

Виталик вцепился в оппонента с таким усердием, словно уже давно занимался этим делом:

– Ага. Поэтому она сбегала наверх, якобы в поисках какого-то Крашенинникова, а перед этим стёрла все пальчики. Да, и камень выбросила.

– Мало ли кто этот камень выкинул, – продолжала гнуть свою линию Николь. – Вагин прав – возможно, его и не было. Но даже если он был – мы не вправе его рассматривать, как улику. Камня этого у нас попросту нет. Значит, о нём надо забыть. Поэтому версия о преднамеренном убийстве пока ничем не подтверждена.

В это время на её столе зазвонил стационарный телефон.

Девушка взяла трубку:

– Хорошо, очень хорошо. Ты можешь привезти записи прямо сейчас? Давай, ждём.

Вернувшись, она вновь села на своё место:

– Дима, участковый, звонил. Говорит, нашёл несколько записей «шляпы».

Старик кивнул и вновь взялся за термос.

– Подождём... Будете? – предложил он свой любимый напиток молодёжи.

Те дружно отказались. Внучок потянулся, размял косточки и с важным видом полноправного участника расследования произнёс:

– Александр Яковлевич, я тоже не до конца втыкаю: ты правда считаешь убийцей супругу?

– Не считаю. Подозреваю. Нет пока на небосклоне нашего расследования других фигурантов. А раз нет, значит, надо полностью отработать версию с женой.

– У неё же алиби.

– Я уже говорил Николь Викторовне, что алиби Алины небезукоризненное. Смерть наступила примерно в 23 ноль-ноль. А Алина Борисовна приехала с таксистом к себе домой к шести утра. Где она была во время убийства? Кто её видел? Никто.

– А мотив какой? Зачем ей надо было убивать своего мужа?

– Этого мы пока не знаем. Но незнание не может рассмат-

риваться, как факт.

– И что? Будем и дальше разрабатывать Алину?

– Будем. Но главная задача на сегодняшний момент найти женщину в шляпе. Если найдём, то возможно, и про Алину забудем.

Николь возмутилась:

– Как? Как её найти? Она не показала своего лица. Оно скрыто полями.

– Коля, ты же женщина. Как ты считаешь, эта шляпа дорогая?

– Мне трудно судить. Я никогда ничего подобного не носила. Но думаю, что не дешёвая.

– Вот и я думаю, что эта шляпа дорогая. Даже можно сказать – эксклюзивная. Дам в таких шляпах редко встретишь на улице. Это меня тоже напрягает.

– Почему? – не поняла причину Перескок.

– Эх-хэ-хэх, – вздохнул ветеран юстиции. – На мой взгляд, убийство было спланированным и детально продуманным. А тут вдруг камень выбрасывается практически на месте преступления. Вдобавок, редкая шляпа. Не кажется ли вам, что кто-то это сделал специально, планируя пустить следствие по ложному следу?

Виталька и Ника переглянулись. На лицах обоих отразилось полное недоумение. Общую мысль высказала Николь:

– Что-то слишком заумно. Похоже на теорию заговоров. Уже месяц идёт следствие, но никто до сих пор не обнаружил

этот «ложный след».

Дед ничего не ответил, спокойно закрутил термос и поставил его в старый кожаный портфель. Только после этого кивнул:

– Хорошо. Я не утверждаю, что прав. Я высказываю умозаключения. Но версию жены надо отработать до конца, – он перевёл взгляд на капитана: – Давай, родная, дуй завтра по бутикам. Возможно, если шляпа куплена в Питере, продавцы нам что-нибудь расскажут о покупательнице.

– Нет, завтра не могу. Завтра вы меня вообще не увидите. У меня дела в прокуратуре по параллельному делу.

– Хорошо, нет вопросов. Значит, Корытин поедет.

– Кто это? – удивилась девушка.

– Корытин Виталий Максимович. Он перед тобой, – дед указал на правнука.

– А он сможет?

– Куда он денется? Ты тоже когда-то не могла. Пусть проявит свои таланты. Возьмёшься?

– Легко...

...Участковый выглядел довольным. Он очень постарался, обойдя чуть ли не весь свой район. Поэтому Смильтон похвалил его по заслугам:

– Молодец, ты сделал даже больше, чем я просил. Покажи для начала на карте, где эти записи были сделаны.

Дима привёз три видеозаписи. Он не ограничился двора-

ми, примыкающими к дому Тумашовых. Поэтому, локализация этих видео выявила, что женщина в шляпе пришла со стороны станции метро пешком. Возможно, конечно, что в районе метро её высадил автобус или такси. Но старик высказал сожаление, что так поздно спохватились и не взяли записи метрополитена. Смильтон сидел в кресле и управлял мышкой, а все остальные прильнули к экрану из-за его спины.

– Так-так-так-с, что мы тут видим...

– Ничего «мы тут не видим» – она в медицинской маске и в очках, – констатировал Виталик. – В период пандемии легко грабить банки и прохожих. Натянул маску – и ты уже безликий, как все вокруг.

– Да, – вздохнула Перескок. – К сожалению, эти записи ничего нам не дают.

– Не знаю, зачем вам глаза даны, – проворчал дед, внимательно всматриваясь в экран монитора.

Николь хмыкнула:

– Александр Яковлевич, вы выдаёте желаемое за действительное.

– Так, стоп! – дед остановил воспроизведение. – Что ты здесь видишь, родная?

На экране застыла фигура «шляпы». В отличие от записи камеры, висевшей над дверью парадной, автомобильные регистраторы производили съёмку из точки, находящейся не выше полутора метров от земли. Такой ракурс был более вы-

годным для идентификации личности подозреваемой. Все затихли, пытаясь рассмотреть, что там такого особенного на экране. Первым пожал плечами Виталий. Николь хмыкнула:

– И что здесь такого?

– Правда не видите? – старик повернул голову и уставился на молодых помощников. – Что у неё в руках?

– Сумочка и пакет, – напряг зрение внучок.

– Да, – согласилась капитан, снова прильнув к экрану. – Поняла, про что вы. Давайте промотаем дальше. Обратна она этим же маршрутом шла?

– Да, этим, – подтвердил участковый.

Регистратор включался, реагируя на движение, поэтому в вечернее время, когда мало прохожих, он сделал вторую запись женщины в шляпе практически сразу. На остановленном кадре было хорошо видно, что в руках подозреваемой на этот раз только сумочка.

– Вот вам и доказательство, что камень она принесла с собой, а затем выбросила. Я знаю, что ты хочешь сказать, – кивнул он Николь. – Согласен, доказательство косвенное. Но от него уже не отмахнёшься. Два косвенных доказательства, что камень был. Его видел дворник и он, судя по всему, лежал в пакете, с которым пришла к дому Андрея «шляпа». Нет, даже три косвенных доказательства. Забыл вывод медсудэксперта, что причиной смерти мог стать удар тяжёлым тупым предметом по голове. Та-а-ак, уже интересно. Ещё, что видите?

– «Ещё»? – переспросил студент.

Все снова прильнули к монитору. Но так ничего и не увидели.

– Эх, вы... Разве не видите особенность её походки? Ставлю заново.

– Да, интересно, – согласилась Николь, – она несёт сумку и пакет в левой руке. Можно предположить, что она левша.

– Ну, это так себе доказательство. Хотя если добавить сюда тот факт, что она набирала цифры на домофоне левой рукой, то вполне может быть, что она левша. Ещё что?

Виталька посчитал, что речь идёт о физиологических особенностях и стал быстро перечислять:

– Хромает? Нет? Угу. Семенит? Нет? Угу. О! Смотрите, как она на свободной правой руке пальчики оттопыривает!

– Точно, – довольно качнул головой дед. – Молодец. Это характерная особенность. А ещё мы видим красные туфли на каблуке. Туфли приметные, открытые. Каблук прямоугольный, не менее 8 см. Двойная пряжка на щиколотке. Вокруг щиколотки... раз, два – два кожаных ремешка удерживают ногу в колодке. И всё это соединено поперечной полоской. На записи также хорошо видно, что брюки заужены книзу и не достают щиколотки. Под светлым костюмом белая блузка. Угу. Так-так-так, сказал бедняк – стал я наживать. Продал дом, купил ворота, стал я запираяться.

– И что это нам даёт? – поинтересовался участковый.

– Многое, Дима, многое. Спасибо, ты иди. Благодарность

тебе за работу. Пока бумагу писать не буду, расследование только началось. Но когда наступит время раздавать награды, будь уверен, что тебя при составлении списка мы не забудем, – Смильтон улыбнулся, встал из-за стола и пожал ему руку.

Тот вздохнул – ему явно не хотелось уходить, но делать нечего. Минута славы она и называется «минутой». Когда он удалился, старик активно потёр ладони и интригуяюще спросил:

– Ну, что, сыщики, какие предварительные выводы от увиденного?

– Камень, скорее всего, был, – согласилась Николь.

– Есть список примет, – скривил рот внучок. – К тому же – по пропорциям двери подъезда можно вычислить рост женщины.

– Молодец, весь в меня. Правильно, ребята. Из всего, что у нас есть, можно предположить, что именно эта женщина в шляпе спланировала преступление. Мне кажется, что она заранее каким-то образом смогла усыпить Андрея. А затем, обеспечив себе достаточно примитивное алиби, сумела, потратив минимум времени, прийти и добить его камнем. Камень выбросила в мусорный бак и вернулась тем же путём, что и пришла. Но есть целый ряд трудноразрешимых вопросов. Первый: женщина явно неглупая, раз всё это спланировала заранее. Но тогда почему она оделась столь броско? Шляпу напялила. Для чего? Чтобы не было видно лица? Фи-

гушки. Лица и так не видно из-за медицинской маски и солнцезащитных очков. Противоречие? Да. И остальная одежда из той же оперы. Светлый дорогой костюм, такая же обувь. Мало того, что всё это легко запомнить случайному свидетелю, но на светлом могли остаться пятна крови убиенного. В таком варианте, если замараешься кровью, то тут же обратишь внимание попутчиков в общественном транспорте, случайных прохожих, водителя, если она пользовалась услугами такси и т.д. Второе: усыпить Андрея заранее могла только близкая или хорошо знакомая ему женщина. Именно поэтому я изначально подозревал Алину. Незнакомая или малознакомая женщина не могла прийти два раза: первый раз для усыпления, второй раз для убийства. Это какая-то глупость несусветная. Жена могла оставить ему напиток на столе. Привычный напиток, который он пил каждый день. Не знаю – лекарство, апельсиновый сок, настой чего-либо. А сама спокойно могла уехать и вернуться в час «х». Если бы он не спал – ну и ладно, в следующий раз получится. Но сейчас мне кажется, что в жизни Андрея присутствовала ещё одна таинственная незнакомка.

– Любовница? – спросила Николь. – Откуда такие выводы?

– Алина правша.

– С чего вы взяли?

– Николь, девочка моя. На такие детали я всегда машинально обращаю внимание. Привычка. Мы обедали с Али-

ной Борисовной. Ты забыла?

– Точно. Но я не помню, в какой руке она держала вилку.

– Вилку, как и положено по этикету, она держала в левой руке. Но главной её рукой в течение трапезы была правая. В ней она держала чашку кофе, брала хлеб.

– Да. – Николь слегка качнула рукой. – Ну и хватка у вас Александр Яковлевич.

– А куда деваться? Ладно, уже поздно. Увиденное надо обмозговать. Николь Викторовна, вас завтра не будет, поэтому я ставлю вас в известность: Виталий поедет по бутикам в поисках шляпы, а я посету кабинет Андрея и переговорю с его замом и другими «заинтересованными» лицами...

...Поздно вечером на пороге комнаты деда нарисовался Виталик:

– Всё! Я готов завтра обойти все бутики, где продают дорогие шляпы. Составил списочек таких магазинов.

– Молодец, – дед оторвался от своих занятий и развернулся в сторону парня.

– Ты меня завтра подбросишь, или мне самому добираться?

– А куда тебе надо?

– В центре они все. Подкинь меня к Гостиному двору. Там больше всего салонов головных уборов.

– Сделаем.

Правнуку не хотелось покидать комнату старика. Его под-

мывало высказаться.

– Просто невероятно, что эта женщина в шляпе вот так вот запросто спланировала убийство. Пришла и проломила череп пусть даже совершенно незнакомого чела, – возбуждённо затараторил он. – Ещё невероятней, если бы это сделала жена. Я сразу подумал, что-то здесь не так. Нельзя двадцать лет жить душа в душу, а потом так хладнокровно и жестоко убить любимого человека.

– Возможно, ты прав.

– А мы точно найдём убийцу?

– Если только ты сможешь.

– Без шуток, дед. Даже не верится, что я в этом во всём участвую. Сегодня перед нами белая бумага с небольшими брызгами чернил. А завтра мы сможем на ней прочитать имя. Фантастика!

– Иди уже спать, неутомный ты наш. Завтра я тебя рано подниму.

– А ты? Чего не ложишься?

– Я старый. Мне много спать вредно.

– Старый! Вон как расследование в свои руки взял. Мощно!

– Эх, Виталька, Виталька... Я стар. Я очень стар.

– Нет, дед, ты не стар. И чувство юмора у тебя, как у молодого. Только вот дурацкие прибаутки твои меня иногда раздражают.

– А что? Невпопад?

– Да нет, не знаю. Но только они какие-то несуразные, примитивные. Мне кажется, что они такие древние, что ты их слышал от своего деда.

– Да, дед был ими напичкан под завязку. Раньше они меня тоже раздражали. А старым стал – сами на язык лезут. Генетика. Куда от генетики денешься? Наука. Что ещё? – Александр Яковлевич вопросительно уставился на мнущегося в потугах правнука.

Тот неуверенным шагом вразвалочку подошёл вплотную к деду:

– Чем ты тут всё время занимаешься? Я ещё до отъезда хотел спросить. Корпишь над чем-то, тексты какие-то непонятные, древние.

– Наконец-то. Я всё думаю, когда спросит?

– А что это? – Виталик взял в руки листок репринтной копии старинной рукописи.

– Это «Хроника Ливонии». Написана в начале тринадцатого века.

– «Тринадцатого»? Ого. Зачем она тебе?

– Видишь ли, внучок, я стар. Супруги моей давно уже нет. Мне бы хотелось что-то сделать основательное для себя, для семьи, для потомков. Что-то нужное, важное, незабываемое.

– И что это?

– Генеалогическое древо. Я хочу, чтобы мои внуки знали и помнили своих предков.

– Ух, ты! Здорово. И как, продвигается?

– Да, продвигается потихоньку. Я уже лет десять этим занимаюсь. Составил древо вплоть до 1730-х годов. Самая ранняя информация, которую я добыл, хранилась в книгах базилики святой Екатерины Александрийской. Это старейший в Питере католический храм. Метрическая запись гласит... Так, где это? – дед стал активно перебирать развалы литературы на своём столе. – Ой, Виталька, сейчас сразу не найду. Ладно, – он махнул рукой и успокоился, – записано примерно так: «У Мартина Смильтона, бочковых дел мастера и у его супруги Екатерины, пятого апреля 1732 года родилась дочь, наречённая Марией, в честь блаженной Марии Крискенции».

– Далеко ты забрался. И что дальше?

– А дальше надо было ехать в Ригу.

– Почему «в Ригу»?

– Всё очень просто. Я родился в сороковом году. Прадеду уже тогда было под восемьдесят. Жил он долго. Умер в пятьдесят четвёртом. Он мне и рассказал: «Фамилия Смильтон у нас не изначальная. Изначальная наша фамилия Бондарь». Я ничего не понял, и как ты сейчас переспросил: «Как так?» А он сказал, что в семье существует легенда, что впервые фамилию Смильтон получил дед Мартина, тоже Мартин. Он переехал из городка, который называется Смильтен, в Ригу. И звали его Мартин Бондарь. Там он устроился на работу учеником. А мастер, хозяин то есть, записал его, как Мартина Смильтона. То есть, «Мартин из Смильтена». Я вспомнил

этот рассказ, когда занялся родословной. Оказалось, что городок такой существует. В Риге я отыскал Макса Озолса, у которого есть копии церковных книг Смильтена. Его предки тоже оттуда. И он, как и я, составляет семейное древо.

– Я не понял, так твои предки из Латвии?

– Наши предки. Ты же сын моей внучки.

– Так мы латыши? Вот это новость!

– Для меня нет. Хотя всё не так просто.

– Что «не так просто»?

– Всё, абсолютно всё, – Смильтон последние слова произнёс уже автоматом. Он повернулся к столу и взял в руки карандаш: – Ладно, латыш, иди погуляй. Дай деду запрещённой литературой позаниматься?

– «Запрещённой»?

– Это я так летописи называю.

– Это неправильно. Подрастающее поколение хочет знать свою родословную. А тебе лень. Стыдно! Когда ты мне расскажешь?

Дед вновь отложил карандаш, поднял на лоб очки и развернулся к правнуку:

– Когда, говоришь? А давай, мой разлюбезный, мы с тобой начнём по вечерам в шахматы играть. Я сто лет без практики.

Виталий пожал плечами:

– Давай. Только предупреждаю – у меня первый разряд. Так что не ной.

– Не буду. Выиграешь партию – я очередную часть нашей истории расскажу. Не выиграешь – буду молчать. Такой уговор тебя устраивает?

– Класс! Завтра я всё узнаю!

Глава шестая

30 августа, понедельник

Утром старик подвёз Виталика в центр города, а сам поехал в офис Андрея Тумашова. Устроившись в кабинете за столом покойного, он начал беседу с работниками фитнес-центра. Первой в списке значилась фамилия заместителя. Евгению Кравченко едва перевалило за тридцать. Но по весу он тянул далеко за сто. И это заместитель генерального директора фитнес-индустрии. Как говорится, сапожник без сапог.

– Евгений Александрович, вы хорошо знали своего шефа? Он помялся и слегка пожал плечами:

– Мне трудно судить – хорошо я его знал или нет. С одной стороны – достаточно хорошо. Всё-таки 10 лет вместе работаем. С другой – Андрей был достаточно закрытым человеком.

– В чём это выражалось?

– Он немногословен, неимпульсивен, неэмоционален. О, как обрисовал. Странно, как будто о совершенно чужом человеке говорю.

– Все любят выдвигать собственные гипотезы причин трагедий. У вас есть своя версия причин, по которым его убили?

– «Убили»? Андрея убили?

– Да.

– Господи, кому это понадобилось?

– Вы неожиданно узнали об убийстве. Интуитивно ничего в голову не пришло? Кто мог это сделать?

– Не-е-ет, – протянул Евгений, – вообще ничего. Пустота. Никогда не слышал, чтобы кто-то зачислил шефа в личные враги.

– Хорошо, а как он относился к женщинам?

– Никак.

– Вообще «никак»? Он ни с кем из слабого пола не общался? Никого из работниц не выделял? Даже не оценивал – вот, мол, красавица?

– Нет, никогда. В нашей конторе у него фавориток не было.

– А за пределами?

– Ничего об этом не знаю.

– Вы были на корабле? Расскажите...

– Было весело. Много народу. Кого-то я знал, с кем-то познакомился уже там.

– Праздник прошёл без эксцессов?

– Абсолютно.

– Как вёл себя именинник?

– Я его таким весёлым и возбуждённым никогда до этого не видел. Он много танцевал и даже пел.

– С кем танцевал?

– С супругой в основном.

– А ещё с кем?

– Не припомню. Нет, точно, танцевал с несколькими женщинами. Но это были жёны его старых друзей.

– Не припомните чьих?

– Хм... – Женя задумался. – Трудно вспомнить, я не заострял на этом внимание. Но одну запомнил – очень яркая блондинка. Красивая, хотя немного вызывающая. Ножки – м-м-м-а! – он изобразил воздушный поцелуй. – Фигурка – дай бог каждому. Она была самой молодой из всех жён друзей, присутствующих на празднике. Не могу сказать точно, чья это жена, но могу показать её на фото.

Он сбегал к себе в кабинет и вернулся оттуда с флешкой:

– Я пофоткал немного и видео снял. Э-э-э, вот, – он вывел содержимое гаджета на экран.

На кадрах веселье было в апогее своего развития. Евгений указал Смильтону упомянутую блондинку. Она и на самом деле была яркой, броской и вызывающе одетой.

– И вот с этой он много танцевал, – Кравченко ткнул пальцем в ухоженную шатенку.

Старик подробно рассмотрел все снимки:

– Можно мне всё это с собой забрать?

– Естественно. Сейчас я скину. Позвольте.

Он выдвинул ящик стола своего погибшего боса и стал рыться в бумагах. Неожиданно из завалов выскользнул айфон.

– Стоп-стоп-стоп. Это чей?

– Это? Это Андрея.

Женя хотел вытащить аппарат, но старик его остановил:

– Не тронь. Я его реквизирую на время, – старик взял обычный печатный лист и аккуратно завернул в него айфон. – Как он здесь оказался?

– Это старый телефон шефа. Он рабочий. Год назад Андрей Ярославович полетел в Москву, а мобильный забыл в машине. Пришлось ему купить новый аппарат. Так у него стало два телефона. Но ему потом надоело пользоваться сразу двумя, и он этот забросил.

– Понял, – старик убрал добычу в портфельчик. – И последний вопрос к тебе, – он достал фотографии женщины в шляпе и показал Евгению. – Эта женщина тебе не знакома? Она никого не напоминает?

Кравченко отрицательно поводит головой:

– Вообще никого.

– Хорошо, зови следующего по списку...

... В СКР Смильтон вернулся уже под вечер:

– Вот наболтался сегодня, даже язык отваливается. Двадцать семь человек опросил.

Николь закончила работу с документами и откинулась в кресле. Вывернув наизнанку ладони, потянулась:

– У-у-а... Вам дай волю, вы весь Питер опросите. И как результаты?

– Беседа мало что дала. Зато в столе Андрея обнаружилась одна интересная вещь. Вот посмотри.

Старик протянул девушке айфон. Она прочитала сообщения и ухмыльнулась:

– А вот и реальный крючок, на который может попасться золотая рыбка.

– Да. Только я так не думаю.

– Почему?

– Странно всё это. Вы были в кабинете Тумашова?

– Да. Проверили ноутбук, компьютер. Ничего не нашли. Ни одной зацепки. Где он лежал? – Перескок потрясла айфоном.

– В выдвижном ящике его стола.

– Странно, я сама всё там перебирала. Каждую бумажку. Как не заметила?

– А его тогда там и не было.

– Как это?

– Так. Я сразу отдал аппарат на экспертизу. На нём не обнаружено никаких пальчиков. Вообще никаких. Даже пальцев Андрея.

– Интересно. И о чём это говорит?

– Мне кажется, кто-то хочет направить нас по ложному следу. Но ему это не удалось. Злоумышленник стёр свои пальчики, чтобы его не уличили, но вместе со своими он стёр и пальцы хозяина. А это косвенная улика, что что-то здесь не так.

– Вы хотите сказать, что все эти сообщения – «милый я скучаю», «всё не могу забыть твой жаркий поцелуй», «жду», «мне холодно в постели мужа» – выдуманы и реальной любовницы нет?

– Этого я не говорил. Возможно, она есть. Это не трудно выяснить. Коля, ты прямо сейчас пробей, откуда приходили СМС. И вот ещё что. Отпечатки пальцев эксперты согласились быстренько проверить. Но сам аппарат для проверки они брать отказались. Им соответствующая бумажка требуется. Я для них никто.

– Для какой проверки?

– Я хочу посмотреть стёртые фотки и сообщения, если таковые имеются.

– Хорошо, Александр Яковлевич, сделаю. Что ещё?

– Я просил распечатку с банковских карт.

– Завтра будет.

– Ну, завтра, так завтра.

Определить владельца номера, с которого пришли эсэм-эски, не составило труда. Их отправляли с телефона Александры Григорчук.

– Это та самая блондинка, с которой Андрей танцевал на теплоходе. Здесь её фото, – старик передал флешку Коле. – Распечатай, чтобы у нас эта девушка была в бумажном виде. И пусть крупно её сделают.

Глава седьмая

1 сентября

– Вставайте граф, вставайте! Рассвет уже полощется, – старик присел на постели правнука. – Дорогой мой, ты не забыл, что сегодня День знаний?

– У-у-у! Дед, каких ещё «знаний»? – внучок натянул одеяло на голову.

– Сегодня первое сентября, – Александр Яковлевич настырно потербил тело спящего. – Тебе пора в университет. На часах восемь.

– Угу... А занятия с десяти. Разбуди через часок.

– Ах, так ты начинаешь учёбу? Припёрся под утро. Вставай – всё равно не отстану!

– Дед, ты мёртвого с кладбища поднимешь. Дай хоть полчасика.

– Никаких «полчасика». Сейчас чайник принесу.

Правнук рыкнул, сел в кровати и стал усиленно тереть заспанное лицо:

– Блин, надо было в общагу устраиваться. Ты замучаешь меня своей заботой.

– В общагу... Сейчас бы таскался каждый день с Петергофа... Близкий свет. И просыпал бы постоянно. А здесь у

тебя самый надёжный в мире будильник. Вставай!

– А может, ты меня отпросишь?

– С каких это щей?

– Мы же типа с тобой расследование ведём.

– Отпрошу, если встанешь прямо сейчас.

Внучок сразу оживился и зашлёпал босыми ногами в ванную. На кухне его ждала дежурная яичница. Взбодрившийся Виталька плюхнулся на табурет и стал уплетать завтрак:

– Ты позвонил?

– Естественно, нет. Я тебя обманул.

От такой новости парень выронил из рук вилку:

– Ты серьёзно?

– Естественно, «серьёзно». Расследование никуда не денется, а начало занятий в университете пропускать нельзя.

– Нельзя врать.

– Это не враньё, а военная хитрость. Тактика. Ты будешь учиться, а в свободное время можешь, если захочешь, помогать мне. Всё – я сказал! Слушай деда.

– Прадеда.

– Тем более. Где ты вчера завис?

– Одного группников встретил.

– Дальше можешь не рассказывать. Шляпу, естественно, не нашёл.

– Нашёл, – Виталькино лицо приобрело довольный вид.

– Не томи.

– В Гостином дворе есть салон дорогих шляпок. Там она

её и купила.

– Узнали по фотографии?

– Не то, чтобы узнали. Говорят, что покупательница была в медицинской маске. Но фигура и светлые волосы были точно такими же, как на фотографии «шляпы».

– И много у них было таких головных уборов?

– Не догадался спросить.

– Как? У тебя был список вопросов.

– Шучу, дед, шучу. Таких шляп было пять. Осталась одна. Я сфоткал на всякий случай её для тебя. Хотя, сомнений нет – это наша шляпа.

Парень показал старику фотку на экране смартфона. Смильтон кивнул в знак согласия:

– Угу. Ты все салоны обошёл?

– Двадцать три. В других таких шляп нет, и не было.

– Так-так-так. Тиха украинская ночь. Лишь только пушки грохотали...

...Забросив Витальку на Васильевский остров, старик явился в кабинет Перескок.

– Здравствуйте, Александр Яковлевич! – приветствовала его Николь.

– И вам не хворать, добрая женщина, – парировал старик.

– У вас на все случаи жизни есть свои прибауточки, – улыбнулась хозяйка кабинета. – Что будем делать сегодня?

– Работать. Ты совсем без выходных?

– К отпуску добавлю. А вообще, вас сплавлю – тогда отдохну.

– Ну-ну. Новости есть?

– Пришли распечатки банковских операций.

– Есть что-то?

– Есть. Андрей оплатил номер в шикарной гостинице.

– И что? А! – догадался дед. – В день смерти?

– Хватаете на лету.

– Так-так-так. Нафига попу наган, если поп не фулюган.

Зачем он это сделал?

Девушка потрясла головой и пожала плечами.

– Так-так. Примерный семьянин, которому шлют эсэмэски страстного содержания...

– И фривольные фото, – перебила его Николь.

Она развернула в сторону Смильтона монитор своего компьютера. На фотографии, выведенной во весь экран, была постельная сцена. Голая мужская задница, сияющая в приглушённом свете и лицо женщины, выглядывающей из-под тела мужчины. Сомнений в идентификации женщины не могло быть.

– Так-так. Это точно Александра. А мужчину как ты идентифицировала?

– Во-первых, фотка была в его айфоне. Её смогли восстановить спецы. Очевидно, что, когда этот интересный кадр прислали, Андрей его сразу же по понятным причинам удалил.

– Хм, косвенно, хотя и интересно.

– Есть и «прямо», – передразнила вечный скептицизм старика Николь. – Видите на левой ягодице, ближе к пояснице, тату. Ну вот, даже не буду вам её изображение увеличивать. При сличении оно в точности совпадает с тату на теле трупа. Можете поверить мне на слово.

– Ясно. Стало быть, адюльтер, как говорят французы, был. Примерный муж изменял. Это могло послужить мотивом.

– Вы всё ещё жену подозреваете?

– А почему бы нет? Нельзя от этой версии отказываться. Ревность – причина многих преступлений, в том числе и заранее обдуманных.

– А как же блондинка?

– Её тоже надо разрабатывать. Здесь на лицо шантаж. Просто так такие фотографии не делают.

– Я тоже так думаю. Как вам такая версия? Андрей и Саша случайно переспали. Но женщина, как это часто бывает, приняла всё всерьёз. Мужчину же стали мучить муки совести, что, к сожалению, бывает редко. Но муки эти были связаны с женой. Видимо, Андрей до этого похождения был вполне порядочным мужчиной. Бывает и такое. Тогда Александра, не видя с его стороны потуг на продолжение отношений, стала заваливать его посланиями. Ноль ответа. На следующем этапе женщина стала угрожать, что всё раскроет и в доказательство реальности скорбных для него последствий прислала фотки.

– Нормальная версия. Но здесь две явных странности. Первая: если переспали случайно, то снимки тогда откуда? Во время адюльтера присутствовал «случайный» фотограф? Вторая странность: фото он удалил, а текстовые сообщения оставил.

– Возможно, забыл, не успел удалить. А может, даже не успел прочитать. Все эти СМС пришли накануне и в день его смерти.

– Понятно. Что-то ещё интересное в оплаченных счетах было?

– Не знаю. Я только пробежалась по верхам. Сами посмотрите.

Старик расположился за соседним столом, попивая свой фирменный чаёк и что-то бубня под нос. Когда закончил работу, огласил итог:

– Интересно. Очень интересно.

– Что там?

– Андрей за две недели до смерти оплатил дорогую покупку в ювелирном.

– И что из того? Он мог себе позволить.

– Так-то оно так, ежели, конечно. Но вопрос: для кого?

– Думаете для любовницы?

– Вот тут интересный моральный аспект. Если для любовницы, то ревность жены обоснована на все 100 процентов. Значит, их амурные отношения продолжались, и супруга имела большие основания для ревности. А если для жены

– значит, его мучило обостренное чувство вины. И тогда возрастают шансы версии на месть брошенной им Александры.

– Ух ты, как всё у вас заморочено.

– Но это ещё не всё. Более интересная, на мой взгляд, информация содержится в счетах Алины.

– Я вроде внимательно смотрела. Что вы там такого нашли?

– Судя по всему, она повсеместно пользовалась вот этой карточкой, – он ткнул в одну из бумаг, лежащих на столе. – Именно ей она пыталась расплатиться с таксистом. И как мы знаем – неудачно. Недостаток средств. Хотя до этого меньше ста тысяч на этой карте никогда не было. Вторая карточка почти не имеет движения. Там всегда лежит пара сотен тысяч рубликов и десять тысяч евро. Но неожиданно всё преобразуется полтора месяца назад. На первую карточку поступления прекращаются, а на вторую резко возрастают. Есть даже несколько небольших переводов с первой карты на вторую.

– Ничего не понимаю. В чём смысл ваших изысканий?

– Предположу, что именно полтора месяца назад Алина задумала убить своего супруга.

– Ого, какие смелые выводы при одном взгляде на кошелек женщины.

– Ей необходимо было алиби. А для этого нужен был посторонний, незнакомый, незаинтересованный в чём-либо человек. Таксист в таком деле – идеальный вариант.

– Вот это да! Да она жуткий, хладнокровный, изощрён-

ный в таких делах человек-убийца. Заранее всё продумала. Исчадие ада какое-то!

– Смейся, смейся, паяц! Но такое бывает. Так меня учит личный богатый опыт.

– Опыт – опытом. Но ваша версия сродни «теории заговоров».

– Может быть ты права, и я выживаю из ума.

Старик вздохнул:

– Ладно, позвоню-ка я Владу. Назначу встречу.

– А почему бы сразу не поехать к Александре?

– Рановато. Надо побольше о ней узнать. Для чего? Чтобы бить точно в цель, а не по площадям...

...Денёк выдался на загляденье: солнечный, тёплый, безветренный. В противовес такой благодати природы, Владислав был хмур и неприветлив. Он занимался обустройством сада. В воздухе витал запах свежескошенной травы. На белом защитном костюме Влада налипла зелень. Запустив гостей, хозяин участка продолжил обрезку плодовых деревьев. Делал он это с усердием, не обращая никакого внимания на присутствующих.

Старик начал издали:

– Хороший у вас дом. Сколько квадратов?

Григорчук, не отрываясь от занятия, выдал монотонным голосом порцию информации:

– Двести двадцать. Тридцать соток. И сразу, пока вы не

устроили дальнейшие расспросы: двенадцать комнат, гараж на три машины, скважина, колодец, сад, сауна, небольшой бассейн, бильярдная, теннисное поле, камин, газовый котёл, тёплые полы, солнечная батарея. Что вас ещё интересует?

– Продаёте?

– Да. Хотите купить?

Старик ухмыльнулся:

– Пришёл Ерема во дворец... – тут и сказочки конец. Хотите-то хочу. Но «хотелки» наши, к сожалению, невозможно конвертировать.

– А чего тогда спрашиваете?

– Для плавности перехода.

– Понятно. Считайте, плавный переход состоялся. Дальше что?

– Я хочу, чтобы вы взглянули на это фото, – старик показал фотографию шляпы.

Мельком взглянув, Влад буркнул:

– И чего? Это шляпа. А не кепка и не ушанка.

– Вы её раньше видели?

– Нет.

– Но, по нашим сведениям, такую шляпу приобрела ваша супруга.

– У неё и спрашивайте.

– Спросим, спросим. Эту женщину вы знаете? – Смильтон показал фото дамы в «шляпе».

Григорчук скользнул взглядом и отрицательно покачал

ГОЛОВОЙ.

– Вы внимательно посмотрите.

– Чего мне смотреть? Эта женщина мне незнакома.

– Хорошо. А супруга ваша в день смерти Андрея Тума-
шова где была?

– У неё спросите.

– Я вас спрашиваю. Дело серьёзное. Речь идёт об убийстве
человека.

Хозяин, наконец, остановился:

– «Убийстве»? Вы серьёзно?

– Серьёзней некуда.

– Говорили же, что это несчастный случай.

– Говорили, что раньше и кошки бороду брили. Так, где
она была? Только серьёзно отвечайте. Если соврёте, затаска-
ем, повестками замучаем.

– Напугали. Да не знаю я, где она была. Мы разводимся.

– Чего так?

– Не ваше дело.

– А сами вы, где были?

– Здесь.

– Хорошо, мне нужны все координаты, с помощью кото-
рых можно отыскать вашу супругу.

– Мне такие неизвестны, – Влад снова погрузился в своё
занятие.

Старичок помялся, внимательно изучая процесс обрезки
деревьев, и напоследок отомстил:

– Плодовые деревья стригут не сейчас – позже. И крупные срезы замазывают варом...

...Выйдя со двора Влада, Смильтон обратил внимание на грузную пожилую женщину. Она прохаживалась по узкой дачной дороге. Из её крупных ладоней выглядывала любопытная мордочка украшенного бантами йорка.

– Слушай, Коля, а почему бы не спросить досужего свидетеля? От нас не убудет.

– Ну-ну. Если делать нечего – почему бы нет? – девушка равнодушно пожала плечами.

– Удача – случайный фарт. Она имеет место в сыске быть. Старик подошёл к женщине:

– Добрый день.

– Здравствуйте, – ответила собачница, одетая, как вполне респектабельная дама.

– Извините за назойливость, но я не займу у вас много времени.

Эта фраза не очень понравилась дачнице. Добродушие мигом слетело с её лица. Женщина оценивающим взглядом прошла по фигуре Смильтона:

– Покупать краденое и сообщать пароли от своих банковских карточек я в любом случае не стану.

– Это и не требуется, – Смильтон показал фотографию шляпы. – Вы случайно не видели такую шляпу на голове своих соседей?

– Нет. Я не сую свой нос в чужие дела.

– И всё-таки?

– Я уже сказала. До свидания, – она не стала рассматривать фото, лишь слегка скользнув по нему взглядом.

– Нет, так нет. Так всегда: чужая беда – всем плевать. Своя беда – все сволочи.

Старик развернулся и пошёл к Николь. Но неожиданно женщина его окликнула:

– А вы кто?

– Следователь. Мы ищем убийцу, – спокойно и миролюбиво раскрылся перед ней Александр Яковлевич.

Дачница только сейчас увидела, что девушка, к которой направился старик, одета в мундир капитана Следственного комитета России. Плюс на обочине стоял чёрный мерседес, любезно предоставленный Тумашовым-старшим.

– Погодите! – дама с собачкой направилась к Смильтону. Подойдя вплотную, хмыкнула: – Видно с кадрами в полиции совсем худо. Вы больше похожи на Деда Мороза с внучкой. Дайте я ещё раз взгляну.

Повторный осмотр дал нужный результат:

– Угу, эту шляпку я видела.

– Где? Когда?

– Здесь, недели три назад, – она указала на ворота усадьбы Григорчука.

– Вы точно эту шляпку видели? – старик сделал ударение на «эту».

– Точнее не бывает.

– Понятно, вы обратили на неё внимание из-за того, что такая дорогая шляпа не сочетается с дачной жизнью.

За сказанное Смильтон был удостоен уничижительного взгляда:

– Ха, вы думаете, здесь кто-то из хозяев выращивает репку? – она повела рукой по окрестностям, застроенным шикарными особняками. – Вовсе не из-за этого. И не из-за того, что эта шляпка меня заинтересовала своим вычурным фасоном. Я бы не обратила никакого внимания, но Мотя подбежал к этой фифе, а она его пнула. Пусть теперь сама расхлёбывается.

– Это была хозяйка этого особняка?

– Почём я знаю? Наша фазенда на соседней улице – мы здесь редко с Мотюшей гуляем. С ней был муж или любовник – такой лысый спортивный мужчина с наколкой на шее.

И далее она дала точное описание Влада.

– А сама она как выглядит?

– Молодая, стройная блондинка лет тридцати. Плюс-минус пять. Сейчас не поймёшь – у всех хорошие стилисты.

– Эта? – Смильтон показал фото дамы, зафиксированной регистратором автомобиля.

– Трудно сказать с уверенностью – шляпа, маска и очки мешают, – женщина внимательно рассмотрела фотографию. – Но мне кажется, что это не она.

– Почему вам так кажется?

– Не знаю, – пожалала она плечами, – ощущение такое. Но шляпа точно эта. Я не могу ошибиться.

– Взгляните сюда, – старик протянул фото Александры.

– Это она, – уверенно кивнула дачница. – Мы с Мотей никогда её не забудем.

Когда Смильтон сел в машину, Перескок спросила:

– И что вы теперь скажете, метр? Шляпка-то определилась.

– Что сказать? Дело не простое. Женщина, совершившая преступление, очень умная. Пришла со своей каменюкой. Инсценировала несчастный случай. То есть всё было продумано заранее. Умная. Угу. Тогда зачем так ярко оделась? Ладно шляпа и очки. С этим вроде как даже нормально всё. Но этот светлый брючный костюм. Очень дорогой. Мне кажется, она специально пришла в такой одежде, чтобы засветиться. Да и шляпа – полный эксклюзив, который даёт нам прямую ниточку. Женщина сказала, что видела её недели три назад. Получается, что умная продуманная преступница беспечно гуляет по Питеру и окрестностям в том же наряде, в котором совершила убийство. Или она нас за дураков держит – или что-то тут не так. Совсем не так. Не сходится что-то.

Александрю Григорчук в городе обнаружить не удалось. Но родители сказали, что через три дня она вернётся из Турции...

...Вечером Виталик ворвался в дом взмыленным и возбуждённым. Не разуваясь, проскочил на кухню и стал осторожно выглядывать из-за занавески.

– Ты чего?

– Дед, выйди во двор. Скажи ментам, что всё нормально.

Пусть уезжают.

– Что «нормально»?

– Просто скажи. А если спросят, из какой я квартиры, скажешь, что не знаешь. На лестничной клетке встретил.

– Я не пойду, пока не расскажешь.

– Ладно. Короче, бегу я домой. До пешеходного далеко. Я и рванул через проспект напрямую. А тут они. Я бежать. Они в погоню. Я ещё быстрее. Догнали, повалили. Я кричу, выпустите меня, сейчас всё взорвётся. Что, спрашивают, взорвётся? Я и сочинил на ходу. Говорю, газ забыл выключить, потому и бежал. Вот – привезли. Хотели со мной подняться. Но я говорю, мол, держите оцепление. Всех выпускать, никого не впускать. Стоят, твари, никого не впускают, – Виталька снова выглянул в окно. – Дед, ну сходи. Чего тебе трудно? Заодно мусор вынесешь.

– Сам замутил – сам и расхлёбывай.

– Меня же за хулиганство посадят.

– И не только, – ухмыльнулся старик. – Ещё заставят оплатить ложный вызов спасателей. Наверняка, бойцы уже позвонили и в МЧС, и в скорую, и в газовую.

– Блин! Вот я влип! Придурки, спросили бы кого-нибудь.

Им бы сразу сказали, что наш дом не газифицирован.

– Врать не надо.

– Дед, ну я больше не буду, – заканючил внучок.

– Иди, говорю! Иди, пока все не съехались. Бегом!!! И мусор захвати!

– А может, рассосётся?

– Детский сад, штаны на лямках! Не рассосётся. Вычислят тебя, как дважды два. А если не вычислят – я тебя сам сдам. Не было в нашей семье террористов – и не будет.

Полицейские оказались добрыми. Или, служа в ДПС, не очень знали законы, не касающиеся правил ГИБДД. Валерка отделался штрафом за переход в неподобающем месте...

...Перед сном дед с правнуком резались в шахматы.

– Дедуль, я же пять лет в шахматной школе занимался.

Должен же я хоть раз у тебя выиграть.

– Так в чём же дело? Дерзай.

– Угу, ты играешь, как гроссмейстер. Где так научился?

– Не помню. Я старый. Давно это было.

– Не помнит он. Всё прибедняешься.

– Ты ходить будешь?

– Я не пойму: когда ты успеваешь думать? Играешь, как робот. Слава богу, что мы не используем шахматные часы. А то бы я уже висел на флажке. Ха-ха! Тебе шах!

– А тебе мат. Девять-ноль. Ещё?

Виталик отодвинул доску и перевернул её, загремев соби-

раемыми фигурами. Дед ухмыльнулся:

– Чего ты? Это ж только игра.

– С тобой играть – себя не уважать. Сплошной стресс для молодого организма. Я так понимаю, рассказ про родословную я уже не услышу.

– Услышишь – почему не услышишь? Как только победишь – так и услышишь. Но для этого тебе, дорогой мой поручик, надо тренироваться. Нельзя почивать на лаврах. Надо всегда доказывать, что ты лучший. И в первую очередь себе. Ты, кстати, досье на кого-нибудь написал?

– Написал. Пока только на полкана. Так пойдёт? – Виталий протянул деду гаджет, с выведенным на экран текстом.

Смильтон прочитал: «Вагин Юрий Аркадьевич. Полковник юстиции. Боров под два метра с блестящей лысиной на голове. Судя по всему, в молодости был брюнетом. Особые приметы: очень неприятный тип. Характер вздорный. Поведение хамское. Порочащие связи наверняка имеются».

Глава восьмая

2 сентября

Полковник с язвительной улыбкой наседал на Смильтона:

– Ну что, дед, проиграл?

– С чего ты взял?

– Ага, трудно признать поражение. Как только Григорчук вернётся, мы её арестуем.

– За что?

– Ой, вот только не надо. Все улики на неё указывают. Любовная связь была? Была. Шантажировала? Шантажировала. Шляпа её? Её. Что ещё?

– Если она шантажистка – зачем ей убивать? Денег от этого не прибавится. Да и жениться мертвец не может. Чаше шантажистов убивают. А не наоборот.

– Вот возьмём её и узнаем всё в точности. Я думаю, она пришла к любовнику и стала требовать жениться. Не зря же Владислав Григорчук показал, что они разводятся. Мы знаем, что с бизнесом у него полный швах. Очевидно, это никак не устраивало его молодую жену. Так вот, она пришла и стала требовать, угрожая опубликовать пикантные снимки. Но Андрей был категорически против. Они поругались, он, очевидно, попытался её ударить. Она его толкнула – он

потерял равновесие, упал, ударился и умер. Чем эта версия плоха? Так, старик?

– Так, – Смильтон был спокоен, как удав. – Так-то оно так, ежели, конечно. Но ежели оно что – то вот вам и пожалуйста.

– Хватит болтать ерунду. Сдавайся, дед, сдавайся. Гони проигрыш.

– Если петух прокукарекал – это не гарантирует рассвет. Отложим наш спор до суда.

– У-у-у, долго ждать. Не боишься с долгами в могилу?

– Боюсь. Но истина дороже.

– Александр Яковлевич, – встряла в их разговор Николь. – Юрий Аркадьевич прав. Вот вы вцепились в Алину Борисовну, но у неё же алиби. Она была на даче. Шляпа не её. И мотива у Тумашовой нет.

– Как нет? А ревность?

– Какая-то ревность уж больно изошрённая. Понимаю, если бы она в порыве ревности двинула мужа скалкой или сковородой по голове. А так... Не верю.

– Верю – не верю. Но надо проверить и довести версию до конца. Сбрасывать со счетов Алину я не собираюсь.

– Я запрещаю заниматься этой версией, – Вагин нахмурил брови.

– Запретить-то ты можешь. Только не мне. Занимайтесь любой версией. Вы за это зарплату получаете и новые звёздочки на погоны. А у меня только одна выгода – найти истину и спать спокойно.

– Ох, и упрямый же ты, дед. Ох, упрямый...

Когда он ушёл, Смильтон обратился к Николь:

– Я уже старый, совсем старый. Поэтому не обижайся, если глупость скажу. Иногда истина лежит на поверхности – все спотыкаются, но никто её в упор не видит.

– Вы это к чему?

– К тому. К примеру, как ты объяснишь такой простой факт. Ты знаешь, что Андрей погиб в юбилейный день любви. Супруги, по рассказам Алины, его праздновали всегда вдвоём. Так?

Николь кивнула.

– Тогда вопрос на засыпку. Почему она ждала его на даче? Девушка недоумённо потрясла головой:

– Не поняла.

– Чего непонятного? Она его ждала на даче. Так? Так. А он оплатил номер в гостинице на этот же памятный день. Ты же сама видела распечатку его банковского счёта. И что получается? – Смильтон неожиданно пропел: – «Мы оба ждали. Я у аптеки! А я в кино искала вас! Так, значит, завтра на том же месте, в тот же час!» – так что ли? Но они не наивные влюблённые из старой песенки. Они двадцать лет вместе. Как ты это объяснишь?

Перескок задумалась:

– Да, трудную задачку, Александр Яковлевич, вы передо мной поставили. Очень трудную. Знаете, все ответы, которые мне приходят в голову, столь же несуразные, как и «пе-

сенная» ситуация.

– Вот то-то и оно. И таких странностей становится всё больше и больше. Думаю, что скоро они накопятся до критической массы. А ты говоришь, что я упрямый, – старик задумался и задал ещё один вопрос: – Коля, скажи, у них всего один семейный автомобиль?

– Один. На нём Андрей ездил. На нём он и приехал в квартиру в семь часов вечера. Ауди так и стоял перед подъездом всё это время. Он попадал в обзор камеры наружного наблюдения у их подъезда.

– Получается, что он всегда Алину отвозил и забирал с работы? Или она пользовалась услугами такси?

– Нет, ни то, ни другое. Алина Борисовна занимала высокую должность, у неё был персональный автомобиль. Мы проверяли. В тот день он привёз её домой в 13.20. И на этом всё. В тот день она уже на работу не возвращалась. Заранее предупредила начальство об этом.

– Опять странности, – не унимался морщить лоб дед. – Договорились встретиться на даче. Но добирались туда порознь.

Перескок улыбнулась:

– Александр Яковлевич, вы рассуждаете, как мужчина. Кто-то же должен был приготовить всё для праздника. Я была там. На столе стояли фрукты, цветы, вино, – она вздохнула, словно завидуя, – и другие атрибуты романтического характера.

– Да, но она могла воспользоваться услугами персонального автомобиля.

– И об этом я спрашивала. В их конторе с этим строго. Автомобили в личных целях никого не возят. Тем более за город. Юридическая фирма, в которой Алина работает, оказывает услуги предприятиям ВПК...

...Первые две партии Виталий проиграл. Затем две свёл к ничьей. А пятую всё же выиграл. Дед протянул ему руку:

– Поздравляю. Ты здорово прогрессируешь.

Внучок самодовольно парировал:

– Просто всё становится на свои места. Я перворазрядник-профессионал, а ты шахматист-любитель.

– Чего тогда проигрываешь любителю?

– Просто давно практики не было.

– «Давно» – это сколько?

– Э-э-э... два года. Даже больше.

– И у меня два, – дед улыбнулся. – Правда, десятилетия.

– Врёшь!

– Эх, если бы. После пятидесяти годы летят, как полоумные. Раз – и просвистели мимо. Ладно, проиграл, так проиграл. Спрашивай, что хотел.

Внучок кивнул, отодвинул шахматы и придвинулся поближе:

– Слушай, дедусь, выходит, во мне тоже латышская кровь?

Смильтон кратко пожал плечами:

– Сомневаюсь.

Виталька выпучил глаза и уставился на прадеда:

– Не понял... Ты на что намекаешь?

– Вот на то, что ты подумал, я вообще не намекаю. Просто я всё больше склоняюсь к той мысли, что в момент переселения из Риги в Петербург, наши предки всё ещё были славянами.

– Опять не понял. Что значит «всё ещё были?»

– Сложный вопрос. Сразу я тебе не смогу объяснить. Просто дам несколько вводных, а ты на досуге подумай. Затем вернёмся к обсуждению. Вам теперь легче – у вас под рукой всегда есть «великий и ужасный». Это я так интернет величаю. Если надо я тебе литературку подброшу.

– Неоязыческую?

– Сам ты «неоязыческую», – дед даже поперхнулся. – Летописи. Они не врут, как современные историки. А этих трепачей я вообще не читаю. Приходится до всего своей головой доходить.

Виталик настороженно хмыкнул и покрутил головой:

– Я уж испугался, что ты меня в секту затянешь. Ну, давай свои «вводные».

– Есть такие понятия: этногенез и ассимиляция. Понимаешь о чём я?

– Естественно. Я, между прочим, студент СПбГУ.

– Так вот, студент, учёные установили, что ещё в пятом веке нашей эры общие предки всех славян говорили на од-

ном языке. Но почему они сейчас на разных говорят?

– Это вопрос конкретно ко мне или риторический?

Дед, не обращая внимания на реплики правнука, продолжал:

– Они обособились – это раз. И подверглись реальной и культурной ассимиляции – это два. На одних влияли турки, на других немцы. На третьих татаро-монголы. Отсюда появились славяне южные, западные и восточные. В Прибалтике на момент появления там крестоносцев тоже преобладали славяне. Об этом свидетельствуют все летописи того времени, – Смилтон демонстративно поворошил бумаги на своём столе. – Немцы славян называли вендами, и никак иначе. Именно поэтому старинная топонимика Прибалтики насыщена «вендскими» терминами. Сейчас латыши постарались всё переименовать. Тем не менее, на карте есть Вентспилс, Любану, Березне, Венден, Кукин Нос. Латышский флаг впервые зафиксирован в «Рифмованной хронике» в 13 веке. Там прямо сказано, что флаг этот был изготовлен по «вендскому обычаю» и появился он вместе с отрядом из города Венден. Крестоносцы долго боролись с местными князьями. Приведу несколько имён этих князей: Русин, Вячко, Всеволод. Нормально? Ригу, судя по всему, тоже славяне основали. Об этом прямо заявлял мыслитель эпохи Реформации Филипп Меланхтон. Его не заподозришь в любви к славянам. Он немец до мозга костей. В «Хронике Ливонии», составленной ещё до татаро-монгольского нашествия, тоже

прямо говорится, что «на Древней Горе, где теперь построена Рига, жили венды». Об этом пока хватит. А то твоя молодая башка треснет.

– Ну, дед, ну чего ты? – занудил внучок. – А как же про нашу семью? С чего ты взял, что наши предки венды? Может они от крестоносцев пошли?

– Хорошо, хорошо. Но только чуть-чуть. Вот сейчас читаю одного шведа, посетившего Ригу в конце 17 века. Он прямо пишет, что стоит только выехать из Риги, везде слышна вендская речь. А наши предки жили не в Риге. Они там всего двадцать лет прожили. Городок Смильтон, или как теперь латыши называют его Смилтене, расположен в 115 км от столицы Латвии. Швед пишет про конец 17 века, а наши предки переехали в Санкт-Петербург в начале 18. То есть совсем ничего. Я тебе уже говорил о семейной легенде, в которой утверждается, что настоящая фамилия наших предков – Бондарь. Мне повезло. Я как-то раз списался с жителями самарского городка «Вице-Смильтэнэ». Его построили переселенцы из нашего Смильтона в середине 18 века. В этом городке есть музей. А в музее документ с перечислением фамилий первых переселенцев. Вслушайся в эти фамилии: Рутин, Бултыня, Озолс, Удрис, Недря.

Виталька поморщился – фамилии эти его не впечатлили. Тогда дед предложил:

– А если так прочитать: Русин, Бултыня, Озолич, Удрич, Недря.

– У-у-у! Так можно всё перевернуть. Традиционные латышские фамилии оканчиваются на «с», а не на «ч».

– А почему они вообще оканчиваются на «с»? Это чисто славянский алгоритм словообразования. Он указывает на принадлежность к кому-либо из старших. Все немецкие фамилии, оканчивающиеся на «ц» по происхождению славянские. «Ц» – это германизм. Результат ассимиляции. Так и здесь. «С» на конце – отражение тех же ассимиляционных процессов.

– Выходит, что и греки славяне.

– Не выходит. Этногенез тому причина. Но славяне внесли значительную лепту в формирование современных греков. В частности, в традицию формирования фамилий. Греция в 5 веке была капитально заселена славянами и вплоть до провозглашения независимости в 19 веке называлась Мореей, от славянского слова «море». Хотя древние греки никогда свою родину Грецией не называли. Элладой она именовалась. Предположу, что и топоним «Греция», известный ещё в вариантах «Хоречия» и «Горечия», имеет славянские корни. Сравни с Хорватией. Но давай про Грецию больше ни слова. А то мы так не дойдём до полного понимания истории нашего с тобой происхождения. Заболтаем. Вернёмся к самарским переселенцам. Ты говорил про латышские окончания их фамилий. Тогда скажи мне, кто такой Райнич?

– Не знаю, серб какой-нибудь. Или хорват.

– Правильно. Достаточно распространённая среди южных

славян фамилия. Хорватский футболист такой был. А Райнис?

Виталька мотнул головой и улыбнулся:

– Ясно, что ты про какого-то латыша говоришь.

– Не «про какого-то», а самого почитаемого в Латвии поэта. Так, всё! Заболтал меня совсем.

– Я?

– А то, кто же? Здесь больше никого нет. Давай снова вернёмся к переселенцам. Я специально не стал переименовывать фамилии: Бултыня и Недря. Почему? Да потому что точно в таком же звучании они зафиксированы в Древнем Новгороде и в Пскове. Кстати, и псковичи и новгородцы всегда «цыкали», переименовая таким образом мягкое «ч». Это тебе любой лингвист скажет. Не в этом ли одна из причин прибалтийского «с»? А теперь я тебе укажу на главный пунктик в моём сегодняшней рассказе. Я не назвал тебе ещё одну фамилию из списка переселенцев на Волгу – Бандаря. Слышишь, как звучит? Прочитал я эту фамилию из Вице-Смильтэнэ, вздохнул и понял: прадед не врал. Фамилия наших предков вполне могла быть Бондарь. Знаешь, кто такой «бондарь»? Это в славянских языках тот, кто бочки делает.

Старик махнул рукой и немного размяк, откинувшись в кресле:

– Всё на сегодня. Отдыхай. Я сам что-то устал.

Глава девятая

3 сентября пятница

Утром Виталька не нашёл деда на кухне. Проглотив завтрак, он заглянул в его комнату. Дед прилип к экрану компьютера и что-то детально рассматривал. Виталик сначала подумал, что он снова взялся за свои летописи. Но подойдя ближе, понял, что ошибался:

– Дедуль, ты порнуху смотришь?

Смильтон отпрянул от монитора и пригласил парня:

– На-ка! Лучше ты посмотри. У тебя глаза молодые.

– А, это тот компромат... – внучок занял удобное для просмотра место. – Мы с тобой уже сто раз его видели. Вплоть до тату на попе всё по пикселям рассмотрели.

– Ты не на задницу смотри. Ты на помещение обрати внимание.

Виталик приблизил лицо к экрану:

– А что в нём такого? Диван к стене прижат. Самый угол комнаты. И чего?

– Справа в углу видишь светлый полукруг?

– Вижу. И что это?

– А теперь видишь, откуда свет на попу падает?

Кадр был достаточно тёмный. Тем не менее, источник све-

та в комнате присутствовал. Иначе видео не получилось бы.

– Судя по освещённости шаровидных ягодиц, свет на них падает справа сверху.

– Вот!

– Что «вот»?

– Юный сыщик, ты должен научиться мыслить логически. Совмести эти две информации, которые я тебе подсказал.

Виталик задумался:

– Ага! Серп в правом углу и оттуда же падает свет. А-а-а... Это окно! Причём круглое.

– Точно! А это значит...

– «Это значит...» – повторил «нерадивый ученик» за учителем.

– Виталя! – нараспев призвал его к самостоятельному мышлению старик. – Думай!

– Блин, дед – это каюта!

– Молодец! Садись, пять.

Правнук машинально послушался и присел на диванчик:

– И что из этого следует?

– «Из этого следует», что мне теперь следует посетить тот самый кораблик.

– Я с тобой!

– Ты не со мной. Ты направляешься на учёбу.

В это время раздался телефонный звонок. Виталик завертел головой, не понимая, чей телефон звонит. Затёртый временем аппарат деда лежит перед ним на столе. А на Виталь-

кином айфоне совсем другой рингтон. Но дед не удивился. Он встал, открыл комод и вытащил из него чистенький смартфон. Осторожно взглянув на номер вызова, заговорщицки приложил палец к губам – мол, тихо.

Затем дед также загадочно изменился в лице, скорчив смешную рожицу.

– Ку-ку! Кто етто? – голосом дряхлого старика поинтересовался он у звонившего.

Заметив интерес правнука, Александр Яковлевич включил громкую связь. Из аппарата сообщили:

– Здравствуйте, вас беспокоит менеджер Сбербанка Колесов.

– Ку-ку! Кто етто?

– Это менеджер банка. С вашего карт-счёта только что произведена транзакция. Перевод в Кострому пятнадцати тысяч рублей. Вы меня слышите?

– Ку-ку! «Хто етто?» – всё с той же интонацией уничтоженного деменцией человека произнёс Смильтон.

– Дедушка, мы проверяем подозрительную транзакцию с вашего счёта. Вы переводили пятнадцать тысяч в Кострому?

– Ку-ку, хто етто?

– Работник банка. Если вы меня слышите, надо срочно прервать подозрительную транзакцию.

– Ку-ку, хто етто?

– Вы плохо слышите? Может ваша жена подойдёт?

– Ку-ку! Хто етто?

Дед не удержался и улыбнулся Виталику, который только сейчас стал понимать смысл телефонного звонка и немного обмяк.

– Дедушка, возьмите свою банковскую карточку и продиктуйте мне её номер. Нам надо проверить.

– Ку-ку! Кто етто?

– Это менеджер. Возьмите в руки вашу карточку, – терпению «менеджера» можно было только удивляться.

Деду надоело травить жулика односложно, он дал развитие диалогу:

– Карточку? Да-да, сейчас. Только костыли возьму. Минутку, подождите.

Смильтон аккуратно положил смартфон на стол и махнул Виталику, чтобы он шёл за ним. А сам снял тапки, взяв их в руки, и громко затопал по полу голыми пятками.

На кухне он пояснил:

– У меня на этот номер только СМС-сообщения банка приходят. Всем знакомым я даю номер «Нокии». Ей 12 лет, но она до сих пор целую неделю зарядку держит.

– И что? Зачем тебе два телефона?

– Я зарабатываю на том, на большом.

– Как зарабатываешь?

– У меня на нём платные входящие.

– Дед, такого не может быть. Платные входящие только у юридических лиц. И телефонная компания дерёт за это кучу бабла.

– Ничего она не дерёт! – нагло парировал старик. – У меня самый дешёвый тариф. И то я его не плачу.

– Как?

– Так, – передразнил дед. – Не плачу и всё. Ещё и на смартфон заработал.

– Что-то ты привираешь.

– Я? У тебя самый честный дед в мире. Вот мы здесь болтаем, а денежки капают. Лох хотел меня развести, но сам развёлся.

– Что-то здесь не так. Ты не врешь?

– Не вру, не вру. Лет пять назад я помогал в одном деле директору телефонной компании. У него из загородного дома украшения супруги пропали. А я нашёл. Ерунда в общем. Даже самому неинтересно было этим делом заниматься. Директор этот хотел расплатиться. Но я от денег отказался, а взамен попросил такой номер. Он сначала не соглашался, но я поклялся, что бизнесом не занимаюсь – просто жулики одолели. Житья нет – так одолели. Говорю, мол, хочешь, чтобы я тебя по два раза на дню хорошим словом поминал – поставь мне такой тариф. Он долго думал, но всё же поставил. И деньги теперь у меня капают постоянно. Приличные деньги. Я даже за квартиру ими иногда плачу. И что самое интересное – никто не жалуется на этот факт. А куда им жаловаться? В полицию? Так они сами жулики. И когда? Им нашего брата пенсионера надо разводить, а не с заявлениями бегать, что тоже, собственно, бесполезно.

Минут через пять Смильтон, также громко топая пятками-костылями, вернулся в свой кабинет и взял трубку:

– Ку-ку! Кто етто?

– Вы принесли карточку?

– «Карточку»? Хлебную?

– Дед! Какую, нахрен, хлебную... Извините, не сдержался.

Банковскую, естественно.

– А вы кто?

– Я менеджер. У вас со счёта жулики деньги сняли. Вы хотите их вернуть?

– Конечно, хочу. Подождите минут пять. Я костыли возьму и в другую комнату схожу. Она у меня там.

– Да пошёл ты, придурок старый, – в трубке раздался мат и короткие гудки.

Дед аккуратно отключил смартфон и убрал его в комод. Потёр довольно руки:

– Может я и придурок. Но доход от вас умников имею постоянный...

...Туристический корабль найти не составило труда. Капитан направил Александра Яковлевича к человеку, который отвечал на корабле за музыку и видеосъёмку. Через пару минут Смильтон уже допрашивал тридцатилетнего парня с окладистой бородой «душмана».

– Взгляни-ка, Иван Филиппович, на это фото, – протянул он снимок Саши Григорчук, – Знаешь её?

Парень смутился и отвёл взгляд:

– Нет. Не знаю.

– А эту, – предложил он на обозрение фото Алины Тумашовой.

Парень смутился ещё больше:

– И эту не знаю.

Смущение матросика не ускользнуло от Смильтона. Он хмыкнул:

– Сдаётся мне, мил человек, что ты врунишка. Придётся тебе прокатиться со мной в следственный комитет для дачи письменных показаний.

– Зачем это?

– А затем, чтобы ты потом не смог отпираться, когда тебе предъявят обвинение в лжесвидетельстве, – постарался взять его на испуг дед. – В организации незаконной съёмки для шантажа ты уже виноват. Но можешь отделаться условным сроком. А вот если будешь продолжать врать и изворачиваться – загремишь лет на пять.

– Я так и знал, что всё это плохо кончится, – пробормотал Иван.

– Если знал, зачем взялся? – старик вновь показал матросику фото Саши: – Она?

Тот глянул мельком и кивнул головой.

– А может она? – рука протянула снимок Алины.

– Хм, – хмыкнул парень, – что я Сашку не узнаю? Как увидел её, под ложечкой засосало от нехорошего предчувствия.

Так нет же, лопух, клюнул на её рассказы.

– Ты с ней давно знаком?

Иван тяжело вздохнул:

– Давно. В одном классе учились. Она у нас примадонной была. А тут такая нарисовалась. Сначала посмеялась, что я в тридцать лет работаю лишь бы кем. Говорит, что все, кто считал её глупой блонди, теперь матросами работают, да в магазине на кассе сидят. Я как-то ещё в школе к ней подъехал, а она меня отшила. Ага, вот она и подколола, была бы дурой – до сих пор бы числилась женой неизвестно кого. А так, мол, видишь – я королева, могу себе всё, что угодно позволить. Хотел её послать куда подальше, но она две тысячи евро на стол выложила. Говорит, мол, услуга пустяковая, но для неё это не деньги. А мне куда деваться? Мне эти баксы позарез нужны.

– Чем она объяснила необходимость видеозаписи?

– Чем? – парень снова хмыкнул. – У богатых свои причуды. Мол, мы с мужем так развлекаемся. Тайно снимаем свой секс на камеру, а затем балдеем от просмотра. Чувства, якобы, от этого обостряются.

– Да, – старик качнул головой, – глупо звучит. Но часто глупость воспринимается легче, чем мудрёность. И что дальше?

– Да ничего. Заснял я всё и отдал запись.

– Не посмотрел?

Парень замялся:

– Ладно, чего уж, посмотрел. Понял, что не муж с ней в койке был. Мужа я видел, она с ним на борт поднялась. Ну, думаю, беда. Что делать? Не к добру всё это. Но день, другой, неделя, месяц – тишина. Я уже успокоился – а тут вы.

– У тебя копия осталась?

– Посмотреть хотите? – Ваня осклабился, но вспомнив о ситуации, тут же состроил серьёзное выражение. – Есть. Только там ничего интересного. Не было секса. Только он взобрался на Сашку, тут же жена мимо этой каюты проходит и кричит: «Андрей! Андрюша!» Андрюша сразу же натянул штаны, только его и видели.

Александр Яковлевич задумался:

– Хорошо. И последнее, что я хотел спросить. Саша левша?

– Да.

– Точно знаешь?

– Об этом в нашем классе все точно знали.

– Понятно. А она не оттопыривает вот так, – старик показал «как», – пальчики при ходьбе?

– Не могу сказать. Никогда не обращал внимания...

...На обратном пути, Смильтон попросил водителя остановиться.

– Что-то случилось? – поинтересовался учтивый шофёр.

– Случилось. Закат больно красивый. Боюсь его пропустить.

Он долго бродил по набережной, спустившись по ступенькам к воде. Затем достал фотографии и нашёл среди них коллективный снимок на корабле. Взглянув на него, оживился и шустро взбежал по ступенькам.

– В СКР? – поинтересовался водитель.

– Нет, на сегодня всё. Отвези меня домой...

... Виталька уже вернулся с учёбы. При появлении деда, он тут же повис на его ушах:

– Что, опять с ней ездил? Она что – умней меня? Сижу в универе, штаны протираю. А мог бы во всю тебе помогать.

– Твоя помощь мне сейчас и нужна, – озабоченно пробормотал дед, тщательно моя руки в ванной. – Сейчас, только чайку попою.

Пока старик ужинал, внучок не отлипал:

– Дед, я заметил, что ты предпочитаешь везде ездить с Николь. Зачем? Ведь ты и сам прекрасно ведёшь расследование.

– Знаешь, родной, люди так устроены, что они содержанию предпочитают форму. Все знают: по одежке встречают. Но фраза эта давно уже замылилась. Опошлится, что ли, и воспринимается буквально. Её глубокий смысл и ирония потерялись. Тем не менее, она отражает действительность и человеческую сущность. И без одежки не обойтись, – поймав сосредоточенный Виталькин взгляд, он кивнул: – Попробую объяснить. Вот две одинаковых сути. Но одна кра-

сиво оформлена, а другая голая... Нет, лучше простой пример приведу. Я очень люблю морепродукты. Правда денег для этого удовольствия не всегда хватает. Поэтому, купив мидии в раковинах, панцири я никогда не выкидываю. Покупаю затем мясо мидий, так дешевле, и раскладываю их в пустые ракушки. А сверху майонез с чесноком и тёртый пармезан, – от воспоминаний Александр Яковлевич даже причмокнул и слюнки сглотнул. – Когда вытаскиваю из духовки, густо поливаю выжатым соком лимона. Приходят ко мне друзья. Приходят для вкушения гастрономических изысков. Но оставшиеся мидии – ракушек не хватило – я просто выложил на противень и залил тем же составом: чеснок с майонезом и сыр пармезан. Все восхищаются моими ракушками – вау! Но просто мидии без них – абсолютно равнодушное восприятие. Так и здесь. Николь – моя ракушка, моя форма, подчёркивающая моё содержание. Хотя ей об этом не говори. Обидится, не дай бог.

Внучок улыбнулся:

– Какие у тебя всегда нестандартные образы для объяснения простого, – он сглотнул слюну и потянулся за очередным бутербродом: – Приготовишь мидии для меня?

– Обязательно. Напомнишь потом. А сейчас у меня к тебе дело, – он достал коллективный снимок друзей Андрея. – Сравни рост Алины и Саши.

И мимолётного Виталькиного взгляда было достаточно для вывода:

– Саша гораздо выше. Больше десяти сантиметров разница. Зачем нам эта информация?

Дед вздохнул:

– Информация важная. Она может стать ключевой. Может. Но только в том случае, если ты сможешь мне узнать точный рост женщины в шляпе, пришедшей убивать Андрея. Подумай, внучок, подумай, как его определить.

– Ты не знаешь, как это сделать?

– При чём здесь я? Я уже старый и глупый. А ты у нас только учишься. Это тебе надо, а не мне.

Виталий фыркнул:

– Ты уже знаешь ответ. И прекрасно помнишь, что это именно я предложил по размеру двери вычислить рост женщины в шляпе.

– Но камера падает под углом сверху. А женщина стоит перед дверью, а не прислонилась к ней. Обязательно будет значительная погрешность.

– Ха! Древние греки по сопоставлению подобных треугольников узнавали высоту деревьев. А мы тупее что ли?

– Вот и вычисли точный рост «шляпы». И лучше завтра, спозаранок. Мне это надо знать до девяти часов.

Виталик скуксился:

– «Надо знать до девяти часов» – хе! Педагогика всё это. Тебе надо, чтобы я на занятия успел.

– И это тоже, – улыбнулся дед. – Поэтому ложись сегодня пораньше. Помощника найдёшь?

– Найду, – пробурчал Виталька. – Так и закончишь это дело без меня...

Глава десятая

4 сентября, суббота

Утром в Следственный комитет Смильтона не пустили. Пропуск оказался аннулированным. Телефоны Перескок не отвечали – ни мобильный, ни стационарный. Старик отнёсся к этому явлению спокойно. К подобному он давно привык. Ничего, дело уже прочно встало на рельсы. До конечного пункта недалеко. Доеду как-нибудь сам. На крыльце он столкнулся с Вагиным.

– Всё, дед, отмучился.

Смильтон демонстративно ощупал себя:

– Да, нет, вроде жив пока.

Мощная длань Вагина похлопала по старческой груди:

– Юморист! Хе, нравишься ты мне своей харизмой.

Старик потрогал себя за скулы:

– Чем мою харизму рассматривать, лучше деньги отдай.

– Какие деньги? А, пари... Так это ты проиграл. Всё, дело закрыто. Она во всём призналась.

– Тумашова?

– Дед, не прикидывайся дурачком. Григорчук во всём соznалась. Так что всё, в твоих услугах мы больше не нуждаемся. Отдыхай...

...Но Смильтон отдыхать не стал. На выходные у него были назначены встречи с друзьями Тумашовых. Первой по списку, значилась Даша Скобцова.

В дороге его застал звонок Виталика. Вечно неунывающий студент доложил:

– Вычислили! Примерно 175 сантиметров. Плюс-минус два. Но это в шляпе.

Даша назвала точный рост Алины – 166 см. Больше ничего особого она старому сыщику не поведала. Впрочем, она была словоохотливой дамой:

– Мы всегда немного завидовали ребятам – так хорошо они жили. И надо же – несчастный случай. Молодой совсем, здоровый, крепкий мужик. Да, странная судьба. Обидно, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Впрочем, в моей жизни такое уже было. Ещё в школе точно так же погибла моя подруга. Извините за интимные подробности – она плохо переносила месячные. Из-за них потеряла сознание и, падая, ударилась виском об угол кухонного стола. И всё. Ей ещё и пятнадцати не было.

– Есть какие-нибудь отличительные черты, присущие только Алине?

– Конечно, есть. Она курочка-наседка. Ради своего сыночка Алинка готова на любые жертвы. Она заранее решила, что её принц Елисей будет учиться в Америке. Её не останавливало ни то, что рубль в 14 году рухнул, ни постоянные санк-

ции, ни дипломатические скандалы, влекущие за собой закрытие американского консульства в Питере. Вообще ничего. Не остановил бы и коронавирус, если бы он появился летом девятнадцатого, когда её Елисеюшка перебрался за океан. Сейчас ей трудно, очень трудно. Она очень трясётся за своего сыночка. Она строго-настрого запретила ему прилетать в Россию. Вдруг заразится? Елисей даже на похоронах отца не присутствовал. Ох, не завидую я Алинке. За этот год она изнервничалась так, что у неё теперь даже руки иногда трясутся. Мы и видеться с ней стали реже.

– После смерти Андрея?

– Нет, ещё задолго до этого. С тех самых пор, когда ей в визе отказали.

– В визе? Когда это было?

– В конце мая.

– Из-за чего?

– Дурацкий вопрос вы мне задали. Никто не знает. Причину они не обязаны называть...

...Далее майор в отставке направился к чете Шаерманов, с которыми уговорился встретиться в кафе. В дороге Смильтону позвонил генерал и предложил отдохнуть. Мол, всё выяснилось. Тебе благодарность, а родители Андрея уже в курсе. Затем номер Александра Яковлевича набрал отец Андрея и тоже поблагодарил старика. Смильтон не стал развивать эту тему, по сути, ничего звонившим не ответив.

В кафе было пусто, но друзья Тумашовых старика уже ждали. В начале разговора случилась заминка. По реакции супругов Смильтон понял, что совместные следственные действия с Перескок в имиджевом плане выигрывают перед его самостоятельными допросами. Слишком разительным был контраст между привычным представлением о следователе и его внешним видом. Поэтому Александру Яковлевичу пришлось выкручиваться, долго объясняя, кто он и почему занимается данным расследованием. Не помогло. Сомнение в глазах Шаерманов не развеялось. Пришлось сменить тактику:

– Это я много болтаю, потому что общения не хватает. Затворником живу. Суетлив к старости стал. Но это не наказуемо. Ничего не поделаешь. Вы так смотрите, как будто сомневаетесь в моей адекватности. Не бойтесь – я нормальный. Голова работает хуже, чем раньше, но трёхзначное на трёхзначное в уме пока умножаю. Вот спросите. Спросите, спросите! Задайте задачку. Даже интересно, давно не упражнялся.

Борис улыбнулся и, не задумываясь, выдал:

– 323 умножить на 452.

– Простенькие цифры взяли. Это легко. Ответ: сто сорок пять тысяч девятьсот девяносто шесть. Можете проверить на калькуляторе.

Женщина достала дорогой айфон и проверила. Удовлетворённо кивнула мужу. Смильтон сразу перешёл к делу:

– Когда вы видели Алину и Андрея в последний раз?

– На дне рождения.

– Боря, ты забыл про фотографии.

– А, да, точно. Виделись мы однажды и после Дня рождения. Только порознь. С Алиной отдельно, с Андреем отдельно.

Борис рассказал о поездке в начале июля в Москву. Супруги намеривались съездить к сыну за океан. И для этого оформляли визы. Зашли в кафе, а там сидит Алина и кого-то ждёт. Боря решил для прикола пофоткать её, поэтому сказал Рите, чтобы она не окликала Тумашову. Алина их не видела и была задумчива. Затем к её столику подошёл мужчина, что-то спросил и ушёл. Рита всё же окликнула супругу Андрея, но та почему-то расстроилась, была не в своей тарелке и вскоре удалилась. Затем этого мужчину Шаерманы увидели в посольстве. Он выезжал из ворот на дипломатической машине. Фотки Боря распечатал. Он любит фото на бумаге. Снимки вышли замечательными. Шаерманы завезли эти фото домой к Тумашовым. Алина была в отъезде, снимки оставили Андрею, поболтали с ним и уехали.

– А у вас фотографии остались?

– Да. Вам какие: цифровые или бумажные?

– И те и другие.

Другой интересной информации Шаерманы не преподнесли...

...В обед перезвонила Перескок и сообщила, что Вагин ей строго-настрого приказал не рассказывать никому о ходе следствия. Старик всё же спросил про рост Александры.

– Для чего вам нужен её рост?

– Ты же не хочешь делиться информацией. Почему я должен? Готов объяснить всё при встрече.

В конце концов Николь согласилась встретиться со стариком вечером у неё дома.

Николь, как оказалось, жила в полчаса ходьбы от Смильтона. Поэтому старик прогулялся пешком.

– Рост Александры, согласно анкете – 175 см. Ох, Александр Яковлевич, подведёте вы меня под монастырь.

– А что делать, если я располагаю важными сведениями? Их утайка – это преступление.

– Какими сведениями?

– Я расскажу, не беспокойся. Но и ты введи меня в курс дела.

– Это должностное преступление.

– Тогда и я промолчу. И что в результате? В результате страдает истина.

– Хорошо, я расскажу. Но вы первый.

Смильтон поведал девушке о визите на корабль. Перескок кивнула:

– Информация и на самом деле важная. Но только не для вашей версии. Она окончательно изобличает Александру Григорчук.

– Это мы ещё посмотрим – сказал слепой глухому. Я рассказал, теперь твоя очередь.

Девушка замялась. Старик её приободрил:

– Давай, Коля, у нас цейтнот. Давно пора заканчивать эту канитель.

– Ну, что рассказывать? Она прилетела. Мы её тут же арестовали. И Григорчук полностью созналась в убийстве Тумашова. Убила случайно, непреднамеренно.

Смильтон тяжело вздохнул:

– Так, так, так – сказал бедняк. – Странностей не перечсть. Детей нет, а внуки есть. Эх, Коля, Коля. Не думал, что ты врать мне будешь, – она не выдержала его взгляда, потупив глаза. – Это тебя так Вагин научил рассказывать? А теперь, колись, как на самом деле было.

– Почему вы мне не верите?

– Могу предположить только, что Саша обговорила себя. Но Андрея она не убивала. Даже случайно не убивала.

Эти слова Смильтона оживили Николь:

– Вот почему вы такой упрямый? Вы только что сами рассказывали, что это именно она шантажировала Андрея, заказав видеозапись у матроса. Перстень Андрей подарил ей, а не жене. Мы его изъяли. Эсэмэски отправляла она. Уже созналась в этом. Одежда и шляпа её. Уже конфисковали, как улику. Саша левша. И даже пальчики на руке оттопыривать при ходьбе – её привычка.

– Всё так. Но убила не она.

– Но почему?! – затрясла ладонями перед лицом старика Николь.

– Ты мне сама сказала, что рост Александры Григорчук равен 175 сантиметрам. Говорила?

– Да.

– А убийца была ростом 175 см – плюс-минус два. Это студенты во главе с моим внучком замерили. Информация точная, не сомневайся. Я пока не могу доказать, что Андрея убила его жена. Но её рост 166 сантиметров к этому подталкивает.

– Вот! – Николь даже встала со своего места. – Вы же сами и доказываете, что убийца – Александра Григорчук. Даже рост полностью идентичен.

– Нет, Коля, тут ты глупо ошибаешься.

– Как «ошибаюсь»?

– Та-а-ак. Антропологические замеры делаются на голую ногу. А рост женщины в шляпе – 175 сантиметров. Но это вместе с высокими каблуками. С очень высокими. Поэтому я точно могу сказать, что женщина в шляпе – это не Григорчук. Кто-то под неё маскировался. И делал это преднамеренно. Мы узнаем как. Обязательно узнаем. Но ты должна мне рассказать правильную информацию, а не ту, что тебе приказал говорить Вагин. Давай, Коля, колись!

И Николь поведала обо всех событиях, которые были неизвестны Смильтону. Да, Григорчук вернулась из Турции, и её тут же арестовали. Предъявили фото со шляпой у подь-

езда Тумашовых, СМС-переписку с Андреем и свидетель-ство сотрудников гостиницы, что она поселилась в номере, оплаченном с карт-счёта Тумашова. Накануне Перескок с полковником побывали в этом отеле. Сотрудники опознали по фото Александру Григорчук. Они подтвердили, что она поселилась в номере, оплаченном Андреем. Кроме того, там рассказали, что за тридцать минут до предполагаемой смер-ти Андрея она покинула отель. Вернулась через час с неболь-шим. Выселилась утром. Следователи проверили: от отеля до квартиры Тумашовых ехать на машине минут 20-25. За-писи с камер видеонаблюдения отеля полностью подтверди-ли информацию сотрудников. Александра заселялась в го-стиницу в той же одежде, в которой женщина в шляпе по-дошла к подъезду Тумашовых. Григорчук долго отпиралась, но в конце концов признала факт амурной переписки с Ту-машовым и факт своего приезда в гостиницу для встречи с ним. Но она категорически отвергла факт своего появления у дома Андрея.

По её словам, она заселилась в номер. Андрея не было. На столе она обнаружила фрукты и любимое ею вино. Здесь же в коробочке лежал дорогой перстень, свидетельствующий о серьёзности намерений. Вскоре Андрей прислал СМС – жди, скоро буду. Потом ещё одно сообщение – не скучай, попал в аварию, оформлю, приеду. В ожидании выпила бокал ви-на. Уснула, проснулась утром. Андрея так и не было. Но са-мые важные улики были обнаружены в телефоне Алексан-

дры. Кроме эсэмэсок Андрея «жди, приеду», специалисты обнаружили на её айфоне и несколько входящих звонков с того же телефона.

– С какого телефона? – переспросил Смильтон.

– С того самого, который вы обнаружили в рабочем столе Тумашова. Очевидно, что он ей звонил.

– Но, как я понимаю, не дозвонился.

Николь замерла:

– Откуда вы знаете?

– Догадываюсь. Очевидно, что и сама Александра послала ему сообщения и звонила.

– Да, есть такое. В частности, за сорок минут до предполагаемой смерти Андрея, она послала сообщение следующего содержания: «Будь ты проклят, урод! Я еду к тебе для серьёзного разговора. Если ты не дома – пеняй на себя!» Это сообщение сохранилось только на айфоне Александры. На аппарате, найденном в столе, его восстановить не удалось.

Выслушав Перескок, старик сказал:

– Очень хорошо. Всё в точности так, как я и предполагал. Мне от тебя нужна только одна помощь. Надо съездить в отель. Сможешь помочь?

Николь Викторовна укоризненно покачала головой:

– Какой же вы, Александр Яковлевич, упрямый! – но, вздохнув, согласилась. – Хорошо, завтра воскресенье. Хотела отоспаться, но мужчине с седыми бакенбардами отказать не в состоянии.

– Скорее с седыми бровями и лысиной. Но всё равно спасибо, что не отказала. И ещё... Я так понимаю, эксгумации не будет?

– Правильно понимаете. Скорее всего, не будет. Это очень важный вопрос?

– Как тебе, Коля, сказать. Хотел я изначально зайти с этого боку. Ну ничего – зайдём с другого...

... Переступив порог квартиры, Виталик тут же активно завис на ушах Смильтона:

– Слушай, дед, я много думал над твоим рассказом о нашей родословной. Вот ты говоришь: Бондарь, славяне, венды и так далее. Но ведь предки писали в паспорте: латыш. Выходит, они сами себя так идентифицировали.

– Расставляй шахматы.

– Ну, дед, надоели мне твои шахматы.

– Расставляй, расставляй... Или не задавай вопросов. Уговор, есть уговор.

Первые шесть партий внучок проиграл. Во время седьмой, лежащий на его коленях Максик поставил лапы на стол и потянулся носом к ферзю Виталика.

– Макс, не подсказывай! – Смильтон беспардонно смахнул кота со стола.

Но правнук уже обратил внимание на ферзя и взял его в руки:

– Шах, шах! Мат! Ха-ха!

– Это нечестно, тебе подсказали.

– Проиграл! Проиграл! Ты есть злостный партизанен! Рассказывай, или мы будем фас фешать на эта ферёфка! Почему он писал «латыш»? – подначил Виталька проигравшего.

– Эх, внучок. Зри в корень, как призывал Козьма Прутков. Причин может быть множество.

– Ну, какие, какие? Назови хоть одну?

– Да сколько угодно! Взять хотя бы тот факт, что в многонациональной Российской империи только русские были крепостными. Это единственный пример во всей мировой истории, когда титульная нация была рабской, а так называемые «покорённые народы» – нет.

– Как? Сейчас же все вопят о русском шовинизме! Завоевали! Заставили!

– Вот так. Возможно, что именно поэтому наши предки, поселившись в Питере, назвались латышами. Так было проще. Ты будущий юрист. Всегда зри в корень. Не верь с кондачка написанному, – старик активно потёр ладони: – А теперь, дорогой коллега, покажи мне свои досье. Или ты больше не наваял?

– Обижаешь, – Валерка замер. – Я чувствую иронию в твоих словах. Тебе на Вагина не понравилось?

– Понравилось. Кратко, ёмко и, главное, глубокомысленно, – Смильтон с трудом удержал улыбку. – Давай-давай!

Новых досье было четыре штуки. Первое: «Смильтон

Александр Яковлевич. Возраст 79 лет. Пенсионер. Рост средний. Особые приметы: очень старый и носит очки с толстыми стёклами. Умён не по годам. Но уже «по годам» в обратную сторону. В некоторых аспектах даже сообразительней меня. Хорошо где-то натренировался играть в шахматы. Но я его часто побеждаю. В целом, человек положительный и развитый. Много чего знает». Второе досье гласило: «Тумашова Алина Борисовна. 38 лет. Рост 166 см. Знает шесть языков, не считая русского. Очень умная и серьёзная женщина. Бизнесвумен. Такая запросто могла спланировать любое преступление. Но я не верю, что женщина, прожившая в браке двадцать лет, вырастившая сына, способна хладнокровно спланировать и убить своего мужа. Что-то здесь не так». Третье досье было составлено на Александру: «Александра Юрьевна Григорчук. Возраст 30 лет. Рост 175 см. Стройная симпатичная блондинка. Но не в моём вкусе. Слишком легкомысленная особа, лишённая внутреннего обаяния. Женщина-прилипала к богатым мужчинам. Без предрассудков. Способна на всё». Четвёртое досье было составлено на самого автора: «Корытин Виталий Максимович. 18 лет, скоро исполнится. Рост 182 см. Симпатичный, стройный, в меру накачанный. Русый («русый» зачёркнуто и исправлено на «блондин»). Студент юрфака СПбГУ. Очень развит, широкий кругозор, пронизательный ум. Ай-кью выше среднего. Он первым вычислил кто является убийцей. Убийца-...»

– Коллега с развитым ай-кью. У вас не проставлено имя

убийцы.

– Дед, я же не знал, что ты сегодня захочешь посмотреть моё «досье». Я собирался тебе показать его после завершения этого дела.

– Хитёр, однако!

– А то ж! Ай-кью выше среднего. А вообще, как? Не понравилось?

– Не то, чтобы «не понравилось» ... Ладно, закончим это дело, займёмся вплотную составлением досье на конкретных примерах.

– Больше не писать?

– Пиши! Обязательно пиши.

Глава одиннадцатая

5 сентября, воскресенье

В воскресенье, как и договаривались, старик, Виталя и Николь посетили отель. Номер был просто шикарным: большой холл, огромная спальня для новобрачных, ванна-джакузи, в которой одновременно может поместиться человек пять. Гостиница была старинной. Здесь сохранили полный антураж старого времени. Вплоть до дверных замков, закрывающихся на обычный ключ. Смильтон долго рассматривал замок входной двери через лупу. Но, закончив, тряхнул головой и ничего не сказал. Ему не повезло в одном. В этот день не было того, кто отвечал за камеры наружного наблюдения. Это помещение было закрытым на ключку.

– Сегодня воскресенье, – развёл руками молодой портье. – Приходите завтра. Я передам по смене, чтобы Алексей приготовил все видеосъёмки этого дня.

– Мне понадобятся записи со всех этажей.

– Как скажете.

На выходе из отеля, Смильтон выглядел задумчивым и немного расстроенным. Николь попыталась его успокоить:

– У меня есть все видео из отеля, связанные с Сашей Григорчук. Завтра, если вы не захотите сюда приезжать, я вам

их завезу. Вечером завезу.

– Я могу заскочить в СКР, – вызвался внучок.

На этом они расстались. Перескок отправилась по своим делам, а дед с правнуком, немного погуляв по центру Питера, решили не терять времени даром и посетить Валерию Новгородцеву, бывшую жену Владислава Григорчука. Она была дома и согласилась поговорить об Андрее.

В квартире было идеально чисто и очень тихо. Чисто и тихо, как в жильё одинокой женщины. Лера не удивилась такому разительному контрасту двух следователей – и стар и млад. Она проводила их на кухню и приготовила кофе:

– Вас интересует Андрей? Он приходил сюда за три дня до своей смерти. Андрюша был непривычно грустным и подавленным. Я сразу обратила на это внимание. Вообще-то, я не люблю разговаривать с незнакомыми людьми. Да и со знакомыми – уже не очень. Но в данном случае мне хотелось кому-нибудь рассказать о его приходе. Странно, что прошло уже больше месяца, а вы появились на пороге моей квартиры только сейчас.

Старик молчал, Виталик косил взгляд на деда и тоже не лез поперёк бабки в пекло. Она поняла, что ей дают высказаться, вздохнула и продолжила:

– Я не верю в несчастный случай. В самоубийство – тем более. Мне теперь кажется, что он знал... предчувствовал то, что с ним вскоре произойдёт. Почему? Не знаю. Считайте это женской интуицией. У меня сложились с ним очень до-

верительные отношения. Странно, наверное, со стороны на это смотреть. Когда-то он делал мне предложение, но я отказала. Потом, обзаведясь семьями, мы снова стали общаться очень плотно. Не подумайте, кроме дружеских отношений нас ничего больше не связывало, – она опять глубоко вздохнула. – Теперь и этого нет. Нет, и уже никогда не будет. Всё вокруг меня гибнет, страдает и исчезает. Я не женщина, а сплошное несчастье.

Старик посчитал, что её «вводное слово» затянулось. Он тактично задал вопрос, направляющий беседу в нужное русло:

– Андрей вам что-то рассказал?

– Да. Мы разговаривали очень долго. Алина была в Москве, и он никуда не торопился. Не подумайте что-нибудь крамольное. Он начал рассказывать, что живёт словно в аду. Супруга и раньше его донимала, предлагая эмигрировать в США. Но после того, как туда переехал Елисей – словно с цепи сорвалась. Ежедневные истерики, скандалы, слёзы, мольбы. Ей очень не нравилось жить в России. Здесь её все раздражало. А тут ещё санкции, пандемия, дипломатическая война. Каждое новое событие доводило её до иступления. Она проклинала всех: страну, правительство, родителей, которые её здесь родили... Да, Андрей говорил, что доходило до этого. Естественно, что больше всего доставалось ему. А тут ещё им отказали в американской визе. Это была буря, которую он едва смог пережить. Это уже я домысливаю. Он

на словах так уж сильно не жаловался. Но зная Андрея, я понимала, что стоит за его исповедью. Я его не оправдываю, но видимо, такая атмосфера повлияло на то, что произошло на дне его рождения.

– Он вам и про это рассказал?

Валерия удостоила Смильтона долгим пронзительным взглядом:

– Вы тоже знаете? Откуда? А, наверное, Алина рассказала. Нет?

– Нет, не рассказывала.

– Впрочем, не важно. Я думаю, что день рождения стал для Андрюшки своеобразным выхлопом. По его словам, он перетанцевал, слишком насытил адреналином кровь, ну и, конечно, перебрал с алкоголем. Плохо всё помнит. Но в какой-то момент ощутил себя в объятьях Саши и услышал зов супруги. Ничего не успело произойти. Но измена, есть измена. Она стала его мучить не меньше, чем стенания супруги. И он сознался ей во всём. Скандал был грандиозным. Но на следующее утро Алина успокоилась и неожиданно для Андрея простила его. И уже никогда не вспоминала об измене. Что вызвало у меня уважение к ней. Странно, но это факт. Кстати, Андрей приготовил для Алины очень дорогой подарок.

– Перстень?

– Да. Очень красивый и импозантный.

– Валерия Аркадьевна, скажите, Андрей не жаловался на

то, что Александра заваливает его эсэмэсками?

– Нет. А что это так и было?

– Да.

– Странно. И она после всего ещё набралась наглости посылать ему СМС? – Лера недоумённо потрясла головой. – Андрей рассказал про случай на корабле своей жене и Владу. Мужики даже поссорились из-за этого.

– Из-за Саши?

– Да. Вернее, не из-за неё самой. В общем, эта Александра, не мне, конечно, об этом говорить, та ещё штучка. Когда Андрей всё рассказал Владу, до этого у них не было секретов между собой, Саша всё свалила на Тумашова. Мол, это он к ней клинья подбивал, а она противостояла, как могла. Влад ей поверил и приехал разбираться с Андреем.

– Видимо разобрался и всё понял.

– О чём вы?

– Влад и Александра разводятся.

Валерия задумалась, но скривив улыбку, пробормотала больше для себя, чем для гостей:

– Они разводятся не из-за Андрея. Просто у Влада кончились деньги.

– И последний вопрос. Вы не знаете, где Алина и Андрей всегда праздновали свой день любви? На даче?

– На какой даче? Нет, нет, нет! Они всегда отмечали его в одном и том же месте.

И она назвала отель, в котором только что побывали

Смильтон, Перескок и Виталий.

По дороге домой, внучок обложил деда вопросами:

– Получается, Андрей купил кольцо не любовнице, а жене?

– Ты же слышал, что Лера сказала.

– Дед, скажи тогда к какому ты выводу пришёл?

– Выводов много. Но однозначно одно. Он не мог заказать номер для любовницы, так как в этот день у него юбилей дня любви с супругой...

...Вечером заехал Борис, завёз фотографии. Он долго извинялся, что не смог этого сделать раньше – уезжал из города.

Проводив Шаермана, старик засуетился. Напевая что-то весёлое, сбегал за лупой и очками. С чашкой горячего чая в одной руке и с лупой в другой, он принялся за изучение снимков. Когда внучок пришёл домой, чашка уже давно была пуста, а дед, довольный своей работой, что-то чиркал в блокноте.

– Что это ты фотки разбросал? Развёл бардак на кухонном столе. Меня ругаешь, а сам... – попытался подковырнуть деда Виталька.

– Не разбросал, а разложил, чтобы ты посмотрел. Вспомни детство и журнал «Мурзилка». Найди на фотках одно, но самое важное отличие. Вообще, оцени детективным взглядом, что здесь запечатлено.

Внучок уставился на фотографии и долго их изучал. Затем изрёк:

– Слушай, она с каким-то иностранцем встречается. Кто это?

– Как ты определил, что он иностранец?

– Хо-хо-хо! – Виталий свернул губы в трубочку. – Хм, сказать легко. Объяснить трудно, – он поворачивал глазами, сморщив гримасу. – У-у-у... Не знаю! Морда у него ненашенская. Шпион, наверное.

– Хе-хе! А ведь ты абсолютно прав. Скорее всего, прав. Так, так, так, – сказал бедняк. Три деревни, два села – восемь девок, один я. А теперь скажи, что «шпиён» и Алина делают? Что происходит на снимке?

– Хм, ты намекаешь, что это и на самом деле шпионские штучки-дрючки?

– Я ни на что не намекаю. Ты на снимки смотри.

Парень вновь уставился на фотографии, переводя внимательный взгляд с одной на другую.

– А! Понял! Она что-нибудь засунула в солонку. А он подошёл и попросил соль. Так она передала ему сведения.

– Точно! Почти угадал. Молодец, моя школа! Только солонка – это для отвода глаз. Обрати внимание на салфетку, которая лежит рядом с Алиной. Видишь? Нет? Смотри внимательно, – он ткнул в один из снимков. – Здесь она чистая. Здесь уже свёрнута пополам. Очевидно, она уже вложила послание. А здесь, – Смилтон указал на третье фото, – Тума-

шова уже вытерла ей губы и смяла. Но смяла так неудачно, что из изгибов салфетки что-то виднеется. Присмотрись, что это?

– Не вижу.

– Внимательно, внимательно! Это белое на белом.

– Точно, дед. Это кончик белой флешки торчит.

– А на последнем фото уже никакой салфетки нет. Зато «шпиён» демонстративно держит солонку, за которой он, якобы, подошёл.

– Хм, смешно. Я думал, что такие шпионские игры можно увидеть только в старых фильмах. В наше время, наверняка, есть более продвинутые способы для передачи информации.

– Есть. Обязательно есть. Но в данном случае, как мне кажется, Алина случайный человек. Она не обучена шпионским технологиям. Именно поэтому получилась такая дилетантская передача информации.

– А что она ему передала?

– Понятия не имею. Но в связи с увиденным, вспомнил, что Тумашова работает в фирме, оказывающей услуги предприятиям ВПК.

– Что такое «ВПК»?

– Военно-промышленный комплекс.

– Хм, интересно. С каждым новым днём наше расследование всё интересней. А почему ты считаешь, что она дилетант?

– Есть у меня своя версия на счёт Алины. Но давай я тебе

о ней завтра расскажу. Идёт? Не пора ли нам в шахматишки сбачать? Ты меня приучил – теперь я без партии в шахматы уснуть не могу.

Внучок опять сумел победить в одной партии из шести.

– Дед, вот ты говоришь, что фамилия Смильтон дана по населённому пункту. Но его название уж точно не славянское.

– Почему ты так считаешь? В Риге сидели немцы. Они и давали названия, часто калькируя их под свой язык.

– Какое же было исконное название этого городка?

– Неизвестно. Но я считаю, что его называли Смолин.

– Совсем рядом со «Смильтоном» не лежало.

– Славяне в начале нашей эры проживали вплоть до Северного моря. Даже в 19 веке под Гамбургом и Люнебургом существовала большая славянская этническая общность. Если не веришь, загляни в «Толковый словарь» Брокгауза и Ефрона и посмотри там слово «Вендланд». В древности в тех местах на берегу Эльбы проживало племя смолинцев, воевавших с франками, а затем и с саксами. Немцы их звали «смельты», «смельды», «смельдинги». Возможно, так они перевели традиционное занятие смолинцев, выплавляющих смолу. «Выплавлять» по-немецки – «schmelzen».

– По-твоему, эти самые смолинцы бежали от саксов в Прибалтику?

– Несомненно, что такие миграции были. Особенно в 9-10 веках. Археологи это подтверждают.

Глава двенадцатая

6 сентября

На понедельник Александр Яковлевич возлагал большие надежды. Он считал, что ему практически удалось собрать обоснованную базу обвинений против Алины. Осталось только провести эксгумацию трупа и получить доступ к распечаткам счетов Елисея. Но неожиданно, а может и ожидаемо, всё перевернулось с ног на голову. Как говорил незабвенный премьер-министр России «Никогда не было и вот, опять».

Виталий убежал в университет, а Смильтон набрал телефон Перескок. Интонация её голоса совсем не понравилась старику:

– Александр Яковлевич, я не могу дать вам видео из отеля. Эксгумации точно не будет. Распечатки банковского счёта Елисея вы тоже не получите. Меня отстранили от дела...

Она не успела договорить. Трубку отобрал Вагин:

– Скажу коротко: отдыхай старик. Ты уже наломал дров, хватит. Дальше паровоз поедет без тебя. Да, отдельное тебе спасибо за видеозапись в каюте корабля. Это очередная улика против Александры Григорчук.

На этом разговор закончился. Всё! Ну всё, так всё. Старик

постарался успокоиться и попить чайку. Но чай в глотку не лез. Успокоиться не получилось. В голове назойливо крутились одни и те же мысли. Хорошая Саша, или плохая – это не важно. Её могут осудить за преступление, которого она не совершала. И наоборот, преступник уйдёт от правосудия и останется безнаказанным. Это несправедливо. К старости у него особенно обострилось чувство справедливости. Оно его волновало до трясучки, до непроизвольно появляющихся на ресницах слёз. Как же всё сухо, бездушно, бездарно! Разве для этого существует юриспруденция? Разве для того, чтобы штамповать приговоры, найдя пару зацепок, указывающих на первого попавшегося? Эх, отвяжись плохая жизнь, привяжись хорошая. Я никогда сам себе не прощу, если не закончу это дело.

Для начала он позвонил Лиходееву. А кому ещё? Он главный. Но разговор оказался таким же, как и с Вагиным:

– Извини, дорогой, у меня совещание начинается, поэтому скажу кратко. Я держу это дело на контроле, поэтому в курсе всех нюансов следственных мероприятий. Ребятки сделали всё, что могли и даже больше. Не вижу предпосылок для выдвижения обвинений против Тумашиной. Зря потеряем время. А у нас и так полный завал. Тысячи висячков изрядно портят нам статистику. Здесь всё ясно. Преступница арестована. Готовим документы в суд. Для вынесения приговора улики выше крыши. Камеры запечатлели, консьержка видела, шантаж налицо, перстень есть, шляпа её. Что ещё

тебе надо? Чтобы ты окончательно успокоился, сообщу тебе то, чего ты не знаешь. На платье, обнаруженном в гардеробе подозреваемой, мои эксперты зафиксировали микрочастицы крови Андрея. Поэтому, считай дело закрыто. Спасибо тебе за всё. У тебя мой номер есть, звони по любому поводу. Всегда готов помочь.

«Следственных мероприятий», «выше крыши», «мои эксперты» – сухарь ты сухарь. Как был бестолковым Лёхой Лиходеевым, так им и остался. Никакие погоны не добавят человеку ума. Про совесть я и не говорю.

Кто ещё может помочь? Тумашов-старший? Маловероятно. Но попробовать надо. Позвонить? По звонку легче получить отказ. Лучше съезжу и всё толком ему объясню. Он же не чиновник. Он отец жертвы. Должен понять.

Но и эта идея оказалась пустой тратой времени. Супруги смотрели на Смильтона, как на идиота, и разводили руками: вы ставите нас в глупое положение. Мы уже уверовали, что истинный преступник будет наказан. Алина? Да вы что? Зачем ей это? Ни за что не поверим, что мать нашего внука преступница. Она, кстати, получила визу для вылета в США к Елисею. Наш внук лишился отца. Теперь вы хотите отобрать у него и мать? Вы в своём уме? Правильно нам говорили умные люди – ничего из этого не получится. Вы выжили из ума.

Выжил из ума, выжил из ума. Нет, пока ещё, слава богу, не выжил. Пазл моей версии давно уже сложился. Не хвата-

ло только маленьких нюансов. Один из них – как она добралась до квартиры, а затем до дачи. На чём? Могла и на такси. Но, во-первых, таксист – это лишний свидетель. А во-вторых, Перескок и на самом деле проверила все такси города. Ни одно официальное такси её в тот вечер не возило. Общественный транспорт я полностью игнорирую. Метро до дачи не довезёт. Троллейбус тем более. Остаётся каршеринг. Из-за него я, собственно, и просил у Коли распечатку счетов Елисея. Счета его родителей я самолично досконально проверил. Никаких оплат каршеринга в них не было. Но наличкой его не оплатишь. Для этого нужна привязанная к мобильному приложению каршеринга банковская карта, по которой списываются деньги за услугу. Какой картой пользовалась Алина? Мы проверили все карточки. Но ни в одной из них не было перечислений для сына в Америку. Не почтовыми же переводами она отправляет деньги сыну. Гораздо проще открыть здесь счёт на его имя, класть на него деньги, а Елисею остаётся только тратить их по дубликату карты. По крайней мере, такую схему обрисовал мне Виталик, на примере своего одноклассника, уехавшего на учёбу в Канаду. Как же мне раздобыть эти сведения? Как? Стоп! А не позвонить ли мне Серёге Якубенко. Всё-таки он в ФСБ работал. Давно мы с ним не виделись, очень давно:

– Хорошо, что у тебя тот же номер!

– Это кто?

– Смильтон тебя беспокоит.

– Смильтон? Сашка, ты что ли?

– Извини, звоню по надобности. Поэтому без обоюдных реверансов обойдёмся. Я так понимаю, ты сейчас на пенсии.

– Правильно понимаешь.

– А способен ещё тряхнуть стариной?

– Способен, но боюсь, что доктор не позволит.

– «Доктор»? Плюнь на него. Ты же младше меня на пять лет.

– Я бы плюнул. Но дело в том, что мне позавчера операцию сделали. Вот лежу весь в капельницах, в растяжках, в противовесах и с огромной спицей в ноге.

– Жаль, здоровья тебе. Сейчас разделаюсь с делом и обязательно тебя навещу.

– «С делом», – собеседник откровенно заржал. – Узнаю неуёмного Саню Смильтона. Тебя только могила исправит.

– Жаль, что ты не можешь мне помочь.

– погоди, погоди, не вешай трубку. Расскажи коротко в чём суть.

Александр Яковлевич поведал, что ему нужна распечатка с карт-счёта неустановленного пока банка. А также фамилия работника американского посольства.

– Эх, чёрт, мне здесь так скучно. Хотел бы я поучаствовать в твоих приключениях. По американцу сейчас пробую. А вот по карт-счёту... Боюсь быстро не получится. Банки просто так сведения не разглашают. Бумажка нужна. погоди, погоди – не бросай. Ты говоришь, с этого счёта оплачи-

вали каршеринг? Ага! А не зайти ли нам с другого конца? Каршеринговые фирмы не настолько закрыты, как банки. На кого говоришь, договор оформлен? Фирму не знаешь? Это плохо. Но ничего, прорвёмся! Жди звонка.

Якубенко перезвонил через час:

– Помогли хлопцы! Уважили больного ветерана ФСБ. Но спешу тебя разочаровать. Да, есть такой пользователь каршеринга Тумашов Елисей Андреевич. В начале июля зарегистрировался. Но он до сих пор ни разу этой услугой не воспользовался. Как мне объяснили, каршеринговые фирмы не разрешают садиться за руль третьим лицам. Только зарегистрированным пользователям можно. Расстроился? А зря! Везучий ты, Саня! Фартовый! Всегда таким был. Даже завидно. Хлопцы нашли небольшую конторку, сдающую свои автомобили в аренду. Алина Борисовна Тумашова взяла у них автомобиль на четыре дня. Взяла 21 июля, а вернула двадцать четвёртого. Оплатила наличкой. Куда ездила никто не знает. Контора бандитская. Поэтому всё на доверии. Для них главное, чтобы денежки пуляли.

– Спасибо, тебе.

– С тебя пара литров хорошего коньяку. Не для себя стараюсь. Для хлопцев. Но как твои следователи не дотумкались проверить автопрокат – ума не приложу.

– Не додумались, потому что кадры слабые. Лучшие кадры в ФСБ утекают.

– Ты прав. Все умники работают у нас. Ты – единственное

исключение. Успехов тебе. Жду с коньяком. Да, а по твоему американцу – без проблем. Чейз его фамилия. Патрик Чейз. До этого в поле нашего зрения не попадал. Теперь возьмём его на карандаш.

Значит, подтвердилось. Алина вполне могла добраться до места преступления на арендованной машине. А затем на ней же укатить на дачу. Затем, через три дня приехать за ней и вернуть в салон. От каршеринга она в последний момент отказалась. Поняла, что это плохой вариант. Что сказали родители Андрея? Тумашова получила визу в США. Она может улететь в любой момент. Надо торопиться.

И он поехал в отель. В гостинице его приняли вполне лояльно. Своё дело сыграла информация, которую передал по смене тот симпатичный портье. Молодец, парень! Ответственный парень! Побольше бы таких. Алексей, отвечающий за видеосъёмку, был на месте и сразу предъявил Смилтону весь видеоархив того дня.

Старик почти час юзал записи камер туда-сюда, пока не понял, что нашёл, то, что искал. При доскональном изучении выяснилось, что Саша приехала в отель в светлых туфлях без каблука. На «дело» уехала в красных. А утром ушла опять в светлых. И даже визуально было видно, что красные туфли на два-три номера меньше, чем светлые. Камеры в отеле имелись только на входе, в холле и на каждом этаже – напротив лифта. Дверь номера, в котором поселилась Григорчук, не попадала в поле зрения камер. Александр Яко-

влевич, закончив изучение кадров с Сашей Григорчук, стал изучать видео с другими постояльцами отеля. В конце концов его внимание привлекла женщина, выходящая из лифта на этаже, расположенном над номером Саши. У неё были пышные светлые волосы, стриженные в каре, что не соответствовало яркой брюнетке Алине. Медицинская маска была надвинута до глаз – рассмотреть черты лица не представлялось возможным. Но туфли... Туфли выдавали всё, что находилось и под маской, и под париком. Они были красными.

Смильтон спустился к ресепшену. Здесь он ещё раз удостоверился, что супруги каждый год 22 июля бронировали именно этот номер. Номер, в котором Григорчук ждала Андрея.

– А теперь посмотрите, снимала ли этот номер Алина Тумашова в июле этого года.

– Нет, не снимала.

– Хм, – старик напялил очки и сам просмотрел список тех, кто проживал в указанном номере в июле месяце.

Среди постояльцев этого периода была только одна женщина, у которой не было спутника. Звали её Ванда Возняцки, полька.

– А теперь посмотри, родная, снимала ли эта самая Ванда номер в вашей гостинице 22 июля сего года?

– Да, вот. Номер 514. Заселилась в час дня. Съехала двадцать третьего в 02.15.

– Ночью, значит...

Номер «514» находился этажом выше, номера Александры Григорчук. Всё встало на свои места. Штрихи версии составили полную картину преступления.

Глава тринадцатая

Тот же день. Чуть позже

Преступник изобличён. Но он может скрыться от правосудия. Надо было действовать. Хотя действовать в одиночку – верх безрассудства. Но что делать? Надо. Положиться не на кого. Никто не поможет: ни Николь, ни Лиходеев, ни, тем более, Вагин. Даже родители Андрея настроены негативно. Как так получилось?

И Смильтон позвонил Алине:

– Алина Борисовна, мне надо с вами увидеться. Увидеться прямо сейчас.

– Я уже всё вам рассказала. Даже больше, чем всё. Поэтому не вижу смысла в нашем свидании. Мне некогда.

Ей некогда, ей некогда... Надо было её заинтересовать, заинтриговать, заставить... Смильтон пошёл ва-банк:

– Вам привет от Патрика.

Длинная пауза прервалась коротким предложением:

– Приезжайте, я дома.

Старик поехал один. Один на встречу с неизвестностью. В пути к Тумашовой его застал звонок. Это звонил Виталька:

– Дед, последняя пара закончилась. Тебе помощь не нужна?

Интуиция у парня работает. Весь в меня.

– Нужна. Срочно дуй к Тумашовым. Квартира «255». У меня с ней душевный разговор.

– Очень «душевный»?

– Не то слово!

– Тогда мчусь.

Алина открыла старику дверь, держа руки за спиной. Можно было подумать, что она что-то прячет. Фу-у-у, нет. Тумашова повернулась к гостю спиной. Просто сложила руки. Удивительная женщина. Спокойна. Совершенно спокойна. Ни один мускул на лице не выдавал волнения. Хотя эпитет «удивительная» слишком хорош для неё. Она преступник. Обыкновенный преступник. Преступник, каких я повидал на своём веку в достаточном количестве. Надо заставить её волноваться. Надо лишить её хладнокровного спокойствия. Надо спровоцировать в ней испуг. Надо поставить её в ситуацию, когда она будет вынуждена делать ошибки:

– Чейз арестован. Арестован за шпионаж.

Не прокатило:

– Чейз? Кто это? Автор детективов?

– Патрик Чейз. Тот самый Патрик Чейз, которому вы слили информацию, представляющую государственную тайну. В обмен получили визу.

Она прошла на кухню и предложила сделать то же самое гостю. Стало быть, проняло. Этой проходкой она попыталась спрятать волнение и потянуть время для размышления над

сказанным. Видимо, посчитала, что я отчасти блефую. Если бы дело с Чейзом обстояло так, к ней бы пришёл не я. Она это прекрасно понимает. Надо брать её в оборот! Надо!

– Но судить вас будут не только за это! Судить вас будут за убийство собственного мужа. Не за случайное убийство, а за преднамеренное. Хладнокровно спланированное и совершённое в здравом уме и рассудке.

Слушает внешне спокойно. Не дёргается. Не перебивает. Надо бить по больному:

– Теперь Елисей не скоро вас увидит. Вы выйдете из тюрьмы старой и больной. Он проживёт без вас лучшую часть своей жизни. Зачем вы ему будете нужны?

Она не выдержала:

– Замолчите! Дряхлый, безмозглый, вонючий человечешка, сующий свой сморщенный от старости нос, туда, куда его не просят. Вы всё врёте!

Ага! Проняло! Если бы она сейчас не сорвалась, мне бы пришлось туго. Припереть к стенке прямо сейчас уже бы не получилось. Это дало бы ей шанс смыться из России. Но не разглагольствовать! Надо нападать!

– У меня достаточно улик. Выше Останкинской башни. Я только что был в отеле. Смотрел на видео и думал про вас – дилетант! Ох, дилетант! Напялила паричок и маску и думает, что её никто не изобличит. А пальчики в пятьсот сорок четыре номере ты все смыла? А в мерседесе, который брала напрокат? Нет? Впрочем, в салоне тебя уже опознали. Дол-

го планировала? Долго, очень долго. Долго и тщательно. Но слишком сложно получилось. Слишком сложно. А это значит – проколов не миновать. Хочешь, я подробно расскажу, как всё происходило?

– Зачем мне слушать весь этот ваш бред? – волнение всё же отразилось в интонации. Она огляделась по сторонам: – Впрочем, валяйте.

Она отошла к окну и опёрлась о подоконник, добела вжавшись в него пальцами. В то же время – выражение лица сурово непроницаемо. Словно у директора школы с тридцатилетним стажем. Ладно, будем «валять»:

– Не знаю точно, когда вы решили избавиться от мужа. Тогда, когда вам стало невыносимо жить в России, когда муж предпринял попытку вам изменить, или когда вы обнаружили у него компрометирующие вас фото с Патриком. Я думаю, здесь имела место совокупность причин. Впрочем, не важно. Я не собираюсь копаться в психофизическом анализе вашей личности. Знаю точно, что он вас бесил. На него вы переваливали ответственность за своё сугубо некомфортное состояние. Он не хотел переезжать за океан. Он был на вторых ролях в вашей семье. Возможно, вы его и за мужчину уже не держали. Для вас существует один мужчина – сын. А это так, с боку припёку. Бесплезный трутень. Паучок производитель, которого «чёрная вдова» имеет право сожрать. Вы долго шли к решению навсегда избавиться от Андрея. Он для вас стал воплощением всех ваших больных фобий,

неудовлетворённости и ненависти к стране вас породившей.

– Может, хватит уже ерунду нести. У меня есть собственный психолог. Он и не такое плетёт.

Успокаивается... Настраивается на противодействие... Ускользает... Можно даже сказать, выползает из своей змеиной кожи. Уползёт, не поймаешь. Ладно, перейдём к следующему этапу:

– Подспудные мысли превратились в решение в тот момент, когда он покаялся в адюльтере. Дальше, больше. Вы обнаружили на его телефоне эсэмэски от Саши: «люблю», «мне скучно с постылым мужем» и т.д. Про её намерения и мечты говорить не будем. Но вы либо завелись от ревности, либо сразу захотели использовать Сашину активность в своих целях. Её-то вообще не жалко. Охотница за толстым кошельком – и поделом ей. Да, обнаружился перстень. Очень дорогой перстень. Не думаю, что вы решили, что Андрей его приготовил для Григорчук. Наверняка, вы понимали, кольцо предназначалось вам. Собственно, Андрей практически не скрывал этого. Он купил его не на заначку или утаенные от вас капиталы. Он приобрёл его официально. Заплатив со счёта, который вы всегда могли контролировать. Немного узнав ваш характер, я в этом не сомневаюсь. Но думаю, для настроения и для острастки вы себя накрутили, что перстень предназначался Александре. А тут ещё этот отказ в визе. Вы были в бешенстве, горя в ненависти, и, сходя с ума от безысходности. И тогда у вас созрел план. Скоро 22 июля. День

любви. Значит, место действия известно. С помощью второго айфона Андрея вы затеяли переписку с его лжелюбовницей. Я думаю, вас это занятие отвлекало от реальности и даже принесло некоторое удовлетворение. Правда, приятно игратья чужими судьбами? Игратья с глупыми марионетками, которые ничего не подозревают. Не подозревают, что они всего лишь куклы в чьей-то взрослой игре. Вы решили заманить Сашу в отель. Не знаю точно, как планировали изначально. Возможно, в вашем воспалённом мозгу представлялись сразу два трупа ничтожных людей, один из которых подло предал вашу любовь в самый памятный день совместной жизни. Но потом, вы решили переменить...

– Короче, можно? Мне уже ехать пора.

– Хорошо, как скажите. Будем штамповать по пунктам. Первое, вы, используя айфон мужа, заманили Сашу в номер, оплаченный Андреем для вашего семейного праздника. Второе, вы, за три недели до 22 июля, сняли на сутки этот номер под чужой фамилией. Для чего? Чтобы сделать дубликат ключа. Ключи там простенькие. Изготовить подобный в мастерской – раз плюнуть. Третье, вы заранее побеспокоились о снотворном. Часть его пошло в вино для Саши. Часть в настой для Андрея. Четвёртое, вы под именем Ванды Возняцки заселились в день вашего семейного праздника в «514» номер. Затем заказали такси и уехали на дачу за восемьдесят километров от Санкт-Петербурга. Там под благовидным предлогом показали соседям, накрыли и украсили празд-

ничный стол и, не выключив свет, вернулись в город. Вернулись вы на арендованной машине, которая заранее была вами перегнана в Бабино, где расположена ваша дача. Пятое, мужу вы оставили записку на кухонном столе вашей квартиры примерно такого содержания: «Случилось нечто. В отель приехать не могу. Жди меня дома. Расскажу при встрече. Не забудь выпить свою настойку от подагры. Я её оставила на столе». Записку, естественно, забрали. Забрали тогда, когда убили своего мужа. Шестое, Саше послали СМС-сообщение, якобы от Андрея: «Любимая жди меня, скоро буду. Попал в аварию. Как оформлю, так сразу примчусь. Плохая связь. Не звони. Твоё любимое вино на столе». Сами вы заселились в указанный мной номер и стали ждать, время от времени позванивая Саше и Андрею. Мужу со своего телефона. Саше с аппарата Андрея. Если они отвечали – вы сразу отключались. Как только Саша не ответила, поняли, что она выпила вино со снотворным и уснула. Вы спустились по лестнице, зная, что там нет камеры, и просто постучались в дверь этого номера для новобрачных. Никто не ответил и тогда вы его открыли тем самым дубликатом. Саша спала, как убитая. Всё же предположу, что вы насильно влили ей в рот дополнительную порцию снотворного. Да, забыл. Перстень вы тоже оставили ей, чтобы следователи утвердились во мнении, что между Александрой и Андреем была интимная связь. Установить факт покупки вашим мужем дорогого перстня не составило для следствия особого труда. Седьмое, вы переде-

лись в платье Саши и напялили её шляпу, мысленно поблагодарив, что она припёрлась в таком ярком запоминающемся наряде. Вот только с туфлями беда. Они оказались для вас очень большого размера. Пришлось остаться при своих. Но думаю, что и этот момент вы продумали заранее. Туфли на высоком каблуке давали вам рост, соответствующий росту Саши. Вот только с цветом не угадали. Она пришла в светлых туфлях, а вы в красных. Это первый прокол. Восьмое, переодевшись в костюм Александры, вы ещё пару раз позвонили Андрею. Он не отвечал. Это означало, что муж уже выпил снотворное. Да, забыл. Завладев Сашиним айфоном, вы отправили с него эсмэску такого содержания: «Будь ты проклят, урод! Я еду к тебе для серьёзного разговора. Если ты не дома – пеняй на себя!» К месту преступления вы поехали на машине из автопроката. Машину оставили подальше от посторонних глаз и камер. Далее пошли пешком, копируя походку Александры и даже её манеру оттопыривать пальчики. Вы поднялись в квартиру и застали Андрея спящим. Он спал. Спал, скорее всего, прямо за кухонным столом. Вы заранее приготовили подходящий плоский камень и нанесли выверенный удар по голове мужа. Причём нанесли его так, чтобы эксперты установили, что убийца левша. Вы всё сделали так, чтобы у следствия было два варианта распутывания этого дела. С одной стороны, детективы должны были подумать о несчастном случае. Двери закрыты изнутри. Ни отпечатков пальцев, ни орудия убийства. Это вас вполне устраи-

вало. Но в идеальном варианте, сыщики должны были догадаться, что Андрея убили. В данном случае, к вашей радости, все подозрения падали бы на Сашу. К сожалению, крови при ударе было маловато. Но мелкие брызги всё же попали на костюм Григорчук. Это вас тоже устраивало. Камень вы специально выбросили недалеко от подъезда. Это на тот случай, если «тупые» сыщики не догадаются о преднамеренном убийстве. Вы всё делали, чтобы следствие пришло к выводу об убийстве. И в конце концов это вам удалось. Дальше всё было делом техники. Вы вернулись в отель. Вновь поменялись одеждой с Сашей. Подождали для приличия до двух часов ночи и выписались из отеля всё под тем же имиджем загадочной польской туристки. Далее сели в арендованное авто и вернулись на дачу. Здесь вы выждали полчаса и заказали такси. Остальное известно всем. Вы поднялись со свидетелем к себе в квартиру и обнаружили труп любимого супруга. Да, а оставленное в Бабино прокатное авто, забрали через два дня, когда выпало свободное время. Как вам мой рассказ?

– Красиво сочинили. Прямо, детектив Агаты Кристи. Вы серьёзно считает, что это я убила Андрея?

– Более чем.

– Хм. Мне вчера звонил полковник Вагин. Он сказал, что они полностью изобличили Григорчук. Не сегодня завтра она даст признательные показания.

– Ошибки в следствии повсеместны. Но их всегда можно

исправить.

– Может быть, может быть. Вы на меня так смотрите, как будто ждёте от меня раскаяния. Его не будет. Я ни в чём не виновата. Зачем мне убивать своего мужа? Вы любите кофе? Или чай?

– Без разницы.

– Давайте спокойно попьём кофейку, и я вам приведу сотню очевидных доводов – почему я не могла убить Андрюшу.

– Хорошо. Почему бы нет?

Она встала и подошла к кофемашине:

– Капучино?

– Да.

Зашипел аппарат, приготавливая заказанный напиток. Алина стояла спиной к деду и загоразивала процесс приготовления напитка.

– Зачем мне его убивать? Из-за ревности? Но мы столько лет прожили вместе. Сын уже вырос. Вполне можно было бы и развестись, если бы ситуация была такой, как вы её рисуете. Из-за денег? Но мы не заключали брачный контракт. Да и богатство мужа – это только блеск в глазах завидующих людей. Я это уже вам говорила при первой встрече.

Алина поставили чашку перед Смильтоном.

– Пейте. Это хороший кофе.

Но дед не притронулся, только усмехнулся прямо в лицо Тумашовой:

– Не буду. В этой чашке снотворное. Точно такое же, какое

будет обнаружено в теле вашего мужа при эксгумации. Точно такое же, какое вы подсыпали в вино Александры. Это кофе я прихватчу с собой для экспертизы.

Он отставил чашку в сторону. Алина пристально смотрела на Александра Яковлевича, явно не зная, что сказать и что делать. Она умело скрывала эмоции, но старик почувствовал, что попал точно в цель. И, ухватившись за хвост удачи, пошёл ва-банк:

– Здесь дело даже не в ревности, – он бросил на стол фотографии Алины с американцем. – Кому ваша контора оказывает услуги? Предприятиям военно-промышленного комплекса?

В это время у старика зазвонил старенький сотовый. Он сразу ответил, не скрывая содержания разговора:

– Виталя, я у Тумашовых дома. Да, всё, как я и предполагал. Сейчас буду звонить Перескок, чтобы она выписала ордер и ехала сюда. Ты уже здесь? Поднимайся.

Это был сильный ход. Даже сам Смильтон не ожидал, что он настолько сильный. Натянутая струна не выдержала напряжения и сработала. Алина резво схватила тяжёлую хрустальную вазу с цветами и обрушила её на голову старика...

...Смильтон открыл глаза. Он лежал на полу. Голова была мокрой, как всё вокруг. Большая лужа, осколки хрусталя и разбросанные повсюду траурные гвоздики – словно репетиция похорон. Всё вокруг тошнотворно кружилось, мелька-

ло и сверкало многочисленными звёздочками. Взгляд навёл резкость на дальний план и выхватил мельтешащие ноги хозяйки квартиры. Она спешно собиралась, бормоча:

– Да где же ты? Где? А, вот...

Александр Яковлевич попытался подняться, но головокружение и боль позволили организму только стон. Алина тут же подскочила, зло выпалив:

– Ты всё ещё жив?! – она со всей силы пнула Смильтона в живот. – Сдохни, урод.

– Ах, вот они эти красные туфли ..., – тяжело дыша, выдал Смильтон.

– Что ты сказал?

– Туфли. Эти туфли были на женщине в шляпе. Удобная обувь. Трудно расстаться. Улика. На них остались микрочастицы крови Андрея. Кровь невозможно полностью смыть. Надо было их выбросить. Прокол. Большой прокол...

Тумашова уставилась на свои туфли:

– А..., узрел, старый козёл, – она стала вертеться по сторонам, выискивая орудие, которым можно прикончить старика.

Неизвестно чем бы это закончилось, но экзекуцию прервал резкий настойчивый звонок домофона. Алина сначала замерла, но затем подбежала к двери и нажала кнопку переговорного устройства:

– Кто?

– Это квартира Тумашовых? – раздался Виталькин го-

лос. – У вас находится мой дед. Пропустите меня.

– Вы ошиблись номером, – соврала Алина.

Она шустро схватила сумку и большой пакет и выбежала за входную дверь, даже не захлопнув её за собой.

Дед корчился от боли на полу кухни, когда зазвонил сотовый. Превозмогая боль, Смильтон ответил:

– Виталя...

– Дед, ты мне назвал не тот номер..., – перебил его внучок.

– Слушай меня внимательно. Слушай и молчи. Беги со всех ног от двери парадной и спрячься за какую-нибудь машину. Сейчас из дверей выбежит Алина Борисовна. Мне надо, чтобы ты аккуратно за ней проследил.

– Как?

– Как хочешь! Как можешь! Постарайся не оплошать! И звони мне время от времени.

– Слушаюсь, товарищ майор...

Когда чуть отпустило, Смильтон набрал номер телефона
Перескок:

– Николь, срочно выписывай ордер на арест Тумашовой.

– Вы с ума сошли...

– Не перебивай! Не перебивай! А то я опять потеряю сознание...

– Что случилось? – девушка поняла по голосу, что старику не до шуток.

– Она ударила меня вазой и сбежала.

– Куда?

– В польское посольство. Или что у них там в нашем городе? В консульство...

– Почему в «польское»?

– Потому что американское два года назад закрыли.

– Вы бредите?

– Слушай меня девочка внимательно. Преступница постарается пересечь границу уже сегодня. Разошли её фотографии и объяви план «Перехват». Я постараюсь организовать оперативное преследование до тех пор, пока ты не явишься с ордером. И докладывай мне обо всём.

– Я не могу. Это выше моих возможностей.

Старик нервно нажал на выключение. Затем дёрнулся и позвонил генералу:

– Лёша, ты меня знаешь. Я по пустякам звонить не стану. Сейчас я серьёзен, как никогда. Мне нужна твоя помощь...

– Перезвони через пару часов. У меня совещание, – Лиходеев отключился.

Бюрократ, хренов... Следующий звонок предназначался отцу Андрея. Он долго не брал трубку, наконец, ответил:

– Я просил вас не звонить мне.

– Я бы не звонил. Но ваша невестка попыталась меня убить и сейчас движется в сторону государственной границы.

– Вы в своём уме?

– Не уверен. Она ударила меня большой хрустальной ва-

зой. Я пока в состоянии грогги.

– Александр Яковлевич! Я сильно жалею о том дне, когда пришёл к вам...

– Заткнись, Ярослав! Наступило время действия. Ты будешь помогать или нет? Или тебе плевать на всё?

– Не верю!

– Я даю тебе возможность увидеть всё своими глазами. Моя голова уже убедилась.

– Сумасшедший старик... – Тумашов отключил телефон. Фома Неверующий. Сколько ж вас ... Аппарат Смильтона был старый, но в нём был фотоаппарат. Пришлось сфотографировать свою окровавленную голову и сделать рассылку. Откликнулась только Николь:

– Что от меня требуется?

– Объявить Тумашову в розыск и прямо сейчас приехать на её квартиру с опергруппой, чтобы зафиксировать нападение.

– Пока могу только второе. Ждите.

Ладно, надеяться на помощь извне не приходится. Придётся действовать самому. Он с трудом поднялся. Схватил кухонное полотенце и зажал им рану. Покачиваясь и держась за стенку, добрался до лифта.

На улице никого не было. Никого, кроме таджика с рюкзаком доставки еды. Увидев старика, он завопил:

– Вот ты и вышел, дорогой. Не соврал пацан. Говорит, не бойся за велосипед. Дед сейчас спустится и заплатит тебе три

тысячи.

– Он говорил про тысячу, – пробормотал Смильтон, держась за окровавленную голову.

– Позвонил, да?

– Не звонил, но прокат велосипедов дорожке не стоит.

Смильтон запустил руку в карман и вытащил пару мятых пятисоток:

– Бери, – не удержавшись, он присел прямо на асфальт, прислонившись спиной к стене дома. – А теперь расскажи, что здесь произошло.

Экспрессивный южанин завопил:

– Я завёз заказ в соседний подъезд. А тут эта сумасшедшая, как газанёт, – он указал на автомобиль Тумашовых, брошенный прямо посреди дороги. – Я в клумбу упал, – парень ткнул пальцем в направлении помятых кустов. – Зачем таким глупым женщинам руль дают! За баран права купил! Да и колёса надо качать.

Ауди стоял со спущенными шинами.

– Дальше что?

– Дальше парень этот на мой велосипед сел и сказал тебя ждуть. Ах, твоя голова совсем кровавый.

Полотенце, которым старик прижимал рану на голове, набухло от крови. По руке потекли алые ручейки...

...Первой появилась Перескок:

– Александр Яковлевич! Вам надо в больницу, – она вы-

хватила смартфон.

– Погоди, Коля. Не до больницы пока. Уйдёт преступник. Где твоя группа?

– Уже вызываю, – она сделала звонок, затем вновь обратилась к Смильтону: – Я пока не сказала, что это Тумашова и вы. Просто сообщила о нападении. Пусть всё зафиксируют, а уже потом...

– Правильно решила. Не оправдывайся. А то начнут всякую ерунду городить. Зря время потеряем, пока что-то докажем. Сними пока показания с этого парня, – указал он на развозчика еды.

Вскоре вернулся взмыленный Виталик. Приветственно улыбнулся Николь и доложил деду:

– Проследил. В Польское консульство уехала на такси. Номер такси 324 ХХК.

– Она тебя видела?

– Нет, вряд ли. Я по тротуару ехал. Пробки бешенные, но мне на руку. Иначе не успевал бы на велосипеде за машиной.

– Это ты колёса проколол? – Смильтон указал на авто Тумашовых.

– Зачем, «проколол»? Просто ниппели открутил.

– Молодец, зачёт за практические занятия.

Виталик критически оглядел окровавленную голову старика:

– Да, здорово она тебе приложила.

Смильтон попытался отшутиться:

– Если бы не артроз, сколиоз, спондилез, хондроз и склероз – я бы ей показал...

... Чуть позже они сидели в квартире Тумашовых и пили кофе. Голова старика была туго забинтована заботливыми руками Николь. Сотрудники СКР проводили обыск, фиксировали детали на месте происшествия. Виталик поинтересовался:

– И как теперь эту «мадам» оттуда выкурить?

Дед кивнул, явно показывая, что думает о том же:

– Они не могут её держать в консульстве долго. Не могут. Постараются уже сегодня, максимум завтра, перевезти через границу.

– Как?

– Так, как уже неоднократно вывозили – в багажнике.

Теперь переспросила Перескок:

– «В багажнике»?

– Ты никогда о таком не слышала? Лет десять назад один финик вывез в багажнике посольского автомобиля маленького ребёнка, украденного у матери. Это как раз здесь у нас было. И это не единичный случай.

– Зачем она вообще в посольство побежала? – задумалась Николь.

– Здесь никаких других вариантов нет, как тот, что она связана с ЦРУ.

– Откуда вы взяли, что она работает на ЦРУ?

– Из головы, родная. Из головы, по которой врезали вазой.

– Александр Яковлевич, вы что-то совсем не в ту степь.

Она в польском посольстве скрылась. В польском – а не в американском.

– В ту, Коля, в ту. Других объяснений быть не может. И это главная причина убийства Андрея. Он узнал о делишках жены. За это и поплатился. Вернее, она, увидев у него фотографии, посчитала, что он всё знает.

Перескок безнадёжно махнула рукой – у старика крыша едет. И всё же поинтересовалась:

– Агент ЦРУ? Ну-ну... Польша здесь при чём?

– При том. Это ярый союзник США. И второе: Алина могла бы бежать в консульство Эстонии. Оно совсем рядом. Но эстонское здание, как ты знаешь, находится на виду у всех. Там трудно тайно посадить человека в багажник. Американцы перед закрытием своего консульства, наверняка, продумали до мелочей пути эвакуации своих агентов. И Польша была выбрана ими неспроста. Посмотри на карте – у поляков капитально закрытый внутренний двор. Там можно организовать нудистский пляж, сатанинский шабаш, буровую установку поставить. Что угодно! Никто не заметит.

– И что вы предлагаете делать? Звонить в ФСБ?

– Ни в коем случае. Тогда это дело станет совсем безнадёжным.

– Вы в своём уме?

– В своём, Коля, в своём. Мы живём в стране, где всё про-

даётся и всё покупается.

– Вы считаете, что ФСБ...

Но старик её перебил:

– Хватит трепаться. Сейчас о том, что Алина сбежала в иностранное консульство, знаем только мы с тобой, да вот – Виталька. Поэтому я твёрдо уверен – шансы, что мы её задержим, самые высокие. А куда-то звонить – всё равно, что разболтать по секрету всему свету.

– Александр Яковлевич...

– Всё, я сказал! Прения закончились.

Николь хотела возмутиться, но старик прикрикнул:

– Слушай меня девочка и всё у нас получится. Давай к делу. Времени нет препираться. Совсем нет.

У него зазвонил телефон. Это откликнулся на «разбитую голову» Тумашов-старший:

– Извини, Александр Яковлевич, только сейчас открыл присланную тобой фотографию. Можешь объяснить, что произошло?

– Алина убила твоего сына, пыталась убить меня и теперь собирается сбежать за бугор.

В трубке помолчали...

– Это правда?

– Со мной капитан Перескок. Дать трубку?

– Не надо... Что от меня требуется?

– Слава, держи телефон при себе и сразу отвечай на мои звонки. Мы сейчас разрабатываем план. Я очень надеюсь на

твою помощь.

Увидев, что Смильтон закончил разговор, Николь возобновила расспросы:

– Хорошо, Александр Яковлевич, что вы предлагаете?

– Её сегодня, максимум завтра, повезут в багажнике. В большом багажнике автомобиля с дипломатическими номерами. Поэтому нам нужны помощники. Нам необходимо иметь три автомобиля.

– Три?

– Да. Мало того, в нужный момент необходимо будет объявить план «Перехват». Сможешь?

– Смогу. Но я не понимаю...

– Погоди. Сейчас объясню. Машина с дипломатическими номерами. Никто не имеет права её досматривать. Но они в любом случае, выпустят из консульства три автомобиля. Может даже все четыре. В одном из них и будет наша «девушка в шляпе». Они разъедутся в разные стороны. Мы не знаем, какой из этих автомобилей поедет в сторону границы. Границ у нас три: с Финляндией, с Латвией и с Эстонией. Поэтому надо проследить все маршруты этих авто. Как только станет ясно, что одна из польских машин движется к государственной границе – объявляй план перехват.

– Но зачем?

– Возникнут пробки – все встанут. Это нам на руку. К тому же у нас будет дополнительная информация с постов ДПС, где находится нужный автомобиль.

– Но вы же сказали, что мы будем следовать за ними от консульства.

– Ой, Коля, Коля. За руль там абы кого не сажают. Это специалисты своего дела. Они сразу засекут вашу слежку и попытаются оторваться. Боюсь, что это будет так. Блин, мы тоже можем попасть в пробку и тогда не успеем добраться до границы первыми. А должны... – Смильтон задумался.

– Вы хотите перехватить автомобиль с подозреваемой на самой границе?

– В точку! Прямо на контрольно-пропускном пункте.

– Но как?

– Каком кверху! Прости, за жуткий каламбур. Не сдержался. В общем, диспозиция такая. По моей задумке, я и Виталик должны оказаться на границе раньше, чем они... Ладно, долго объяснять. Но план у меня есть.

Старик достал телефон:

– Ярослав, это Смильтон. Помнится ты в юности увлекался авиацией... И сейчас? И самолёт есть? Очень хорошо.

Поговорив с отцом Андрея, дед переключился на помощников:

– Все объяснения потом. Я знаю, как нам задержать убийцу. Задание тебе, товарищ капитан: необходимо организовать три автомобиля с толковыми водителями и надёжной связью. Чтобы не было никаких проколов – аккумулятор сдох и тому подобное. Также нам всем необходимы рации. Ты, девочка, будешь дежурить в засаде с видом на польское

консульство и докладывать мне обо всех движениях. Как только автомобили начнут разъезжаться, направляй за каждым слежку. Ещё у тебя должен остаться один человек, который вообще никуда не поедет. Это на тот случай, если Алину повезут в четвёртом автомобиле, в пятом и так далее. Пусть записывает номера и сообщает нам. Так будет больше шансов не остаться в дураках. Сама же будь готова предъявить ордер на задержание Алины Тумашовой. Как только выяснится, что, к примеру, машина с дипломатическими номерами движется в сторону финской границы, сразу спеши туда же. Включай мигалки и лети. Ты должна поспеть к тому моменту, когда мы извлечём преступницу из багажника.

– Как вы это сделаете?

– Это наше дело. Ты свою задачу поняла? Тогда за дело. Я начинаю подготовку. Держим связь...

...Смильтону очень понравился самолёт Ярослава. Он его прямо так и назвал – самолёт будущего. Футуристический дизайн, редкая компоновка крыла – обратной стреловидности, замечательный обзор и возможность садиться как на сушу, так и на воду или даже на снег. Гидросамолёт мог перевозить сразу шесть пассажиров.

– Он импортный? – поинтересовался старик.

– Нет, наш. Это АСК-62. Его производит фирма Серёгина из Самары. Классная птичка. Я в восторге. Особо мне нравится то, что у него толкающие винты. Пропеллеры повёрну-

ты назад и расположены за спиной лётчика. Поэтому обзор просто великолепный. Когда на воду садишься всё отчётливо видно, никаких тебе брызг.

Для проведения операции по задержанию Алины всё было готово. В ожидании звонка от Николь, Смильтон, отец Андрея и Виталий сидели в беседке загородного дома Тумашовых и попивали чай. Гидросамолёт стоял в ста метрах от этого места, на пляже большого озера.

– Классный самолёт. Не зря купил, – никак не мог успокоиться хозяин. – Расход бензина практически, как у джипа. А скорость триста-триста пятьдесят.

Смильтон сделал рукой знак «стоп» – звонил телефон.

– Александр Яковлевич, выехали, – доложила Николь. – Сразу три машины. Я, как вы и говорили, еду за самой большой.

– Давай, действуй. Через каждые две минуты докладывай. Но сначала скажи марки машин.

– Вольво и два автомобиля Audi. Один поменьше, другой огромный джипяра. Водитель мне подсказывает – это Audi e-tron. Я еду за ним.

– Отлично. Кто остался на месте?

– Константин Владимирович и хозяин квартиры. Если что, он будет звонить прямо вам.

– Понял. Жду от тебя дальнейшую информацию.

Полякам не очень повезло. Смильтон жил в Питере с рождения. У него было много друзей и знакомых. Через одно-

го из них – Константина Владимировича Силкина – он нашёл человека, окна квартиры которого выходили прямо на ворота польского консульства. Там и устроили пункт наблюдения. Теперь Николь Викторовна и её сотрудники поспешили за покинутыми консульство машинами, а Силкин с хозяином квартиры продолжили слежку на месте. Смильтон перезвонил ему:

– Что Костя, не устал?

– Я моложе тебя на десять лет. Если ты не устаёшь, то я, почему должен?

– Ну-ну. Надеюсь на тебя.

– Не бойсь за старую гвардию. Мы в восемь глаз зырим – никого не пропустим.

– В восемь? Кто с вами ещё?

– С нами наши очки.

События развивались стремительно. Как и предсказывал Александр Яковлевич, автомобили сразу принялись маневрировать и отрываться от погони. Вскоре только автомобиль Николь продолжал держаться за приметным джипом. Хотя и здесь оперативникам приходилось не сладко. Преследуемый Audi двигался на грани фолла. Приемистая машина с места убегала вперёд, и догнать её удавалось только на следующем светофоре. Спасибо любимому ГИБДД, что светофоры у нас отрегулированы столь бестолково. Но при выезде на трассу шансов у хёндая остаться на хвосте ауди уже не было. Вольво и второй ауди растворились среди улиц большого города,

а джип, преследуемый Николь, рвался в сторону Киевского шоссе. По нему через Псков лежала прямая дорога в Эстонию, а через Остров – в Латвию.

– Пора уже? – Тумашов начал нервничать.

– Ждём, – сухо парировал старик. – Что-то мне подсказывает, что всё не так просто.

И точно, буквально через пять минут позвонил Силкин и доложил:

– Из ворот выехал представительский мерседес.

– Спасибо за зоркость глаз.

– Служу Советскому Союзу, – пошутил Константин Владимирович.

– Костя, продолжай наблюдение.

– Это ещё зачем?

– Две машины выпали из поля зрения. Мерседес тоже никто не отслеживает. Мне надо обязательно знать, если кто-то из них вернётся в консульство.

– Хитрый лис.

– Учись, пока я жив. Фото сделал?

– Обижаешь. Сейчас скину.

Так-так-так, размышлял старый сыщик. В каком из них Алина? Теоретически может быть в любом. В любом. Не будем пока торопиться. Но предварительную намётку сделать надо. Всё же я склоняюсь к последней машине. Это тактика называется: «Выпустить зайцев». Зайцев, которые отвлекут и запутают погоню. А настоящий «транспорт нелегала» спо-

койно доедет до цели. Эх, времени мало! Мало, но надо подождать. Чего? Надо подождать, когда узнаем, кто из них в каком направлении рвётся из города. Это должны подсказать задействованные в операции гаишники. Если мерседес двинется к одной из границ, значит, надо делать ставку на него. Если он не выедет за кольцевую автодорогу, то тогда транспортом Алины является джип «Audi». Но больно он приметный. Мало пока в городе таких машин. Так знающие люди сказали. Так-так-так. Подождём пока...

Ждать пришлось недолго. Пост на Киевском шоссе остановил польский джип для проверки документов. Перескок смогла вновь вцепиться ему в хвост. В это же время гаишники сообщили, что мерседес «Е» класса с номерами польского консульства миновал развязку Западного скоростного диаметра и, выехав на Скандинавское шоссе, на большой скорости движется в сторону государственной границы с Финляндией.

– Слава, заводи мотор, чувствую, что Алина в мерсе.

Уже сидя в самолёте, старик позвонил капитану:

– Николь Викторовна, как там твоя погоня?

– Только что проехали Черемыкино. Джип перестал топить. Висим на хвосте.

– Перестал топить? Отлично. Разворачивайся и через дамбу спеши к Выборгу. Мы уже летим туда.

– Александр Яковлевич, почему я должна ехать к финской границе? Почему не вы ко мне?

– Трудно объяснить, но я чувствую, что она в багажнике мерседеса. Не спорь. Я беру всё на себя.

– Вы не можете всё на себя брать. Здесь я должностное лицо, а вы пенсионер, – строго парировала капитан СКР.

– Ничего не знаю. Опоздаешь, пожалуюсь Лиходееву. Тогда узнаешь, что я за пенсионер.

Гидросамолёт разогнался и прытко взметнул в небо. Смильтон обратился к правнуку:

– Ты всё понял, что делать?

– Чего тут непонятного. Ты отвлекаешь водителя и пассажиров. Я, выгадав момент, подбегаю к багажнику и совершаю своё «жутко-вонючее» дело.

– Вопросы?

– Жаль такую тачку портить. Меня не посадят за это?

– Я же сказал, если возникнет скандал, то Перескок тебя сама арестует, а ущерб, если дело дойдёт до суда, оплатит Ярослав Андреевич. Он обещал. Говорит, что мерседес «Е» класса далеко не самый дорогой.

– Для кого как... Для меня одно его колесо – непосильная ноша. Дед, слушай, а где ты «Pivni syg» взял? Я думал, у нас его не продают.

– Не продают. Какой дурак у нас его будет продавать, если в магазинах и без него жуткий духан от просроченных продуктов.

– Ну, а ты где взял?

– Родители твои подогнали, когда из Чехии возвращались.

– «Из Чехии»? Это когда они там были?

– Лет пять назад.

– И ты до сих пор хранишь?

– Я пенсионер. У меня обычный накопительный кретицизм. Точно такой же, как и у всех стариков.

– А, я помню. Я тоже с ними в Чехию тогда летал. Точно, батя прихватил этот сыр для хохмы. Хотел друзей угостить. Он его весь вечер упаковывал перед вылетом. В сто пакетов завязал. И всё равно в такси такая вонь стояла, словно мы трупак с кладбища прихватили. Таксист заругался. Мы остановились, и мать заставила всё выбросить. Я отлично помню, что он его выкинул.

– Как оказалось не весь. Одну пачку он всё же привёз в Питер. Взял у меня стеклянную банку с завинчивающейся крышкой и засунул туда этот чудесный продукт. Но Света учуяла и перед вашим отъездом незаметно выложила. Я, в свою очередь, обнаружил эту банку и поставил в морозилку. Так она и стояла все эти годы. Правда, все продукты начинали жутко вонять из-за этого сыра – пришлось банку поменять на другую, с крышкой под закатку. Вообще, зачем он повёз эту вонючку?

– Это отдельная история. Папка рассказывал, что у него на работе есть один неадекват. Знаешь, бывают такие уроды. Жутко по любому поводу поносят русских и всё русское. Хотя сами-то кто? Так вот, когда этот глор узнал, что мой предок берёт с собой в Прагу воблу, то начал стебаться над пап-

кой. Мол, ты типичный русский турист. Таких, как ты, презирают в Европе. Мол, я, неоднократно видел, как после русских, с их воблой, бармены кружки в мусорное ведро выбрасывают. Ага, щас! В первом же баре, мы, как большинство простых «рашен туристо», заказали все закуски к пиву, которые были в меню. И среди них оказался этот самый «рiвні суг». Вонючка страшная! Да, ещё его с репчатым луком разминают, перед употреблением. Не буду спорить о вкусе пива. В Чехии, на мой взгляд, оно лучшее в мире. Тем не менее, сами чехи его со всяким «дерьмом» пьют, типа этого пивного сыра или утопенцев. Знаешь, что такое «утопенцы»? Это специально проквашенные в бочке до жуткой синевы шпикачки. Но это их пивная культура. И что? Поносить их за это? Нет, надо принять, а не вопить во всё горло, воспроизводя тупые фейки.

Старик принюхался:

– Да, пивной чешский сыр даст фору даже дуриану.

– Дед, чувствуешь, как воняет? Нас дядя Слава не выкинет без парашюта?

– У нас в квартире сейчас этим сыром ещё больше воняет.

Что нам теперь в ней не жить? Проветрится.

Чёрный мерседес был замечен с гидроплана в пятидесяти км от Выборга. «Быстро едут. Значит, точно она там, – подумал старый опер. – Ничего, успеем».

– Ты далеко? – позвонил он Николь.

– Мы на дамбе, в районе Кронштадта.

Перескок отстаёт минут на тридцать-сорок – плохо. Надо притормозить мерс.

– Коля, ты можешь сделать так, чтобы на посту ДПС перед Выборгом этот мерс остановили минут на двадцать. Он так быстро едет, что сбивает все наши планы.

– Я постараюсь, Александр Яковлевич.

Она постаралась. Поляков задержали, насколько смогли. Ещё один вопрос висел в воздухе. На какой пограничный переход двинется мерседес? Их целых три. Гидросамолёт приводнился на Краснохолмском озере, выехав на берег вприпрыжку к Светогорскому шоссе. Здесь деда с внуком забрал здоровенный кадиллак. Старик занял пассажирское место рядом с водителем, а Виталя нырнул в багажное отделение. Тумашов-старший остался за штурвалом своего гидроплана, ожидая дальнейших распоряжений Смильтона. Друга Ярослава, управляющего американским внедорожником, звали Сергеем. Он жил в Выборге и имел загранпаспорт с визой. Но, по его словам, туристов даже с документами не пускают – карантин. Граница давно закрыта. Её пересекают только дипломаты и родственники финнов. Таких немного.

– Нас развернут ещё на предварительном посту перед границей. Помяните моё слово.

– Ничего, посмотрим, – дед был настроен решительно.

Джип выехал на «Скандинавию», развернулся и встал перед развязкой со Светогорским шоссе в ожидании появления мерса.

– Серёжа, расклад такой. Нам надо ехать впереди, но мы не знаем на какой погранпункт они намылились. Я предполагаю, что они едут на Брусничное. Там в Лаппеэнранте аэропорт. Он ближе всего к границе. До него километров тридцать – не больше. Через Торфяновку до аэропорта километров двести тархтеть. Ближайший по той дороге – в Хельсинки. Не достопримечательности же финские она едет лицезреть? Светогорский переход я вообще не рассматриваю. Что им там делать? Далеко и аэропорта нет. Поэтому, как только мерс в твоих зеркалах появится, двигай впереди него и держи путь на Брусничное. Если увидишь, что на развязке он свернул на Торфяновку, тогда придётся поднапрячься. Разворачивайся и обгоняй. Понял?

– Понял.

Старик всё точно просчитал. Обе машины поехали на Брусничное. Далеко оторваться от мерседеса не получилось. Узкая дорога тянулась вдоль извилистого Сайменского канала. По ней невозможно было разогнаться. Тем не менее, Сергей, знавший этот путь наизусть, сумел сделать отрыв метров на двести. Поэтому к первому посту, где просто проверяют документы, кадиллак подъехал в гордом одиночестве. Пограничник вышел из будки и попросил предъявить документы. Сергей протянул ему свой загранпаспорт, а Смилтон – удостоверение внештатного сотрудника СКР.

Пограничник молча ознакомился с документами и вернул их владельцам:

– Разворачивайтесь. Пересечение границы вам запрещено. Карантин.

Дед ожидал такого исхода событий. Он поманил пограничника пальцем, чтобы тот нагнулся к открытому окну автомобиля, но пограничник не среагировал и решительно показал «на разворот». Пришлось изъясняться на расстоянии:

– Боец, следом за нами, только не смотри в их сторону, едет мерседес с дипломатическими номерами. Это поляки вывозят в багажнике опасного преступника. Сюда на лёгком самолёте летит оперативная группа с ордером на арест. Но, как ты сам понимаешь, никто не имеет права досматривать этот автомобиль. Дипломатический иммунитет. Пропусти нас до следующего поста, где сидит твой начальник, а мерседес придержи здесь.

– На разворот, – пограничник был привычно равнодушен и непреклонен.

– Что ж ты делаешь? Ты же на страже Родины. Там убийца в багажнике.

– Выполняйте.

– А то что?

Боец не ответил. Он доложил по рации:

– Нарушители. Не реагируют на мои распоряжения.

Из будки вышел второй боец с автоматом в руках.

– Серёга, развернись, и встань так, чтобы твой багажник был рядом с багажником мерседеса, который сейчас подъедет на наше место. И дёрнись, если сможешь. Изобрази по-

ломку.

Сергей исполнил всё, что ему сказал Смильтон. Кадиллак развернулся и заглох. Водитель выскочил и шустро открыл капот. В это время место кадиллака занял мерседес. Пограничник протянул руку за документами, но тут же завис, увидев остановку кадиллака:

– Почему остановились? Немедленно вернитесь в машину и уезжайте!

Но Сергей, не обращая на его слова никакого внимания, уткнулся головой в двигатель, изображая человека, ищущего причину поломки. Пограничник с автоматом двинулся к нему. Пора, решил дед и тихонечко выполз из своей двери. Кадиллак был здоровенным сараем – его пассажирскую дверь не было видно с поста пограничников. Поэтому незамеченный никем, старик прокрался к заднему колесу мерседеса. Польский водитель, протянувший документы для проверки, не засёк этого маневра. Пограничник с автоматом стал напирать на Сергея:

– Если через минуту вы не уедете, мы будем вынуждены вас задержать.

– Ты не видишь? Я сломался.

Сергей, как и было условлено, увлёк пограничника за собой, уткнувшись в подкапотное пространство уже с пассажирской стороны автомобиля. Сделано это было для того, чтобы Виталик смог незаметно вылезти. Старик потянул за рычажок открывания багажника кадиллака, дав условный

знак правнуку – «действуй». Тот тут же выскочил наружу. Дед при этом выпрямился и бросился к пограничнику, проверяющему документы поляков, нервно закричав:

– Почему вы нас не пропустили! Вы понимаете, что это вопрос жизни и смерти!

Он взмахнул руками и, якобы, нечаянно выбил паспорта из рук бойца. Документы поляков разлетелись в разные стороны. Дипломат, сидевший на пассажирском месте, машинально открыл дверь, желая поднять документы с земли. Пограничник ловко скинул автомат с плеча и передёрнул затвор. При этом он сделал два шага назад:

– Всем стоять и не шевелиться!

– Едут! – крикнул старик, указывая в сторону границы, откуда нёсся автомобиль с мигалкой.

Все машинально посмотрели по направлению его руки. Этим и воспользовался сообразительный Виталя. Он, не вставая с колена, резко воткнул шило в крышку багажника мерседеса и сразу же выдавил в образовавшуюся дырку содержимое большого шприца. Выдавливая, он прошипел, чтобы было слышно внутри багажника: «Заполучи свою порцию «Новичка», подруга!»

Изнутри тут же раздались жуткие вопли и удары кулаком по железу. Пассажир мерседеса, услышав шум в багажнике, громко хлопнул дверью, и машина рванула с места в сторону границы. Наплевав на разлетевшиеся по земле документы, поляки решили прорываться в Финляндию. У них это впол-

не могло получиться. До границы рукой подать. Но, проехав пару десятков метров, мерс встал. Старик успел спустить колёса со стороны водителя, и теперь, ухмыляясь, смотрел на результат своих действий.

Один из пограничников побежал за поляками. Одновременно с ним к месту остановки нарушителя добрался внедорожник пограничной службы. Александр Яковлевич остался на месте, охраняемый вторым пограничником. Но и отсюда было хорошо видно, как открылся багажник, и из него выскочила Алина. Её сразу вырвало. Она стала кричать: «Меня отравили! Вызывайте скорую!»

Из уазика выскочили пограничники и окружили польский автомобиль. Женщина продолжала орать и голосить, мотаясь из стороны в сторону.

– Скажи начальнику, чтобы он разрешил мне к нему подойти, – обратился старый опер к солдатику.

Тот согласовал этот вопрос и Смильтон наконец подошёл к мерседесу:

– Алина Борисовна Тумашова, вы арестованы по обвинению в преднамеренном убийстве своего супруга, в измене Родине и в попытке незаконного пересечения государственной границы. У вас есть все права, гарантированные конституцией. Можете молиться богу, можете обратиться с жалобой в ООН, в Европейский суд по правам человека или лично к директору ЦРУ. Но есть более реальный вариант – написать заявление в ФСБ о похищении вас гражданами Поль-

ши.

Всё это он сказал с усмешкой. У старика не было на руках ордера на арест, а это значит, что всё, произнесённое им не имело юридической силы. Но время работало против Тумашовой. Поэтому старик был готов нести полную ахинею, лишь бы дождаться приезда Перескок.

Алина хотела что-то сказать, но не успела – её опять сложили пополам рвотные позывы. За неё заступился поляк. Он обратился к офицеру с заметным западнославянским акцентом:

– Если вы немедленно не переправите нас к финляндскому посту, вас ждёт страшный международный скандал. Жуткий! Санкции вам обеспечены! Вы вновь применили химическое оружие против собственного народа. Предпринимайте действия. Мы дипломаты ЕС. Вы не имеете права нас задерживать.

Старший пограничников молча выслушал и стал набирать номер в телефоне. Очевидно, собрался докладывать начальству. Но старик остановил его:

– Не торопись капитан. Какие-такие дипломаты? Они врут. Пусть документы покажут. У них документов нет. А в багажном отделении своего автомобиля они пытались переправить через границу преступника. Это Тумашова Алина Борисовна. Она точно не гражданка ЕС. Пусть покажет документы.

Офицер на секунду задумался. Затем убрал телефон и

взял под козырёк:

– Граждане, предъявите свои документы.

Естественно, что паспортов при поляках не было. Они остались у первого пограничника. Поляк даже хрюкнул от злости:

– Это он выбил у нас из рук документы, – указал он пальцем на Смильтона, – Они остались на посту.

– Если они остались на посту – зачем вы без них поехали? – не уставал загружать всех старик. – Э, капитан, здесь дело нечистое. Надо разобраться, составить протокол о нарушениях. А то потом точно обвинят нашу страну, а у нас и протокола нет по данному инциденту.

– Предъявите документы, – повторил пограничник.

– Скажи своему солдату, пусть принесёт! – прорычал, брызгая слюной, поляк.

– Видите, как он себя ведёт? Надо всё снимать на плёнку. Он затем обвинит нас во всех грехах. А про вас скажет, что вы пытались его убить.

Перескок всё не было. Поляк почуял слабинку капитана и начал надвигаться на него своим крупным телом:

– Офицер, мы дипломаты. Эта машина польского консульства. Потрудитесь вернуть нам документы и отпустить.

– А никто их у него не забирал. Он сам бросил их на землю перед пограничником и скомандовал: «Возьми! Аппорт!» А затем сматерился и газанул в сторону границы. Точно говорю тебе капитан – это гнилое дело. Прикажи заснять этот

скандал и составь протокол. Свидетели: я и водитель кадиллака. Видишь – они все невменяемые. Явно употребляли какую-нибудь гадость.

– Ничего не понимаю. Всем молчать, – наконец повысил голос капитан. – Где ваши документы?

Поляк возмутился:

– Я же сказал – они у солдата.

– Почему они там, а вы здесь?

На этот вопрос пшеку было трудно ответить. Он неуверенно пожал плечами:

– Мы их забыли. Пусть нам вернут наши паспорта – мы опаздываем на самолёт.

Неизвестно сколько бы продолжалась эта перепалка, но наконец к первому посту подъехал автомобиль Николь. Через минуту он был уже здесь. Перескок буквально выпорхнула из двери.

– Гражданка Тумашова, вы арестованы по подозрению в преднамеренном убийстве, – обратилась она к Алине.

Польский дипломат отреагировал весьма нервно:

– Вы не имеете права! Это не Тумашова, это гражданка Польши Ванда Возняцки! – он вытащил из внутреннего кармана документ. – Вот её паспорт.

Офицер взял в руки книжечку с гербом Польши и развернул её.

– Матка Боска, – ухмыльнулся дед. – Пусть скажет что-нибудь по-польски.

Алина молчала. Дипломат нашёлся:

– Она русская, но замужем за гражданином Польши.

– Хватит ерунду молоть, – махнул рукой Смильтон. – Ещё скажите, что она перемещается в автомобиле только в багажнике. Это её любимое место.

Объяснить всё это было невозможно.

– А документик спрячьте, – добавил старик, – иначе вас можно будет обвинить в подделке удостоверения личности. А это ещё один пункт для международного скандала...

...Протокол был составлен, поляки отпущены. А Алина Борисовна направлена в следственный изолятор. Перед отъездом Перескок подошла к Смильтону:

– Тумашова обвиняет вас, что вы её отравили «Новичком». Что вы впрыснули в багажник?

– Хм, ничего особенного. Вонючий чешский сыр в десять раз страшнее дуриана. Его выдерживает только один человек из десяти. Вот, собственно, и всё. Впрочем, чтобы закамуфлировать этот запах я добавил чуть-чуть уксуса и дешёвого мужского одеколona.

– Фу! Александр Яковлевич, вы садист!

– Есть немного. Но ведь сработало. Я был уверен, что её охватит паника.

Николь улыбнулась и поцеловала Смильтона в щёку:

– Ох и умный же вы, Александр Яковлевич. Я вам поражаюсь.

– Да какой там «умный»? Ума уже нет, есть только опыт и чутьё. Нет ума – стар я уже.

– Нет, вы не «стар». Вы суперстар!

Глава четырнадцатая

Последняя

Николь вернулась в контору, а Смильтон с Виталиком отправились гулять по парку Крестовского острова. С окровавленной повязкой на голове старик выглядел героически. Все ему уступали дорогу. Несмотря на настойчивые уговоры правнука, Александр Яковлевич наотрез отказался ехать домой или в больницу, сославшись, что в его ситуации вечерняя прогулка лучший лекарь. Выйдя из парка, они остановились на набережной Финского залива. Их внимание привлекли многочисленные парусники, резвившиеся на водной глади в лучах заходящего солнца. Виталик мотнул головой:

– Я думал, дедуль, что ничего у тебя не получится. Ты один. А против тебя всё: система, зарубежные спецслужбы, болваны, недоброжелатели. Но ты всё же победил. Такой маленький. На вид невзрачный. Я же видел, что тебя многие воспринимали крайне несерьёзно.

– Всяко в жизни бывает. И лилипут способен победить великана. Они видели, что я лилипут и воспринимали меня таким. Но жизнь надо воспринимать не по форме, а по сути. Лилипут против великана. Кто победит? Вроде бы ясно кто. Но эта форма только внешне неоспорима.

Виталик задумался:

– А как ещё может быть?

– Может быть и по-другому. Вот вышли на поле боя маленький великанчик и огромный лилипутище. Кто победит? О! Вот видишь, ты смеёшься. А ответа не знаешь. Иногда то, что ты видишь, всего лишь иллюзия. Не доверяй никому. Даже своему взгляду. Твой взгляд должен быть не созерцающим, а осмысленным. А это значит – в тандеме с головой.

– Удивительно, дед, ты оказался прав. Абсолютно прав.

– Ты мне не верил?

– Ну-у-у... – замялся Виталька, – сомневался. Вот как так? Я не пойму. Как ты сразу в неё вцепился? Почему?

– Скажешь тоже, «сразу». Я же не Нострадамус. Я её заподозрил после знакомства с обстоятельствами дела.

– Вот мне интересно – с какими?

– Это хорошо, что тебе интересно. Давай вспоминать. Во-первых, эксперт сразу написал, что смерть наступила из-за удара твёрдым предметом по голове, а не из-за падения на пол. К этому его подвигли некоторые нюансы, которые нам с тобой нет смысла обсуждать. Причина? Конечно, причина. Причина для того, чтобы насторожиться. Она не указывает пальцем на Алину, но зато напрочь отвергает версию несчастного случая. Во-вторых, моя интуиция сразу щёлкнула, когда я прочитал, что на карточке Тумашовой не оказалось достаточных средств для оплаты проезда в такси. Всяко бывает, но при ближайшем знакомстве с этой женщиной, я

пришёл к выводу, что такое с ней может произойти в крайне редком случае. Физиономистика и психологический портрет в этом подспорье. Слишком она умная и продуманная для того, чтобы поехать на дачу без копейки денег. Но даже не в этом суть. Мне сразу показалось, что она хочет привести с собой в дом свидетеля. Как будто знала, что за запертыми дверями квартиры лежит мёртвый Андрей. Поставь себя на её место. Ты тоже бы захотел, чтобы твоё алиби оставалось чистым. Иначе бы все её выдумки с поездками на дачу оказались тщетны. Тщетны, если бы она сама обнаружила труп. Полиция в своих подозрениях не делает поблажек людям, обнаружившим труп. А так, следователи посчитали, что у Алины Борисовны какое-никакое алиби и не особо копались в версии семейного преступления. Тогда я в первый раз подумал о Тумашовой. Потом ещё эта несуразная шляпа и яркое платье. Явно кто-то кого-то хотел подставить. Ни один самый глупый преступник не пойдёт совершать заранее спланированное преступление в наряде, привлекающем внимание за версту. К тому же вошла дама в шляпе в подъезд по чип-коду. На видео не видно, что она делала характерное движение для нажатия кнопки вызова. Ещё одно крупное логическое несоответствие сразу мне указало на Алину. Вот смотри. Эксперт отмечает, что это убийство. Так? Так. Но двери не взломаны. Следовательно, их открывали и затем закрывали ключом. Вопрос, кто? Судя по материалам дела, дверь могла открыть своим ключом только жена или любов-

ница. Любовница? Но не в семейный же праздник Тумашовых. Да и не встречал я любовниц, которым неверные мужья дают ключи от своих семейных гнёздышек. В лучшем случае от дачи друзей. Было у меня одно дело, где любовник дал ключ от гаража. Но и это дикость. Запоминающийся кстати случай был. Он дал ей ключ. Затем пришёл сам. Но от волнения, что жена узнает, забыл шампанское, конфеты и цветы. Закрыв любовницу в гараже, побежал за вином, но встретил по дороге друга, с которым не виделся десять лет. Слово за слово, рюмка за рюмкой – и он напрочь забыл о любовнице. Вспомнил только на следующий день, когда она киянкой уже измочалила вхлам его новенький автомобиль. Это я так, к слову. В нашем деле жертва далеко не бедная, чтобы встретаться с любовницей на собственной квартире. Для этого у него целый горизонт, забитый возможностями для измены. Но опять же повторяюсь – не в семейный же праздник. И ещё на счёт праздника. Зачем она поехала на дачу? Зачем, если он снял в этот знаменательный день всё тот же памятный номер. Несуразность. Думаю, неопытная в серьёзных преступлениях Тумашова здесь совершила изначальную ошибку. Ей хотелось всё собрать в кучу: убитого мужа, его любовницу и т.д. Она не нашла ничего лучше, чем вариант с гостиницей. Но ведь глупо? Скажи, внучок.

– Теперь, когда ты мне об этом говоришь – мне и на самом деле кажется, что всё это глупо. Дурак, и тот бы догадался. Но я вроде не дурак. Но не догадался.

– Потом эта любовная переписка с Григорчук, неожиданное появление айфона в столе, где его не было при проведении обыска, приметная шляпа, заманивание Саши в отель. Всё это указывало на то, что Григорчук кто-то настойчиво хотел подставить. Кто? Сам подумай. Так постепенно из мелкого сложилась общая картина преступления.

– Да, дед! Правильно Николь сказала – ты не стар. Ты superstar!

Помолчав, Виталик всё же высказался:

– Неужели она убила мужа только из-за того, что очень хотела попасть в Америку? Дикость какая-то. Средневековье.

– Некоторые считают, что в древности процветала дикость. Уверяю тебя, друг мой, дикость была точно такой же, как и сейчас. Антураж был другим.

Они стояли на набережной Финского залива и любовались панорамным видом современного Питера: сзади стадион, над головой скоростная автострада, впереди газпромовская Игла.

– Красиво...

– Дед, тебе нравится?

– Почему мне должно не нравиться.

– Ну ты же, типа, старый. А все старые – ретрограды. Сколько было противников строительства этого небоскрёба. Мол, портит вид исторического центра.

– Причём здесь исторический центр? Это новый город, современный. Нельзя всю жизнь топтаться на месте, обве-

шивая себя веригами. Надо двигаться вперёд. Но при этом свято хранить старину.

– Я слышал, Газпром новый проект разрабатывает. Ещё один небоскрёб хотят построить выше этого.

– А я не только слышал, но и видел этот проект.

– Врёшь!

– Забудь это слово. Дед никогда не врёт. Красивое будет здание. Особенно мне наверхие башни понравилось. Купол будет в виде огромной фиги, направленной на запад.

– Дед, ты приколист.

– А называться новая башня будет «Окно в Европу».

– Ты, оказывается, стебаться умеешь...

Не прекращая оживлённого разговора, и стар и млад двинулись дальше. Дальше по набережной, по Питеру, по своей жизненной дорожке.

– Дед, а тебе ещё какое-нибудь дело поручат?

– Уже поручили.

– Какое?

– В люди тебя вывести.

– Кто?

– Твои родители.

– Тьфу, ты! Я про расследование говорю.

– Будет ещё в твоей жизни расследование. И не одно. Куда от этого деваться?

– А у тебя?

– Если ты позовёшь...

– Дед, ну кончай. Я серьёзно спрашиваю.

– А я серьёзно отвечаю.

– Слушай, грэндфазер, а как ты отнесёшься к тому, если я приударю за Николь?

– Решил заняться старушками?

– Ей двадцать шесть.

– А тебе?

– Любви все возрасты покорны...

– ...Сказала прелестная девушка, полюбившая старого бедняка. Только что-то таких историй не наблюдается. Молодые и прелестные влюбляются в стариков только при наличии у тех капитала.

– То есть ты не одобряешь.

– Одобрю, не одобряю. При чём здесь я? Николь серьёзная взрослая женщина. Думаю, у тебя, балабола, ветренного и пока совершенно беспутного, шансов нет.

– Ты так считаешь?

– Я так считаю. Кстати, ты на всех составил досье. А почему на Колю нет?

– Есть.

– Ты мне его не давал.

– Оно пока сырое.

– «Сырое». Первое впечатление – это тоже информация.

Давай посмотрю.

– Я бы не хотел...

– Давай! – дед требовательно протянул руку за смартфо-

НОМ.

– Видит бог, я этого не хотел, – вздохнул внучок, отдав деду гаджет.

– Так-так-так, сказал бедняк. Николь Викторовна Перескок. Капитан юстиции. Двадцать шесть лет. Рост 174 сантиметра. Внешность: секси 96 баллов из 100. Хм. Брюнетка с карими глазами. Стройная..., хм, легковозбудимая. Грудь №2, стремится к №3. Хм. Особые приметы. Маленький иероглиф на левой ягодице... Виталик! Вы когда успели?

...Так, болтая ни о чём, они скрылись за изгибом набережной. Но Крестовский остров круглый, а, следовательно, они обязательно вернуться. Вернутся, чтобы распутать новый клубок. Новый клубок самого хитрого и самого изощрённого преступления.

Конец